

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2025 – № 4 (26)

Ярославль
2025

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».
Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 機語国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журн.
нал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. – № 4 (26). – 131 с. – ISSN 2658-7866. –
DOI 10.20323/2658-7866-2025-4-26. – EDN ALCYDN.
2025, № 4 (26). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэнъфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжон Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Даэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйзой**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Илизонь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуни**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета ФГНИУ «Российский институт культурологии»; **Блини Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотников Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходин Александер Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кориковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республикаанская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/> ; <http://mir.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Юго-Западный университет КНР, 2025

© Авторы статей, 2025

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China
World of the Russian-speaking countries = 汉语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2025. – № 4 (26). – 131 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2025-4-26. – EDN ALCYDN. 2025, № 4 (26). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertising of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Registration number of the media:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2025

© Southwest University of the People's Republic of China, 2025

© Authors of articles, 2025

СОДЕРЖАНИЕ
ПОЛИТОЛОГИЯ

- Лю Гопин* Масштабные форумы в Тяньцзине как «мягкая сила» продвижения интересов Китая на международном уровне 5

- Страхова Н. В., Валеева Н. А.* Механизмы вовлечения молодежи в политический процесс: потенциал проектных технологий 16

- Сухова А. А.* Политическая социализация студенческой молодежи в контексте цифровизации и образовательной среды 34

ФИЛОЛОГИЯ

- Красноярова А. А., Кондаков Б. В.* Прототипическая реальность и типизация персонажей в романе С. Третьякова «Дэн Ши-Хуа» 53

- Егоров М. Ю.* Метатекстуальность как форма диаспорического самосознания: литература третьей волны эмиграции 74

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Бочкин А. А.* Философское осмысление образа дома в «коттедельных» фильмах И. Хейфица и Л. Кулиджанова 90

- Забудская Я. Л.* Греческая трагедия в кино: экранизация, адаптация, трансформация 104

- Чэнь Ци* Бёклиновский экфрасис в русской литературе: образная и нарративная структура 119

THE CONTENT
POLITICAL SCIENCE

- Liu Guoping* Large-scale forums in Tianjin as a “soft power” to promote China's interests internationally 6

- Strakhova N. V., Valeeva N. A.* Mechanisms of involving young people in the political process: project technologies potential 17

- Sukhova A. A.* Students' political socialization in the context of a digital and educational environment 35

PHILOLOGY

- Krasnoyarova A. A., Kondakov B. V.* Prototypical reality and character typification in S. Tretiakov's novel “Deng Shi-Hua” 54

- Egorov M. Yu.* Metatextuality as a form of diasporic self-consciousness: the third emigration wave literature .. 75

CULTURAL SCIENCE

- Bochkaryov A. A.* Philosophical understanding of the image of home in I.Heifitz's and L.Kulidzhanov's “thaw” films 91

- Zabudskaya Ya. L.* Greek tragedy in cinema: screen version, adaptation, transformation 105

- Chen Qi* Böcklin's ekphrasis in Russian literature: figurative and narrative structure 120

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 327.009

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-5

EDN ALJDCW

Масштабные форумы в Тяньцзине как «мягкая сила» продвижения интересов Китая на международном уровне

Лю Гопин

Кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка института иностранных языков, Тяньцзиньский педагогический университет, г. Тяньцзинь, КНР
921603345@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7664-0643>

Аннотация. В настоящей работе представлена авторская разработка, рассматривающая роль города Тяньцзинь в смыслообразовании мирового развития при проведении масштабных и всемирных форумов на городских площадках. Несмотря на то, что в общем значении продвижения площадок Китая, на которых проходят важные встречи мировых лидеров стран и крупных компаний, в материковой части страны превалируют до сих пор такие города, как Пекин и Шанхай, но и ряд иных городов (например, Тяньцзинь, Харбин или Боао) организуют так же не менее важные аналогичные форумы. Даже в период начала 2020 гг., когда, во-первых, их проведению в классическом формате мешали карантинные ограничения в связи с пандемией COVID-2019, а во-вторых, усиление процессов «культуры отмены» в адрес значительного числа стран, в том числе Российской Федерации, на территории КНР продолжали проводиться такие же мероприятия, с возможностью участия представителей всех стран мира. В конце августа – начале сентября 2025 года масштабный международный форум по расширенному заседанию Шанхайской организации сотрудничества был проведен в г. Тяньцзинь. Анализу различных аспектов влияния такого рода форумов на узнаваемость регионов Китая посвящено в настоящее время незначительное количество исследований. Именно этим и обосновывается актуальность данного научной статьи. Цель данной работы – анализ процесса ретроспективы и современного состояния предоставления и перспектив роста узнаваемости г. Тяньцзинь как центра для обсуждения и принятия политических и экономических решений всемирного масштаба. В заключительной части статьи автор приходит к выводу, что г. Тяньцзинь, после проведения заседания

© Лю Гопин, 2025

Масштабные форумы в Тяньцзине как «мягкая сила» продвижения интересов Китая на международном уровне 5

Шанхайской организации сотрудничества в августе 2025 года, станет теперь одним из наиболее узнаваемых мест в мире для организации масштабных международных форумов в Китае.

Ключевые слова: международные форумы; Летний Давос; всемирный экономический форум; geopolитика; «мягкая сила»; российско-китайское сотрудничество; Тяньцзинь; Китай

Работа выполнена при поддержке China Scholarship Council (CSC)

Для цитирования: Лю Гопин Масштабные форумы в Тяньцзине как «мягкая сила» продвижения интересов Китая на международном уровне // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 5–15. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-5>. <https://elibrary.ru/ALJDCW>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

Large-scale forums in Tianjin as a “soft power” to promote China's interests internationally

Liu Guoping

Candidate of philological sciences, senior lecturer, department of the Russian language, Institute of foreign languages, Tianjin Pedagogical University, Tianjin, PRC
921603345@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7664-0643>

Abstract. This paper presents the author's understanding of the role of Tianjin city in shaping the meanings of world development on the urban sites of large-scale and global forums. Despite the fact that in promoting China's venues for important meetings of world leaders and large companies in the mainland of the country, such cities as Beijing and Shanghai still prevail, a number of other cities, such as Tianjin, Harbin or Boao, organize equally important forums on their territories. At the beginning of the 2020s, during the COVID-2019 pandemic holding these events was hampered by quarantine restrictions, and later by growing “cancel culture” processes against a significant number of countries, including the Russian Federation. Nevertheless, similar events continued to be held on the territory of the PRC, providing opportunities for representatives of all countries in the world to participate in them. In late August-early September 2025, the city of Tianjin hosted a large-scale international forum, which was an extended SCO meeting. To date, very few works have been devoted to analyzing various aspects of the impact such forums have on the reputation of China's regions. This fact explains the relevance of the research. The study aims to analyze the process in retrospect and the current state, and prospects for the growing recognition of the city of Tianjin as a center of discussion and political and economic decision-making on a global scale. The author concludes that after hosting the SCO meeting in August 2025, the city of Tianjin will become one of the most recognizable venues in the world for hosting large-scale international forums in China.

Key words: international forums; Summer Davos; World Economic Forum; geopolitics; “soft power”; Russian-Chinese cooperation; Tianjin; China

The research was supported by the China Scholarship Council (CSC)

For citation: Liu Guoping Large-scale forums in Tianjin as a “soft power” to promote China's interests internationally. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 5–15. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-5>. <https://elibrary.ru/ALJDCW>.

Введение

Проведение всемирных экономических и политических форумов в современном мире имеет важное значение для обозначения позиции разных стран и групп интересов [Варова, 2021; Юрьевич, 2020]. К сожалению, предлагаемые институты стран Коллективного Запада в последние годы существенно дискредитировали себя, за счет занятия однобокой, политизированной позиции по ряду вопросов [Козлов, Ян, 2024; Чжао, 2025]. Вместе с тем в странах Глобального Юга, в том числе в Китайской Народной Республике, позиции различных сторон теперь формируются намного проще, чем в вышеупомянутых странах [Еганова, 2025; Кузьмин, 2025]. Именно это и может стать в ближайшие годы/десятилетия одним из тех основополагающих факторов, который перенесет основные дискуссионные и законотворческие всемирные площадки на территорию Поднебесной [Колтышев, 2025; Мелибаева, 2025].

Китае насчитывает более чем 30-летнюю историю проведения таких мероприятий и в данной отрасли представляет высокую ценность для мирового сообщества

[Ян, 2023]. Однако если ориентироваться на общие политические показатели, то роль Китая на мировой политической арене до сих пор еще не столь велика. Впрочем, есть предпосылки к тому, что в последние годы ситуация и в этом вопросе существенно меняется. Анализу различных аспектов влияния такого рода форумов на узнаваемость регионов Китая посвящено на сегодня незначительное количество исследований [Ян, 2021].

При этом несмотря на то, что в общем значении продвижения площадок Китая, на которых проходят важные встречи мировых лидеров стран и крупных компаний, в материковой части страны превалируют до сих пор такие города, как Пекин и Шанхай, но и ряд иных городов (Тяньцзинь, Харбин или Боао) организуют не менее важные форумы мирового значения. Даже в период начала 2020 гг., когда, впервых, их проведению в классическом формате мешали карантинные ограничения в связи с пандемией COVID-2019 [Ян, Ян, 2022], а во-вторых, усиление процессов «культуры отмены» в адрес значительно-го числа стран, в том числе Российской Федерации, на территории

КНР продолжали проводиться такие же мероприятия, с возможностью участия представителей всех стран мира. В конце августа – начале сентября 2025 года такой важный всемирный форум по расширенному заседанию Шанхайской организации сотрудничества (*далее ШОС*) принял город Тяньцзинь.

Цель данной работы – анализ процесса ретроспективы и современного состояния предоставления и перспектив роста узнаваемости г. Тяньцзинь как центра для обсуждения и принятия политических и экономических решений всемирного масштаба

Методы исследования

В рамках научного исследования процессов проведения международных форумов в Тяньцзине на узнаваемость Китая в мире, реализации geopolитических процедур «мягкой силы» применялись следующие научные методы: структурно-сравнительный и факторный анализ, обобщение и прогнозирование.

Результаты исследования

Выбор города Тяньцзинь для проведения самого масштабного форума (с 31 августа по 1 сентября 2025 г.) с момента основания ШОС данной организации был во многом не случаен. Сложная история страны последних 165 лет существенно отразилась и на функционировании данного города. В отличие от большинства городов Поднебесной данный город после вторжения стран-союзников во второй половине

XIX века, становится де-факто колониальным портовым городом [Chauffert-Yvert, 2020]. Причем иностранные концессии в тот момент располагаются не на восточных приморских оконечностях городах, а в самом его центре, район конгрессно-выставочного центра Мэйцзян и Итальянской улицы – на набережной реки Хайхэ. Представители данных концессий, занявшие данные территории, стали активно их обустраивать. Здесь традиционные здания сменились европеизированными постройками, которые находятся в идеальном состоянии и в наши дни. Соответственно, участники проходящих всемирных форумов на данной территории ощущают себя как в регионе западных стандартов.

Вместе с тем как отмечают в своей статье X. Wang, N. Aoki, данная градостроительная политика руководства Тяньцзиня не относится абсолютно ко всем горожанам и иным гражданам КНР столь уж однозначной в наши дни, вызывая время от времени споры и даже некоторые конфликты [Wang X., 2019]. Как и в других городах Китая, В. В. Чуркина формулирует, что одной из ведущих является проблема возникающего в связи с появлением на таких территориях социального неравенства и потери культурной идентичности [Чуркина, 2025]. Однако данный город также обладает и большим массивом национальных исторических территорий, отражающих истинную традиционную

культуру Китая. Примером тому является находящаяся почти по соседству Старинная улица города Тяньцзинь, где наоборот можно познакомиться с духом средневекового Китая во всей его красе.

Соответственно участникам данного форума, и других не менее статусных мероприятий, данный район должен был продемонстрировать как колониальное прошлое города, сформированное странами коллективного Запада, так и классическое развитие города, как прообраз выстраиваемой организации ШОС [Смирнов, 2019].

Останавливаясь на истории ШОС, стоит отметить, что ее прообразом стал механизм «Шанхайской пятерки», в 1996 году 5 стран (КНР, РФ, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан) объединились в совещательную организацию для решения вопросов пограничной безопасности между странами. Сама же организация была основана 15 июня 2001 года, уже с участием 6 стран, в том числе с включением в состав Узбекистана. Через 16 лет в состав участников присоединились Индия и Пакистан, а в последние годы еще Иран и Белоруссия [Лузанов, 2025]. Предполагалось, что на данном форуме в Тяньцзине ШОС расширится за счет Армении и Азербайджана, однако участие каждого из них было заблокировано Пакистаном и Индией соответственно. Кроме вышеупомянутых участников организации так же остаются в составе 2 страны-наблюдателя и

14 государств-партнеров, на которые приходится около половины населения мира и около четверти мирового ВВП [Минаева, 2025].

Основной локомотив роста Организации на протяжении всех лет ее существования состоит в равноправии, взаимных консультациях, уважении к многообразию культур стран не из блока G-7. Вместе с тем официально участники данного объединения регулярно заявляется, что ШОС не восстанавливает дух и принципы ведения холодной войны, создания военных блоков для конфронтаций, а лишь продвигают устои многополярности мира [Козина, 2025].

В Саммите в центре Тяньцзиня приняли участие руководители более чем 20 стран (в том числе Президент Российской Федерации), а также представители 10 международных организаций. В преддверии форума большинство экспертов сходилось во мнении, что Тяньцзиньский саммит позволит ШОС достичь большего консенсуса по всестороннему сотрудничеству, принять новые, надежные меры для поддержки высококачественного развития, направить все «силы ШОС» для формирования единой судьбы человечества, чтобы привнести в мир большую стабильность и позитивную энергию.

Главными темами для обсуждения на форуме ШОС стали кибербезопасность и технологический суверенитет, глобальное управление и финансовая автономия. Кроме то-

го, в повестке встречи лидеров стран группы ШОС были так же изменение климата, реализация различных форм внедрения возобновляемой энергетики, продовольственная безопасность и сельское хозяйство, культурные обмены и пр. Страны договорились о совместной блокировке ресурсов, обмене данными спецслужб, синхронизации списков «нежелательных» лиц, интеграции систем мониторинга трафика. Китай предоставил партнерам доступ к системе BeiDou для учета геолокации, которая устраняет монополизм GPRS в вопросах геолокации, что крайне важно в любое время, но особенно в настоящие годы усиленной турбулентности. Была подтверждена программа борьбы с «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» на 2025–2027 гг., путем обмена разведданными, совместной экстрадицией, унификацией законов. В рамках форума обсуждалось создание новых центров по борьбе с наркоторговлей в Душанбе и с экстремизмом в Ташкенте. Кроме того, было принято соглашение о сотрудничестве в программах искусственного интеллекта, в том числе в вопросах распознавания лиц и голосов, базах подозрительной активности в интернете, алгоритмах предиктивного контроля. Решено было так же создать Банк развития ШОС и выпускать облигации. Руководство Китайской народной республики под данной проект обязалось выделить 12 млрд юаней (более 1,7 млрд долл).

Несмотря на всю значимость описанного Саммита, наиболее зна-

чимым для города Тяньцзинь, продолжает оставаться международный ежегодный экономический форум «Летний Давос», который проводится уже с 2007 года (проводят поочередно с г. Далянь). В Тяньцзине он проводится так же только в конгрессно-выставочном центре Мэйцзян, несмотря на то, что город располагает и другими, даже более современными и объемными выставочными площадками, но располагающимися уже вне его центральной части. Форум «Летний Давос» является почти полной противоположностью прошедшему Саммиту ШОС, так как нацелен на диалог всех сторон мировой экономики и политики, но с главенством голоса американских организаций. Сама идея проведения такого форума принадлежала основателю и исполнительному председателю Всемирного экономического форума (ВЭФ) Клаусу Швабу [Узнародов, 2021], который в последующие годы на регулярной основе принимал участие в данном мероприятии.

В разные годы на китайском ВЭФ, параллельно с проведением важных межгосударственных переговоров регулярно представлялись актуальные для того года ведущие инновационные разработки, в том числе оборудование для виртуальной реальности и метавселенных, гаджеты, медицинские датчики для детализирования сканирования состояния тела человека, программы искусственного интеллекта и пр.

В 2025 году, в конце июня, данный форум проходил вновь в Тяньцзине и стал уже 16 по счёту. На

Лю Гопин

мероприятиях приняли участие более 1,7 тысячи представителей из 90 стран и регионов, а сам форум в этом году был посвящен таким направлениям деятельности, как интерпретации мировой экономики, перспективам Китая, отраслям в условиях перемен, инвестициям в человечество и планету, а также новым источникам энергии и материалам.

Почти на регулярной основе в этом мероприятии принимают такие известные люди такие, как Исполнительный председатель ВЭФ Клаус Шваб, президент ВЭФ Борге Бренде, глава ВТО Нгози Оконджо-Ивеала или бывший госсекретарь США и экс-советником по национальной безопасности Генри Киссинджер, руководители стран, а также представители руководства множества транснациональных компаний, в том числе General Electric, Dow Chemical, Haier, Toshiba, Uber, Wal-Mart и др. В пандемийный период данный форум не проводился в течении 3 лет, однако по окончании карантинных ограничений состав статусных участников форума не снизился.

Вместе с тем представители Российской Федерации данный форум не посещали на всем его протяжении, вне зависимости от состояния отношений с представителями стран Коллективного Запада. Изредка упоминается о возможном участии в данном мероприятии полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнева.

Указанная информация может свидетельствовать о том, что в целом руководство России относится к данному форуму как региональному, восточноазиатскому проекту взаимодействия, а не общемировому. При этом в самом Тяньцзине до сих пор с теплотой вспоминают президента Российской Федерации В. В. Путина, после того как в ходе официального визита в страну в 2018 году и встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином, он подготовил традиционную городскую еду гоубули (баоцзы). Кроме того, и одним из трех официальных языков ШОС, наряду с китайским и английским, везде, в том числе и на приветственных надписях в Тяньцзине в период проведения вышеупомянутого саммита ШОС, был русский язык. Наконец, большой штат переводчиков, русистов и даже артистов города, в том числе из ведущих университетов города, таких как Нанкайский, Тяньцзинский, Иностранных языков, Педагогический (включая и автора настоящей статьи), регулярно принимают участие в работе на данных мероприятиях, для более комфортной работы специалистов из России. Можно предполагать, что такая же программа будет на вводимом с 15 сентября 2025 года безвизовом режиме посещения Китая гражданами России, Летний Давос станет более интересным и для общественности РФ.

Вместе с тем с большой вероятностью можно предположить, что сам г. Тяньцзинь, благодаря успеш-

но проведенному Саммиту ШОС, проходившему с 31 августа по 1 сентября 2025 года, будет принимать теперь и встречи глав БРИКС, а также мероприятия двух- и многосторонних встреч представителей и руководств различных стран мира, а также экономических и политических блоков, таких как Евросоюз, АСЕАН и пр.

Заключение

Процесс роста числа международных организаций, как показывают большинство исследований, делает мир еще более многополярным. Автор настоящего исследования анализирует данный процесс с позиции выбора достойных площадок для встреч представителей политических организаций, на примере

г. Тяньцзинь. С определенной долей вероятности в настоящее время возможно именно данный город формируется новый локомотив роста в представлении собственных площадок, где определяются смыслы и договора мировой политики и торговли. И соответственно потребуется уже в ближайшие годы переосмысление происходящих процессов. Вместе с тем для российских политических и бизнес элит, по мнению автора, стоит посещать данные мероприятия, так как это несомненно увеличит положительный эффект во многих направлениях российско-китайского сотрудничества, в том числе для усиления совместных решений на международной арене.

Библиографический список

1. Варова В. В. Политическая неординарность: стилистические средства создания образа политика современности (на примере материалов Всемирного экономического форума в Давосе 2020 года) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 1 (33). С. 72–85.
2. Еганова А. Д. Три года китайского лидерства в ШОС: изменения, вызовы и будущие перспективы после ухода генерального секретаря Джан Миня // Молодые учёные России 2025 : сборник статей Всероссийского научно-исследовательского конкурса. Пенза : Наука и просвещение, 2025. С. 137–143.
3. Козина Ю. П. Государственная и региональная безопасность: роль интеграции для обеспечения безопасности на примере ШОС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, № 1. С. 103–109.
4. Козлов Л. Е. Форумы как инструмент современной внешней политики России и Китая / Л. Е. Козлов, Л. Ян // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8, № 2. С. 129–139.
5. Кузьмин Д. А. Давосский всемирный экономический форум об использовании цифровых платформ и глобальных рисках в 2025 году// Научное сообщество студентов XXI века: экономика, финансы, управление, цифровизация, психология, дизайн, право. Сборник материалов VI Межвузовской студенческой научно-практической конференции. Москва : Московский экономический институт, 2025. С. 373–380.

6. Колтышев В. В. Факторы развития сотрудничества России с государствами-членами ШОС в сфере взаимной торговли// Экономика и предпринимательство. 2025. № 3 (176). С. 392–396.
7. Лузанов В. А. Евразийское партнерство и ШОС: достижения, текущее состояние и дальнейшие направления сотрудничества / В. А. Лузанов, Н. Кабдий, А. М. Кенжебулатова // Актуальные исследования. 2025. № 9-2 (244). С. 6–10.
8. Мелибаева Г. А. Политическое взаимодействие стран в рамках ШОС: методы, проблемы и возможности / Г. А. Мелибаева, М. А. Турсунова // Высшая школа: научные исследования : материалы Международного конгресса. Москва, 2025. С. 11–18.
9. Минаева В. В. Единым фронтом: будущее СВПД через призму актов БРИКС и ШОС // Эпоха права: время объединяться. Сборник статей V Международного юридического конгресса студентов. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2025. С. 648–654.
10. Смирнов В. В. Форум «Группа стран – страна-лидер» как организационная форма активизации международного сотрудничества // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 3 (71). С. 70–73.
11. Чжао Д. Влияние противоречий между Китаем и США на развитие различных интеграционных объединений: Евразийский союз, ШОС, БРИКС, ЕС // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 308–312.
12. Чуркина В. В. Джентрификация исторического центра постсоциалистического города в перспективе внутренних туристов (на примере г. Тяньцзинь) // Семнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы чтений. Иркутск, 2025. С. 316–323.
13. Узнародов И. М. Всемирный экономический форум и перспективы глобального мира // Статистика в современном мире: методы, модели, инструменты. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : АзовПринт, 2021. С. 261–265.
14. Юревич М. А. Институт инвестиционных форумов: передовой зарубежный опыт // Journal of Economic Regulation. 2020. № 2. С. 73–82.
15. Ян Ии. Оценка в китайском и русском официальных политических дискурсах в эпоху пандемии COVID-19 (на материале выступлений глав КНР И РФ на всемирном экономическом форуме 2021 г.) / Ии. Ян, Кэ. Ян // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 135–142.
16. Ян Л. К вопросу о дипломатическом дискурсе современного Китая // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11 (124). С. 61–67.
17. Ян Л. Форумы международного сотрудничества в Китае в условиях новой эпидемиологической реальности // Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК : материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. С. 258–269.
18. Chauffert-Yvart B., Françoise G., Lu Y. [et al.] Tourism and Heritage in the Enhancement of Tianjin // Built Heritage. 2020. P. 1–20.

19. Wang X., Aoki N. Paradox Between Neoliberal Urban Redevelopment, Heritage Conservation, and Community Needs: Case Study of a Historic Neighbourhood in Tianjin, China // Cities. 2019. Vol. 85. P. 156–169.

Reference list

1. Varova V. V. Politicheskaja neordinarnost': stilisticheskie sredstva sozdaniya obraza politika sovremennosti (na primere materialov Vsemirnogo jekonomiceskogo foruma v Davose 2020 goda) = Political unconventionality: stylistic means of creating an image of a modern politician (on the materials of the World Economic Forum in Davos 2020) // Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki. 2021. № 1 (33). S. 72–85.
2. Eganova A. D. Tri goda kitajskogo liderstva v ShOS: izmenenija, vyzovy i budushchie perspektivy posle uhoda general'nogo sekretarja Dzhan Minja = Three years of Chinese leadership in the SCO: changes, challenges and future prospects after the resignation of Secretary General Zhang Min // Molodye uchjonye Rossii 2025 : sbornik statej Vse-rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Penza : Nauka i prosveshhenie, 2025. S. 137–143.
3. Kozina Ju. P. Gosudarstvennaja i regional'naja bezopasnost': rol' integracii dlja obespechenija bezopasnosti na primere ShOS = State and regional security: the role of integration for security in the SCO // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija. 2025. T. 25, № 1. S. 103–109.
4. Kozlov L. E. Forumy kak instrument sovremennoj vneshej politiki Rossii i Kitaja = Forums as a tool of Russian and Chinese modern foreign policy / L. E. Kozlov, L. Jan // Rossijsko-kitajskie issledovanija. 2024. T. 8. № 2. S. 129–139.
5. Kuz'min D. A. Davoskij vsemirnyj jekonomiceskij forum ob ispol'zovanii cifrovyh platform i global'nyh riskah v 2025 godu = Davos World Economic Forum on the use of digital platforms and global risks in 2025 // Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI veka: jekonomika, finansy, upravlenie, cifrovizacija, psihologija, dizajn, pravo. Sbornik materialov VI Mezhvuzovskoj studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva : Moskovskij jekonomicheskij institut, 2025. S. 373–380.
6. Koltyshev V. V. Faktory razvitiya sotrudnichestva Rossii s gosudarstvami-chlenami ShOS v sfere vzaimnoj torgovli = Development factors in Russian cooperation with the SCO member states in the area of trade relations // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2025. № 3 (176). S. 392–396.
7. Luzanov V. A. Evrazijskoe partnerstvo i ShOS: dostizhenija, tekushhee sostojanie i dal'nejshie napravlenija sotrudnichestva = Eurasian Partnership and the SCO: achievements, current status and future cooperation guidelines / V. A. Luzanov, N. Kabdij, A. M. Kenzhebulatova // Aktual'nye issledovanija. 2025. № 9-2 (244). S. 6–10.
8. Melibaeva G. A. Politicheskoe vzaimodejstvie stran v ramkah ShOS: metody, problemy i vozmozhnosti = Political relations among countries within the SCO: methods, challenges and opportunities / G. A. Melibaeva, M. A. Tursunova // Vysshaja shkola: nauchnye issledovanija : materialy Mezhvuzovskogo mezhdunarodnogo kongressa. Moskva, 2025. S. 11–18.
9. Minaeva V. V. Edinym frontom: budushhee SVPD cherez prizmu aktov BRIKS i ShOS = A united front: the future of the JCPOA through the prism of BRICS and SCO acts // Jepoha prava: vremja ob#edinjat'sja. Sbornik statej V Mezhdunarodnogo juridicheskogo kongressa studentov. Sankt-Peterburg : Skifija-print, 2025. S. 648–654.

10. Smirnov V. V. Forum «Gruppa stran – strana-lider» kak organizacionnaja forma aktivizacii mezhdunarodnogo sotrudnichestva = The Group of Countries – Leader Country Forum as an organizational form for enhancing international cooperation // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2019. № 3 (71). S. 70–73.
11. Chzhao D. Vlijanie protivorechij mezhdu Kitaem i SShA na razvitiye razlichnyh integracionnyh ob#edinenij: Evrazijskij sojuz, ShOS, BRIKS, ES = Impact of China-US contradictions on developing various integration alliances: Eurasian Union, SCO, BRICS, EU // Social'no-gumanitarnye znanija. 2025. № 1. S. 308–312.
12. Churkina V. V. Dzhentrifikacija istoricheskogo centra postsocialisticheskogo goroda v perspektive vnutrennih turistov (na primere g. Tjan'czin') = Gentrification of the post-socialist city's historical center in the context of inner tourism (the case of Tianjin city) // Semnadcatye Bajkal'skie social'no-gumanitarnye chtenija. Materialy chtenij. Irkutsk, 2025. S. 316–323.
13. Uznarovod I. M. Vsemirnyj jekonomicheskij forum i perspektivy global'nogo mira = The World Economic Forum and the prospects for global peace // Statistika v sovremennom mire: metody, modeli, instrumenty. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu : AzovPrint, 2021. S. 261–265.
14. Jurevich M. A. Institut investicionnyh forumov: peredovojo zarubezhnyj opty = Institute of investment forums: advanced foreign experience // Journal of Economic Regulation. 2020. № 2. S. 73–82.
15. Jan Ii. Ocenka v kitajskom i russkom oficial'nyh politicheskikh diskursah v jepohu pandemii COVID-19 (na materiale vystuplenij glav KNR I RF na vsemirnom jekonomicheskom forume 2021 g.) = Evaluation in Chinese and Russian official political discourse during the COVID-19 pandemic (based on the speeches of the heads of China and Russia at the World Economic Forum 2021) / Ii. Jan, Kje. Jan // Politicheskaja lingvistika. 2022. № 1(91). S. 135–142.
16. Jan L. K voprosu o diplomaticheskom diskurse sovremennoj Kitaja = Toward an Issue of diplomatic discourse in contemporary China // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2023. № 11 (124). S. 61–67.
17. Jan L. Forumy mezdunarodnogo sotrudnichestva v Kitae v uslovijah novoj jepidemiologicheskoy real'nosti = International cooperation forums in China in the context of the new epidemiological reality // Kommunisticheskij Kitaj. Celi i zadachi k stoletnemu jubileju KPK : materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii Centra politicheskikh issledovanij i prognozov IDV RAN. Moskva : Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk, 2021. S. 258–269.
18. Chauffert-Yvert B., Françoise G., Lu Y. [et al.] Tourism and Heritage in the Enhancement of Tianjin // Built Heritage. 2020. P. 1–20.
19. Wang X., Aoki N. Paradox Between Neoliberal Urban Redevelopment, Heritage Conservation, and Community Needs: Case Study of a Historic Neighbourhood in Tianjin, China // Cities. 2019. Vol. 85. P. 156–169.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принятая к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 24.09.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

Научная статья
УДК 327.009
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-16
EDN NTZKDT

**Механизмы вовлечения молодежи в политический процесс:
потенциал проектных технологий**

Наталья Вячеславовна Страхова¹, Наталья Ахатовна Валеева^{2✉}

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры общего образования, советник при ректорате, Институт развития образования, г. Ярославль.

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

¹strahovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5515-2958>

²akhatovna@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3621-2377>

Аннотация. Современная российская действительность демонстрирует рост интереса государства к вовлечению молодежи в политические процессы как стратегическому направлению устойчивого развития страны. В условиях низкого уровня доверия к институтам власти и политического абынтизма среди молодых граждан особое значение приобретает формирование электоральной культуры и политической субъектности старшеклассников. В данном контексте технология проектов, зарекомендовавшая себя как мощный педагогический инструмент, открывает новые возможности для формирования электорального поведения данной возрастной группы.

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты политической социализации молодежи через призму использования проектных технологий как эффективного инструмента развития гражданской активности. Исследование опирается на положения «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года» и современные концепции политического участия. Авторы анализируют механизмы формирования электоральных установок и выявляют ключевые факторы, влияющие на политическое поведение молодежи: ценностные ориентации, социальное окружение, информационная среда и уровень политической грамотности. На основе проведенного эмпирического исследования предложена модель формирования электорального поведения старшеклассников с использованием проектных технологий, способствующая повышению уровня политической осведомленности, ответственности и готовности к участию в выборах. В рамках модели особое значение придается созданию условий для самостоятельного поиска информации, анализу политических программ, разработке собственных проектов и их презентации, что способствует развитию критического мышления, ответственности и гражданской инициативы. Полученные результаты подтверждают эффективность интеграции педагогических и политологических

подходов для формирования активной гражданской позиции молодежи как субъекта политического процесса.

Ключевые слова: молодежь; избирательное поведение; политическая социализация; политическая культура; гражданская ответственность; проектные технологии; молодежная политика; политическое участие; избирательная культура; абсентеизм

Для цитирования: Страхова Н. В., Валеева Н. А. Механизмы вовлечения молодежи в политический процесс: потенциал проектных технологий // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 16–33. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-16>. <https://elibrary.ru/NTZKDT>.

Original article

Mechanisms of involving young people in the political process: project technologies potential

Natalia V. Strakhova¹, Natalia A. Valeeva^{2✉}

¹Candidate of historical sciences, associate professor at the department of general education, rector's advisor, Institute for education development, Yaroslavl.

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the department of methods for teaching history and social science, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

¹strahovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5515-2958>

²akhatovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3621-2377>

Abstract. The modern Russian reality shows the growing interest of the state in the youth involvement in political processes as a strategy for the country's sustainable development. In the circumstances of insufficient trust in the institutions of power as well as the political absenteeism among young citizens, it is particularly important to form the electoral culture and political subjectivity in high school students. In this context, project technology, which has proved to be a powerful pedagogical tool, offers new opportunities for shaping the electoral behavior in this age group.

The article considers theoretical and applied aspects of youth political socialization through the prism of project technologies as an effective tool for developing civic involvement. The research is based on the provisions of the "Strategy for implementing youth policy in the Russian Federation up to 2030" and modern concepts of political involvement. The authors analyze the mechanisms for shaping electoral attitudes and identify the key factors influencing the political behavior of young people: value orientations, social environment, information environment and the level of political literacy. The article presents a model of forming high school students' electoral behavior through the use of project technologies, which contributes to increasing the level of political awareness, responsibility and readiness to participate in elections. The model emphasizes the creation of conditions for independent information search, for political programs analysis, for designing and presenting their own projects, which contributes to the development of critical thinking, responsibility and civic initiative. The research results confirm the effectiveness

of integrating pedagogical and politological approaches for building youth's active social position as subjects of the political context.

Key words: youth; electoral behavior; political socialization; political culture; civic responsibility; project technologies; youth policy; political involvement; electoral culture; absenteeism

For citation: Strakhova N. V., Valeeva N. A. Mechanisms of involving young people in the political process: project technologies potential. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 16–33. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-16>. <https://elibrary.ru/NTZKDT>.

Введение

Одним из приоритетных направлений современной российской действительности становится вовлечение молодежи в политический процесс и формирование позитивного участия. В «Стратегии развития молодёжной политики в РФ на период до 2030 г.» указано, что проблема электоральной активности молодежи является «чрезвычайно актуальной», так как построение в России демократического общества во многом определяется отношением молодых россиян к выборам и участием в избирательном процессе» [Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 N 2233-р ...]. По данным АО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», рост членства молодежи в политических партиях идет незначительными темпами. Так, в 2022 г. 4 % опрошенной молодежи 18–35 лет заявили, что являются членами политических партий; в 2023 г. – 6 %. Кроме того, «71 % декларирует, что ходят на выборы, если есть возможность, 8 процентов принципиально не ходят на выборы... За 2022 год о своем участии в выборах заявили 36 процентов

опрошенной молодежи» [Пресс-конференция ВЦИОМ, 2025].

Основные причины этого заключаются в недостаточном доверии к институтам власти, слабой информированности о выборах, отсутствии политической мотивации и разочаровании в результатах голосования. Вместе с тем активная работа по повышению политической грамотности, развитие диалога с молодежью и создание платформ для ее участия в политической жизни могут способствовать укреплению интереса к избирательной системе и повышению гражданской активности в этой среде. Отечественные исследователи, занимающиеся политической активностью молодежи, обращают внимание на такие характеристики молодого поколения, как «пассивная электоральная группа с абсентистскими настроениями» [Пырма, 2019, с. 52] и «как потенциально активная социальная группа, предрасположенная к активным протестным действиям» [Лупенкова, 2020]. Зачастую прослеживается прямая зависимость политического поведения молодежи от системы ценностей, мотивов и установок,

а причины низкой гражданской активности ищут в социальных проблемах современного российского общества. Некоторые исследователи напрямую связывают «степень вовлеченности молодежи в политическую деятельность и ее протестный потенциал с формированием ценностных установок» [Ценностные ориентации российской молодежи..., 2017, с. 29]. Поэтому авторы данной статьи делают вывод о возможности корректировки политического поведения молодежи и прицельном формировании системы ценностей данной группы в первую очередь в период обучения в общеобразовательных организациях.

В качестве методологической основы предлагаем использовать тезисы О. М. Карпенко и И. А. Ламанова о молодежи как объекте и субъекте политического процесса [Карпенко, 2006], что позволяет рассматривать потенциальное электоральное поведение старшеклассников в аспекте воздействия политических акторов, молодежного лидерства, в технологии привлечения к участию в выборах и детерминации политической культуры.

Поскольку электоральное поведение можно рассматривать как «процесс, в ходе которого население принимает решение об участии в выборах и голосовании за того или иного кандидата, политическую партию; деятельность граждан во время избирательных кампаний, участие в выборах и референдумах; общественное поведение, которое проявляется в формировании полити-

тических предпочтений, при принятии итогового решения и непосредственно участии в голосовании во время предвыборных кампаний, голосовании за политическую партию или кандидата, голосовании на референдуме или, наоборот, в уклонении от участия в голосовании на политических выборах (явление абсентеизма)» [Кагарманова, 2025, с. 17], формированием электоральной культуры следует заниматься в подростковом возрасте.

Одной из педагогических технологий, позволяющих развивать ««гражданскую ответственность и формировать электоральные ценности» у подростков выступает технология проектов» [Смирнова, 2023, с. 112].

Технология проектов – это педагогическая методика, основанная на самостоятельной деятельности учащихся по разработке и реализации учебных и социальных проектов, направленных на решение актуальных проблем [Дьяченко, 2022]. В основе технологии лежит идея активного участия школьников в решении практических задач, что способствует развитию самостоятельности, ответственности и коммуникативных навыков. Ключевыми характеристиками технологии проектов являются:

- междисциплинарность – интеграция знаний из различных областей для решения комплексных задач;
- практико-ориентированность – ориентация на реальные социальные и гражданские проблемы;

- самостоятельность и инициативность – развитие инициативы и ответственности за результат;
- коллективность – работа в группах, что способствует развитию коммуникативных навыков и командной работы.

В контексте формирования электоральных ценностей технология проектов позволяет моделировать избирательный процесс, развивать навыки анализа политической информации и формировать активную гражданскую позицию.

На начальном этапе осуществляется формулировка актуальной и значимой темы, которая должна соответствовать образовательным стандартам и интересам обучающихся. Важным аспектом является мотивация учащихся, которая определяется благодаря их личностным интересам и потребностям. При этом мотивация и интерес выступают ключевыми факторами успешного усвоения знаний и формирования учебной деятельности [Леонтьев, 2009]. На следующем этапе анализа и планирования происходит сбор информации, определение целей, задач, ресурсов и сроков выполнения проекта [Ковалев, 2015]. Планирование способствует развитию у обучающихся навыков саморегуляции и ответственности [Шадриков, 2014]. На этапе разработки и подготовки проекта осуществляется создание продукта или решение, соответствующее поставленным задачам. Важным аспектом является развитие творческих и критических навыков [Калмыкова, 2013]. Дальнейший этап

практического выполнения запланированных мероприятий включает взаимодействие в группе, применение полученных знаний и навыков. Важна поддержка со стороны педагога и развитие коммуникативных умений [Рубинштейн, 2001]. Групповая деятельность на этом этапе способствует развитию коммуникативных и социальных компетенций. Этап презентации и защиты результатов направлен на развитие публичных выступлений, формирование уверенности в себе и навыков аргументации [Миронова, 2018]. На этапе рефлексии происходит анализ достигнутых результатов, определение трудностей и формирование личностных выводов. Рефлексия способствует развитию метакогнитивных навыков и саморегуляции. Саморефлексия – важный компонент при формировании учебной мотивации и личностного роста [Рубинштейн, 2001]. Заключительный этап включает оформление отчетов, презентаций и итоговых материалов для развития навыков систематизации и оформления результатов деятельности.

Таким образом, эффективность реализации разработки по технологии проектов обусловлена последовательностью и системностью этапов, каждый из которых опирается на педагогические и психологические теории развития личности и учебной деятельности. Внедрение данной методики способствует формированию у обучающихся ключевых компетенций, необходимых для успешной социализации и профессиональной деятельности. В

контексте формирования электорального поведения проекты позволяют обучающимся не только получить знания о системе выборов, избирательных прав и обязанностей, но и развивать навыки анализа информации, аргументации и принятия решений [Петрова, 2022]. Исследование, проведенное Е. В. Ивановой, показывает, что использование технологии проектов способствует формированию у старшеклассников понимания важности участия в выборах и ответственности за гражданский выбор [Иванова, 2022]. В рамках проекта учащиеся могут моделировать избирательный процесс, разрабатывать кампании по информированию избирателей для развития активной гражданской позиции.

На основе анализа ряда исследований можно выделить несколько *типов проектов*, направленных на формирование электоральных ценностей и поведения.

Проекты, моделирующие избирательные кампании. Одной из наиболее распространенных форм проектной деятельности является моделирование предвыборных кампаний. Старшеклассники могут брать на себя роли кандидатов, руководителей штабов, журналистов, избирателей. Такие проекты позволяют им глубже понять логику избирательного процесса, изучить механизмы агитации, анализа электората и проведения дебатов. Исследование, проведенное Y. Chen и W. Li, показало, что участие в симуляции выборов значительно по-

вышает уровень осведомленности старшеклассников об избирательной системе и формирует позитивные установки по отношению к участию в выборах [Chen, 2023]. Автор отмечает, что ключевым фактором успеха является комплексность проекта, включающая не только агитацию, но и анализ предвыборных платформ, этические аспекты избирательного процесса и медиа-грамотность.

Исследовательские проекты по анализу электорального поведения. Другим направлением является проведение старшеклассниками самостоятельных исследований, посвященных анализу электорального поведения различных групп населения, изучению причин низкой явки или исследованию влияния СМИ на избирательный процесс. Такие проекты развивают критическое мышление и исследовательские навыки. В работе M. Rodriguez и J. Garcia подчеркивается, что проекты, ориентированные на изучение реальных социальных проблем, связанных с выборами (например, анализ причин апатии к избирательному процессу в своем регионе), мотивируют учащихся к поиску решений и формированию активной позиции [Rodriguez, 2024]. Учащиеся, выполнившие такие исследования, не только углубляют свои знания, но и развивают чувство ответственности за будущее своего сообщества.

Проекты, направленные на повышение электоральной грамотности. Значительная часть проектной

деятельности может быть направлена на повышение общей электоральной грамотности, включая осведомленность о правах и обязанностях избирателей, принципах формирования органов власти, роли политических партий. Это могут быть проекты по созданию информационных буклетов, разработке образовательных игр, проведению опросов общественного мнения среди школьников и их родителей. S. Kim и H. Park исследовали влияние проектов, направленных на создание образовательного контента в цифровой среде, для повышения электоральной грамотности. Результаты показали, что проектная деятельность, включающая создание видеороликов, подкастов и интерактивных презентаций, способствует более эффективному усвоению сложной информации и формированию навыков критического потребления медиаконтента, что является важным в контексте современных избирательных кампаний [Kim, 2022, с. 61].

Междисциплинарные проекты. Наиболее эффективными, как правило, оказываются междисциплинарные проекты, интегрирующие знания из истории, обществознания, права, информатики и даже психологии. Такой подход позволяет старшеклассникам увидеть взаимосвязь различных аспектов жизни общества и более целостно осмыслить роль выборов в формировании будущего. В исследовании R. Davis и K. Miller отмечается, что комплексные проекты, требующие от учащихся применения знаний из

различных предметных областей (например, проект по разработке предвыборной программы для вымышленного кандидата, включающий анализ исторических прецедентов, изучение текущей социально-экономической ситуации и прогнозирование последствий предлагаемых мер), способствуют развитию более глубокой рефлексии и формированию более зрелых гражданских позиций [Davis, 2023].

Цель нашего исследования заключается в выявлении возможностей формирования электорального поведения старшеклассников как потенциальных избирателей средствами социально-ориентированного проекта «Я гражданин»; *задачами* – выявить отношение ярославских старшеклассников к механизмам «выборов» с помощью анкетирования, определить направления в формировании электорального поведения старшеклассников – участников проекта; показать влияние проекта на участие студентов – волонтеров.

В основе проекта лежит идея создания модульного пособия для обучающихся старших классов и педагогов, преподающих «Обществознание» на базовом и углубленном уровне в старших классах школы. На основе анализа школьных учебников и Федеральной рабочей программы по обществознанию для уровня среднего общего образования выявлены темы, которые требуют расширения за счет привлечения дополнительных знаний по истории и политологии: «Парламентаризм как институт со-

H. B. Страхова, Н. А. Валеева

циального представительства и развитие традиций парламентской демократии в России»; «Выборы в демократическом обществе как форма политического участия. Институт всеобщего избирательного права в мировой и российской практике»; «Абсентеизм, его причины и опасность»; «Избирательный процесс и избирательные системы. Избирательная система и избирательная кампания в Российской Федерации»; «Политические идеологии и становление многопартийности в Российской Федерации. Политические партии в современной РФ».

Для изучения каждой темы используются видеоролики, подготовленные специалистами в данной предметной области, при участии представителей органов государственной власти: руководителя Избирательной комиссии Ярославской области С. В. Фефилина; председателя Молодежной избирательной комиссии Ярославской области. И. Л. Ершова; депутата Ярославской областной думы А. Г. Буряноватого; председателя Регионального отделения ОГО «Ассамблея народов России» Ярославской области С. Л. Таланова; преподавателями курсов политологии Ярославского государственного университета им. Демидова. Каждый ролик сопровождается скриптом текста лекции, который обучающиеся и педагоги смогут использовать в качестве опорного конспекта. Кроме того, представлены дидактические материалы в форме визуаль-

ных источников информации, условно-графической наглядности в виде инфографики, тексты общественно-политических наук. Для организации учебной деятельности разработаны разноуровневые задания, в том числе формате ЕГЭ, сформированные по модульному принципу. Также приложен список разрешенных обучающих интернет-ресурсов с аннотацией и рекомендациями по их использованию и рекомендации по просмотру фрагментов фильмов и видеороликов, отражающих отдельные аспекты темы. По аналогии с рекомендациями для проведения федерального урока на уровне среднего общего образования подготовлены конспекты занятий для разных возрастных категорий обучающихся – для 9 класса, а также для 11 класса, изучающих темы на базовом и профильном уровнях.

Разработка концепции пособия была осуществлена в январе 2025 года, далее в период февраля – марта осуществлялась разработка содержательных единиц пособия (запись видеороликов по темам пособия; конструирование заданий для содержательных тем). С марта 2025 года началось проведение серии практических занятий со студентами исторического факультета ЯГПУ им. К. Д. Ушинского по формированию пар наставник–наставляемый, в частности методический семинар для разработки сценариев мероприятий для обучающихся, а также индивидуальные консультации для пар наставник–

наставляемый. В период апреля–май прошла первичная апробация пособия в pilotных образовательных организациях, за которой в июне последовала корректировка текста пособия и методического аппарата. В июле–августе 2025 года на основе пособия была проведена серия образовательных практикумов на базе летних загородных лагерей для обучающихся, в частности лагерь Провинциального колледжа для старшеклассников, а также занятия в рамках образовательного модуля в ДОЛ «Сахареж» для ребят из старшей возрастной группы. В сентябре проведена итоговая апробация пособия в pilotных образовательных организациях г. Ярославля в количестве восьми общеобразовательных школ, двух гимназий и Провинциального колледжа. На текущем временном отрезке осуществляется внедрение пособия в практику преподавания вопросов избирательного права с помощью проведения открытых занятий в образовательных организациях силами студентами ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (путем педагогического волонтерства в рамках реализации миссии «Обучение служением») и представление опыта проекта педагогическому сообществу.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий концепции политической социализации, электорального поведения и

гражданской идентичности личности, сформированные в рамках современной политической науки. Исследование опирается на теоретические разработки классиков политологии – Г. Алмонда, С. Вербы, Д. Истона, Л. Милбрата, – заложивших основы анализа политической культуры и механизмов участия граждан в политическом процессе. В отечественной науке методологическая база работы соотносится с концепциями политической социализации, представленными в трудах Г. В. Осипова, А. И. Соловьёва, М. Г. Мансурова, Е. В. Шестопал, акцентирующими внимание на роли институтов образования и социальных практик в формировании политической субъектности личности.

В исследовании используется структурно-функциональный подход, позволяющий рассматривать процесс вовлечения молодежи в политику как систему взаимосвязанных институтов, норм и практик, направленных на воспроизведение политической культуры общества. Применение институционального анализа обеспечивает выявление роли образовательных организаций, молодежных объединений, избирательных комиссий и органов власти в процессе политической социализации.

Ключевое место занимает компаративный подход, позволивший сопоставить традиционные формы политического воспитания с инновационными методами проектной деятельности. Он обеспечивает выявление особенностей проектных

технологий как инструмента, способствующего переходу молодежи от пассивного наблюдения за политическими процессами к осознанному участию в них.

Для анализа эмпирических данных использовались социологические и политико-психологические методы: анкетирование старшеклассников и педагогов, экспертное интервью с представителями органов молодежной политики, анализ фокус-групповых обсуждений и самоотчетов участников проекта «Я гражданин». Эти методы позволили оценить уровень политической осведомленности и готовности молодежи к электоральному участию, а также выявить мотивационные факторы, влияющие на политическое поведение.

Применение контент-анализа образовательных программ и нормативно-правовых актов в сфере государственной молодежной политики предоставило возможность определить институциональные рамки формирования электоральной культуры. Метод кейс-стади позволил детально рассмотреть проект «Я гражданин» как пример успешной интеграции педагогических технологий в политологический контекст социализации.

Для анализа отношения к выборам ярославских старшеклассников – участников проекта нами было проведено социологическое исследование. При разработке задач исследования мы ориентировались на указанные выше концепции Р. В. Пырмы о влиянии на полити-

ческое поведение молодежи системы ценностей, мотивов и установок [Пырма, 2019] и А. И. Кагармановой о необходимости интерактивных форм работы по повышению электоральной активности молодежи [Кагарманова, 2025]. Анкетирование проводилось в печатном (оффлайн) и электронном (онлайн) виде. Респондентами исследования выступили ярославские старшеклассники, участвующие в проекте «Я гражданин», и студенты – волонтеры, привлеченные к реализации данного проекта. Среднее время, необходимое для заполнения анкеты, составляет 10–15 минут. Анкета составлена с использованием вопросов из анкеты Е. В. Аршиновой, М. А. Билан, М. М. Горбатовой, И. Ю. Рассохиной [Аршинова, 2019]. Весной 2025 г. было проведено исследование электоральных предпочтений ярославских старшеклассников, отобрана контрольная группа подростков 18-ти лет, не задействованных в проекте. Были собраны 89 анкет, которые разделили для последующего анализа на 2 группы: участники проекта «Я гражданин» (65) и не принимающие участие в проекте (24).

Вопросы в анкете были разделены на 3 категории: имеющие единственный выбор, множественный выбор и паспортные вопросы в конце списка. Некоторые из них предусматривали возможность краткого ответа путем вписывания своего варианта. Сам анализ проводился в 2 этапа: сопоставление ответов на отдельные вопросы в разрезе двух

вышеназванных групп; сопряженный анализ ответов на некоторые взаимосвязанные вопросы.

Таким образом, совокупность используемых методов обеспечивает комплексное осмысление процессов политической социализации молодежи и позволяет рассматривать проектные технологии как эффективный механизм формирования электоральной культуры и политической субъектности в современной России.

Результаты исследования

Ответы на вопрос о том, интересуются ли респонденты политической жизнью страны (вопрос 1), не отличались в двух группах: доля интересующихся политикой школьников составила примерно 70 %. Такие результаты объясняются тем, что школьники, принимавшие участие в анкетировании, выбрали в качестве направления обучения социально-гуманитарный профиль. В ходе анализа результатов было отмечено, что чем выше интерес к политической жизни, тем меньше проблем дефицита информации о выборах (вопрос 5). Отдельного внимания заслуживает достаточно высокая электоральная активность семей респондентов, на что указывают результаты анкет. В то же время разница между всеми группами школьников по данному параметру оказалась небольшой. Респонденты в основном не согласились с тем, что современная российская молодежь проявляет низкую степень электоральной активности (вопрос 3).

Уровень осведомленности о деятельности молодежных политических организаций у респондентов разных групп почти одинаковый. Доля ответов «Не знаю» в обеих группах оказалась почти одинаковой (31 % в группе участников проекта и 32 % во второй группе). Во второй группе доля отрицательных ответов наибольшая (42 %), что соответствует их раннее выявленной относительной политической пассивности. Доля желающих примкнуть к молодежной политической организации оказалась невелика в обеих группах (7 % и 5 % соответственно). Действующих членов молодежных организаций среди респондентов не оказалось.

Для определения потенциальной активности участия молодежи в выборах был задан вопрос: «Вы планируете участвовать в выборах?». Общие результаты следующие: принципиально не планируют участвовать в выборах – 16 % респондентов, планируют участвовать только в президентских выборах – 14 %, всегда, или почти всегдаходить на выборы – 22 %, будут стараться – 26 %, затруднились ответить – 12 %, подумают об этом перед выборами – 10 %. К числу «абсентеистов» можно отнести тех, кто никогда не планируетходить на выборы. Респонденты, которые «никогда не планируют участвовать в выборах» чаще всего для объяснения своего нежелания выбирали следующие варианты ответа: недоверие к кандидатам, партиям, их предвыборным обещаниям – 44 %; фальсификация результатов,

от моего участия в них ничего не зависит – 32 %; выборы ничего изменить не смогут – 11 %; я не интересуюсь политикой – 13 %. Планирующие участвовать только в президентских выборах (14 %), указывали на фальсификацию результатов – 56 %; недоверие к кандидатам, партиям, их предвыборным обещаниям – 35 %; нет интереса к политике – 9 %. Для получения информации по вопросу «Какие эмоции Вы чаще всего испытываете, когда думаете о выборах?» необходимо было выбрать не более трех вариантов ответа. Представления о выборах у старшеклассников практически одинаковые. Основные эмоции, которые испытывают потенциальные молодые избиратели, когда слышат о выборах, расположились следующим образом: большинство респондентов (37 %) не испытывают никаких эмоций, на втором месте – безразличие и апатия (22 %), затем – надежда (7 %). Положительные эмоции занимают одно из последних мест – удовлетворена выборами лишь незначительная часть респондентов. Данный факт позволяет судить о том, что большинство старшеклассников относятся к выборам безразлично. Далее был задан вопрос о мотивах участия в выборах, следовало выбрать не более трех наиболее подходящих мотивов участия в избирательном процессе. Для старшеклассников – участников проекта «Я гражданин» основной мотив для электорального поведения – убежден, что мой голос важен

(46 % опрошенных). Второй по значимости вариант – «это гражданский долг, все должны ходить на выборы» (31 %). Варианты «хотя участвовать в формировании органов власти» и «не хочу, чтобы использовали мой бюллетень» выбрали 12 и 11 % респондентов соответственно. Старшеклассники, не участвующие в проекте, ответили сходным образом, однако лидирующую позицию занял «гражданский долг» (36 %), второе место – «мой голос важен» (25 %), третье – «участие в формировании государственных органов» (22 %), четвертое – «не хочу, чтобы использовали мой бюллетень» (17 %).

На вопрос «Как Вы думаете, по каким причинам люди обычно не участвуют в выборах?» были получены следующие результаты: не верят результатам выборов, выборы нечестные – 24 %; не хотят, не интересно, лень, безразличны к политике – 22 %; не видят смысла голосовать, считают, что они бесполезны и от них ничего не зависит – 15 %; не верят кандидатам, партиям, их предвыборным обещаниям – 12 %; это их осознанное решение, спланированное заранее – 8 %; нет времени, так как есть некие обстоятельства или дела – 7 %; не знают, за кого голосовать, мало информации о кандидатах – 2 %; не ходят на выборы, как это делают родители и друзья – 1 %; нет открепительного листа – 1 %; затруднились ответить – 1 %. На первом месте обоснование нечестностью выборов, отсутствие доверия к их результа-

там. На втором месте – аполитичность, «просто не хотят голосовать», «им безразлична и не интересна политика, а также останавливает банальная лень», третью из лидирующих мест занял ответ о бесполезности самого избирательного процесса. Для анализа влияния семьи на электоральное поведение был задан вопрос – «Всегда ли члены Вашей семьи ходят на выборы?». Абсентеисты отмечают, что около половины семей (49 %), ходят на выборы и всегда ходят на выборы, а оставшиеся не считают это обязательным, а более половины (71 %) семей активистов традиционно ходят на выборы и считают это своей гражданской позицией. Далее школьникам было предложено проранжировать ряд факторов влияния на электоральное поведение молодежи по степени важности. Потенциальные абсентеисты сделали это следующим образом: друзья – 39 %; информационная среда – 32 %; семья – 10 %; профессиональные коллективы – 10 %; образовательные институты – 9 %. Активисты данные факторы распределили иначе: семья – 31 %; друзья – 26 %; образовательные институты – 20 %; информационная среда – 15 %; профессиональные коллективы – 8 %. Интересно, что респонденты в обеих группах не воспользовались возможностью вписать свой ответ.

В настоящее время исследователи активно занимаются изучением электоральной активности молодежи [Магомедова, 2019; Неуструева, 2019; Митюнова, 2020]. Результаты

данного исследования утверждают, что формированием электорального поведения необходимо заниматься уже в школе. Явка молодежи на выборы, как считает А. И. Кагарманова, «имеет сложную структуру, варьирующуюся в зависимости от конкретной группы молодых избирателей, и держится в целом на достаточно высоком уровне» [Кагарманова, 2025, с. 18]. Среди факторов влияния выделяются семья, мнение близких, друзей. При этом участники проекта выше ставят образовательные институты, что свидетельствует в пользу эффективности деятельности в рамках проекта. При этом сочетание в проекте как интерактивных форм, интернет-технологий и традиционных (печатные формы и личные встречи) дает планируемые результаты, создавая позитивную информационную среду.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что в современной России формирование политической активности молодежи становится стратегическим направлением государственной политики, направленным на укрепление гражданской идентичности и демократических институтов. Анализ динамики политического участия показал, что в последние годы наблюдается постепенный рост интереса молодежи к социально-политическим практикам, однако уровень системного вовлечения в электоральный процесс остается невысоким. Полученные эмпириче-

ские данные свидетельствуют о том, что большинство молодых граждан демонстрируют выборочное и ситуативное участие в политической жизни, не связывая свои действия с устойчивыми политическими установками или идеологическими предпочтениями.

Одним из ключевых факторов, способствующих изменению данной тенденции, выступает развитие проектных форм политического воспитания, интегрированных в систему образования и молодежной политики. Опыт реализации проекта «Я гражданин» показал, что использование проектных технологий способствует формированию осознанного электорального поведения, развитию навыков критического анализа информации, а также повышению уровня доверия к институтам власти и избирательной системе. Участие в проектной деятельности способствует переходу молодежи от потребительской модели политического восприятия к модели активного гражданского участия, что выражается в росте готовности принимать участие в выборах и общественных инициативах.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение технологии проектов для формирования электорального поведения старшеклассников сопряжено с рядом вызовов:

– подготовка педагогов. Эффективная реализация проектной деятельности требует от педагогов владения специфическими методиками, умения фасilitировать про-

цесс, создавать благоприятную образовательную среду и оценивать результаты проекта. Необходима систематическая подготовка и повышение квалификации учителей в области проектного обучения и гражданско-правового образования;

– ресурсное обеспечение. Реализация некоторых проектов может потребовать доступа к специализированным программным обеспечениям, библиотечным ресурсам, возможности проведения выездных мероприятий (например, посещение избирательных участков, встреч с политиками);

– объективность и нейтральность. При разработке проектов, связанных с политическими процессами, крайне важно обеспечить максимальную объективность и нейтральность, избегая навязывания каких-либо политических взглядов. Педагоги должны выступать в роли фасилитаторов, стимулируя самостоятельный поиск и критическое мышление учащихся;

– оценка результатов. Разработка адекватных критериев оценки проектной деятельности, учитывающих не только конечный результат, но и процесс работы, уровень самостоятельности, развития критического мышления и коммуникативных навыков, является важной задачей.

На основании анализа анкетирования и экспертных интервью установлено, что уровень политической осведомленности участников проекта увеличился в среднем на 25–30 %, а доля респондентов, за-

явивших о готовности участвовать в выборах любого уровня, возросла с 42 % до 68 %. Эти показатели указывают на позитивную динамику политической социализации при целенаправленном использовании образовательных и коммуникационных технологий.

Таким образом, политологический анализ подтверждает, что проектные технологии являются эффективным инструментом в формировании электоральной культуры молодежи и могут рассматриваться как инновационный механизм интеграции образовательных, социальных и политических инсти-

тутов. Их потенциал заключается не только в передаче знаний, но и в создании условий для развития самостоятельного политического мышления и ответственности за принимаемые решения.

В перспективе данные результаты могут быть использованы для совершенствования государственной молодежной политики, разработки программ гражданского и электорального образования, а также для построения комплексной модели вовлечения молодежи в политический процесс как ключевого ресурса модернизации российской демократии.

Библиографический список

1. Аршинова Е. В. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи / Е. В. Аршинова, М. А. Билан, М. М. Горбатова, И. Ю. Рассохиная // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 119–127.
2. Дьяченко В. В. Педагогические технологии: теория и практика. Москва : Академический проект, 2022. 310 с.
3. Иванова Е. В. Использование проектных технологий в формировании гражданской ответственности у старшеклассников // Журнал педагогических инноваций. 2022. №15(3). С. 45–58.
4. Калмыкова Н. А. Развитие критического мышления у школьников // Педагогика и психология. 2015. №4. С. 45–52.
5. Кагарманова А. И. Электоральное поведение студенческой молодежи в межвыборный период (на материалах московских вузов гуманитарных направлений) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. №. 1. С. 13–29.
6. Карпенко О. М. Молодежь в современном политическом процессе в России / О. М. Карпенко, И. А. Ламанов. Москва : СГУ, 2006. 560 с.
7. Ковалев В. С. Методика проектной деятельности в школе. Москва : Пропагандист, 2015. 417 с.
8. Леонтьев А. Н. Психология деятельности. Москва : Академический проект, 2009. 398 с.
9. Лупенкова Е. Ю. Образование и общество // Экономика. Социология. Право. 2020. №2(18). С. 36–49.
10. Магомедова Е. А. Преодоление правового нигилизма и повышение электоральной активности молодежи / Е. А. Магомедова, О. С. Афонина // Вестник Калужского университета. 2019. № 2. С. 51–53.

11. Миронова И. К. Формирование метапредметных компетенций через проектную деятельность // Образование и развитие. 2015. №6. С. 33–40.
12. Митюнова И. Г. Факторы повышения электоральной активности российской молодежи // BENEFICIUM. 2020. №1. С. 65–71.
13. Неустроева А. С. Оценка уровня электоральной активности молодежи / А. С. Неустроева, Ю. В. Петренко // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества : Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.). Санкт-Петербург : СПбГУПТД, 2019. С. 302–305.
14. Петрова Н. В. Проектные технологии в воспитании гражданской ответственности старшеклассников // Педагогика и современность. 2022. №19(4). С. 33–47.
15. Пресс-конференция ВЦИОМ на тему: Итоги–2024, прогнозы – 2025. URL: <https://wciom.ru/announcements-item/press-konferencija-vciom-na-temu-itogi-2024-prognozy-2025> (дата обращения: 10.10.2025).
16. Пырма Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. №9 (2). С. 50–57.
17. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 N 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (дата обращения: 10.10.2025).
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Москва : Академический проект, 2001. 487 с.
19. Смирнова А. П. Проектная деятельность как средство формирования электоральных ценностей у подростков // Образование и политика. 2023. №28(2). С. 112–125.
20. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования : монография / под ред. С. В. Чуев. Москва : Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.
21. Шадриков В. Д. Саморегуляция и развитие личности в образовательной среде // Психология и педагогика. 2015. №2. С. 58–65.
22. Chen Y. & Li W. Simulating Elections in Schools: Impact on Civic Engagement. Journal of Political Education. 2023. 2 (V). pp. 115–132.
23. Davis R. & Miller K. Interdisciplinary Projects for Civic Education: Fostering Critical Reflection. Journal of Curriculum and Instruction. 2023. 2 (III). pp. 78–95.
24. Kim S., & Park H. Digital Citizenship and Project-Based Learning: Preparing High School Students for Participatory Democracy. Education and Information Technologies 2022. 3 (III). pp. 45–62.
25. Rodriguez M., & Garcia J. Empowering Youth Voices: Project-Based Learning for Civic Action. International Journal of Social Studies Education. 2024. 4 (VII). pp. 201–218.

Reference list

1. Arshinova E. V. Cennostnye aspekty jeklektoral'nogo povedenija studencheskoj molodezhi = Value aspects of students' electoral behavior / E. V. Arshinova, M. A. Bilan,

- M. M. Gorbatova, I. Ju. Rassohina // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2019. № 1. S. 119–127.
2. D'yachenko V. V. Pedagogicheskie tehnologii: teorija i praktika = Pedagogical technologies: theory and practice. Moskva: Akademicheskij proekt, 2022. 310 s.
3. Ivanova E. V. Ispol'zovanie proektnyh tehnologij v formirovaniy grazhdanskoy otvetstvennosti u starsheklassnikov = The use of project technologies in developing civic responsibility in high school students // Zhurnal pedagogicheskikh innovacij. 2022. №15(3). S. 45–58.
4. Kalmykova N. A. Razvitie kriticheskogo myshlenija u shkol'nikov = Developing critical thinking in schoolchildren // Pedagogika i psihologija. 2015. №4. S. 45–52.
5. Kagarmanova A. I. Jelektoral'noe povedenie studencheskoj molodezhi v mezhevbornyj period (na materialah moskovskih vuzov gumanitarnyh napravlenij) = Students' electoral behavior between elections (on the data of Moscow humanitarian universities) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki. 2025. №. 1. S. 13–29.
6. Karpenko O. M. Molodezh' v sovremennom politicheskem processe v Rossii = Youth in modern political processes in Russia / O. M. Karpenko, I. A. Lamanov. Moskva : SGU, 2006. 560 s.
7. Kovalev V. S. Metodika proektnoj dejatel'nosti v shkole = Methodology of project activities at school. Moskva : Prosveshhenie, 2015. 417 s.
8. Leont'ev A. N. Psihologija dejatel'nosti = Psychology of action. Moskva : Akademicheskij proekt, 2009. 398 s.
9. Lupenkova E. Ju. Obrazovanie i obshhestvo = Education and society // Jekonomika. Sociologija. Pravo. 2020. №2(18). S. 36–49.
10. Magomedova E. A. Preodolenie pravovogo nihilizma i povyshenie jelektoral'noj aktivnosti molodezhi = Overcoming legal nihilism and encouraging youth electoral engagement / E. A. Magomedova O. S. Afonina // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2019. No 2. S. 51–53.
11. Mironova I. K. Formirovanie metapredmetnyh kompetencij cherez proektnuju dejatel'nost' = Shaping meta-subject competencies through project-based work // Obrazovanie i razvitiye. 2015. №6. S. 33–40.
12. Mitjunova I. G. Faktory povyshenija jelektoral'noj aktivnosti rossiskoj molodezhi = Factors of enhancing electoral activity of Russian youth // BENEFICIUM. 2020. №1. S. 65–71.
13. Neustrueva A. S. Ocenna urovnya jelektoral'noj aktivnosti molodezhi = Assessment of the level of young people's electoral activity / A. S. Neustrueva, Ju. V. Petrenko // Social'naja aktivnost' molodezhi kak neobhodimoe uslovie razvitiya obshhestva : Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 21–23 nojabrja 2019 g.). Sankt-Peterburg : SPbGUPTD, 2019. S. 302–305.
14. Petrova N. V. Proektnye tehnologii v vospitanii grazhdanskoy otvetstvennosti starsheklassnikov = Project technologies in cultivating civic responsibility in high school students // Pedagogika i sovremennost'. 2022. №19(4). S. 33–47.
15. Press-konferencija VCIOM na temu: Itogi–2024, prognozy – 2025 = VCIOM press conference: 2024 results, 2025 forecasts. URL: <https://wciom.ru/announcements-item/press-konferencija-vciom-na-temu-itogi-2024-prognozy-2025> (data obrashhenija: 10.10.2025).

16. Pyrma R. V. Jelektoral'noe uchastie molodezhi v vyborah prezidenta Rossii 2018 goda = Youth electoral participation in the 2018 Russian presidential elections // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. №9 (2). S. 50–57.
17. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2024 N 2233-r (red. ot 08.05.2025) «Ob utverzhdenii Strategii realizacii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» = Order of the Government of the RF from 17.08.2024 N 2233-r (ed. from 08.05.2025) “On Approval of the Strategy for Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (data obrashhenija: 10.10.2025).
18. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii = Basics of general psychology. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. 487 s.
19. Smirnova A. P. Proektnaja dejatel'nost' kak sredstvo formirovaniya jelektoral'nyh cennostej u podrostkov = Project work as a means of forming electoral values among adolescents / Obrazovanie i politika. 2023. №28(2). S. 112–125.
20. Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizacija gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: rezul'taty issledovanija = Value attitudes of Russian youth and implementation of state youth policy: research results : monografija / pod red. S. V. Chuev. Moskva : Izdatel'skij dom GUU, 2017. 131 s.
21. Shadrikov V. D. Samoreguljacija i razvitie lichnosti v obrazovatel'noj srede = Self-regulation and personal development in the educational environment // Psihologija i pedagogika. 2015. №2. S. 58–65.
22. Chen Y. & Li W. Simulating Elections in Schools: Impact on Civic Engagement. Journal of Political Education. 2023. 2 (V). pp. 115–132.
23. Davis R. & Miller K. Interdisciplinary Projects for Civic Education: Fostering Critical Reflection. Journal of Curriculum and Instruction. 2023. 2 (III). pp. 78–95.
24. Kim S., & Park H. Digital Citizenship and Project-Based Learning: Preparing High School Students for Participatory Democracy. Education and Information Technologies 2022. 3 (III). pp. 45–62.
25. Rodriguez M., & Garcia J. Empowering Youth Voices: Project-Based Learning for Civic Action. International Journal of Social Studies Education. 2024. 4 (VII). pp. 201–218.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принятa к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

Научная статья
УДК 316.614
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-34
EDN KJEUDO

**Политическая социализация студенческой молодежи
в контексте цифровизации и образовательной среды**

Анна Алексеевна Сухова

Аспирант, преподаватель кафедры Р1 «Менеджмент организации», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург
sukhova_aa@voenmeh.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0902-4010>

Аннотация. В процессе обучения в высших учебных заведениях у студенческой молодежи наступает важный этап политической социализации, в процессе которого продолжают формироваться политические ценности и поведенческие установки. Данный процесс сопровождается влиянием комплекса институциональных и неинституциональных факторов, оказывающих различное воздействие, в зависимости от индивидуальных характеристик студентов, а также особенностей образовательной среды. Целью исследования является субъективная оценка влияния факторов политической социализации на студентов технического вуза. Институциональные факторы, влияющие на политическую социализацию студенческой молодежи, связаны с деятельностью агентов социализации, в роли которых в настоящем исследовании выступают семья, интернет, социальные сети, сверстники и преподаватели. Статья содержит теоретическое обоснование технологий искусственного интеллекта и политических событий в качестве неинституциональных факторов политической социализации студентов. При помощи методов статистического анализа, была предпринята попытка изучить влияние факторов политической социализации, в зависимости от таких показателей, как пол, возраст и специальность. Также было проверено наличие взаимосвязи между вышеуказанными факторами и уровнем политического доверия, уровнем политической активности и стремлением к профессиональному росту в сферах, связанных с принятием политических решений. Проверка исследовательских гипотез подтвердила наличие статистически значимых различий в интенсивности влияния ряда факторов политической социализации, а также выявила корреляционные взаимосвязи с исследуемыми параметрами политической вовлеченности.

Ключевые слова: студенческая молодежь; политическая социализация; факторы политической социализации; агенты политической социализации; политическое доверие; политическая активность; политические решения

Для цитирования: Сухова А. А. Политическая социализация студенческой молодежи в контексте цифровизации и образовательной среды // Мир русскогово-

рящих стран. 2025. № 4 (26). С. 34–52. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-34>. <https://elibrary.ru/KJEUDO>.

Original article

Students' political socialization in the context of a digital and educational environment

Anna A. Sukhova

Postgraduate student, lecturer of the department “Organizational Management”, D. F. Ustinov Baltic state technical university “Voenmeh”, St. Petersburg sukhova_aa@voenmeh.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0902-4010>

Abstract. In the course of studying at universities, students go through an important stage of political socialization, when political values and behavioral attitudes are formed. Alongside this process, there is a complex of institutional and non-institutional factors that have various impacts depending on students' individual features, as well as on the specific educational environment. The study focuses on the subjective assessment of the political socialization factors influencing technical university students. Institutional factors affecting students' political socialization are related to the work of its agents, whose role in this study is played by the family, the Internet, social networks, peers and teachers. The article provides a theoretical basis for artificial intelligence technologies and political events as non-institutional factors of students' political socialization. Using the methods of statistical analysis, the author attempts to study the influence of political socialization factors depending on such indicators as gender, age and specialty. In addition, the author examines whether there is a correlation between the abovementioned factors and the level of political trust, the level of political activity and the desire for professional development in the areas related to political decision-making. The tested research hypotheses confirm statistically significant differences as to the intensity of influence of some political socialization factors, and also reveal correlations with particular political involvement parameters.

Key words: university students; political socialization; factors of political socialization; agents of political socialization; political trust; political activity; political decisions

For citation: Sukhova A. A. Students' political socialization in the context of a digital and educational environment. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 34–52. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-34>. <https://elibrary.ru/KJEUDO>.

Введение

Политическая социализация – это сложный, многоступенчатый и многогранный процесс приобщения к политической жизни, определяния места индивида в процессе

взаимоотношений с обществом и государством.

В качестве объекта исследования была выбрана студенческая молодежь, которая имеет ряд характерных особенностей.

По мнению Л. Г. Лисиной и И. М. Чудиновой, с помощью политической социализации студенты приобретают основные жизненные ориентации:

- получают определенную сумму общепринятых политических знаний;
- усваивают политические ценности, придающие определенный смысл их жизни;
- формируют установки, с которыми они подходят к политическим объектам (доверие, согласие, симпатия, почтительность, апатия, недоверие, враждебность и др.) [Лисина, 2009].

Помимо того, что студент высшего учебного заведения достигает совершеннолетия, с которого начинается полноправное участие в политической жизни, происходит его гражданское становление и приобретение всех прав и обязанностей согласно действующему законодательству [Федеральный закон ..., 2002]. Также студенты находятся под влиянием академической среды (учебные курсы, преподаватели, сверстники), получают уникальный доступ к политическим знаниям, имеют возможность участвовать в политической жизни университета. Стоит отметить, что тенденция к снижению численности студентов в стране может оказать влияние на уровень политической социализации всей молодежи, придавая этому процессу неконтролируемый и пассивный характер [Новодерова, 2023]. Поэтому для такой социаль-

но-демографической группы как студенческая молодежь процесс политической социализации имеет более интенсивный характер в сопоставлении с представителями аналогичной возрастной группы.

Теоретические основания исследования

Исследованиями политической социализации занимались такие авторы научных трудов, как Е. В. Черный, Р. Ю. Зуляр, Л. Н. Чертова, Л. Г. Лисина. Ученые анализировали проблемы политической социализации студенчества в разных регионах, в том числе под влиянием цифровых технологий. Ряд отечественных авторов, включая Е. А. Брагину, Е. А. Назарову, А. В. Ореховского, Е. Г. Тарасову, Е. Н. Васильеву, исследовал влияние агентов и факторов политической социализации на молодежь исходя из разных этапов развития общества. Эмпирические исследования, содержащие авторскую оценку политической социализации студентов и ее основных факторов были отражены в диссертационных работах С. В. Рazuваева, Д. И. Федосеева, Ф. Р. Сабирзяновой, И. А. Щеглова и датируются 1999–2004 гг. Однако большинство научных трудов носит теоретический характер или потеряли свою актуальность вследствие трансформации общественно-политических отношений.

Методы исследования

В статье анализируется процесс политической социализации с использованием институционального метода. В рамках данного подхода ключевые агенты политической социализации студенческой молодежи рассматриваются как институты, формирующие политические ценности и поведенческие установки. Основой для проведения теоретического исследования – базой для проведения эмпирического исследования – послужили данные опроса студенческой молодежи БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, проведенного в мае–июне 2024 г. В исследовании приняли участие 896 студентов. Опрос был направлен на выявление субъективной оценки влияния факторов политической социализации на студентов. Выдвинутые для исследования гипотезы были проверены с помощью анализа данных опроса в программе SPSS. В качестве статистических методов применялись дисперсионный анализ, t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона.

Применение методов статистического анализа позволяет существенно разнообразить выводы по политологическим исследованиям, выделяя закономерности, скрытые при первичном анализе данных, которые становятся явными только при проведении математических вычислений. Среди отечественных исследований политической социализации не распространено приме-

нение методов статистического анализа. Однако, по мнению автора, их использование в исследовании политической социализации студенческой молодежи обосновывает актуальность и новизну проведенного исследования.

На основе изученных теоретических источников и эмпирических данных, выдвигается несколько гипотез, которые будут проверены в ходе исследования:

1. Влияние факторов политической социализации различается в зависимости от пола участников.
2. Влияние факторов политической социализации различается в зависимости от возраста участников.
3. Влияние факторов политической социализации различается в зависимости от специальности.
4. Взаимосвязь факторов политической социализации и уровня доверия к власти.
5. Взаимосвязь факторов политической социализации и политической активностью.
6. Взаимосвязь факторов политической социализации и профессионального роста в сферах, связанных с принятием политических решений.

Результаты исследования

Факторы, влияющие на политическую социализацию студенческой молодежи, связаны с деятельностью агентов социализации, в роли которых могут выступать образования, семья, сверстники, интернет и социальные сети. Агент –

институциональная единица, измеряемая в качестве таковой в приложении к социальному институту, структурным элементом которого она является [Щеглов, 2016]. Эффективность процесса политической социализации связана с оценкой влияния основных агентов.

А. М. Гатиева подчеркивает необходимость политической социализации для сохранения в обществе сложившейся политической системы, которая связана прежде всего со сменой поколений в обществе, что приводит к необходимости рекрутования подрастающего поколения в политическую систему с заранее заданными идеологическими нормами и ценностями, установками поведения [Гатиева, 2010]. В этой связи высшая школа как один из важнейших институтов социализации всегда является зеркальным отражением реальной жизни и выполняет тот социальный заказ, который ставит перед ней государство. Как наиболее консервативная организация, высшая школа воспроизводит социальный стандарт знаний, умений, навыков, ценностей и форм поведения, в том числе и политического [Ореховский, 2014]. Роль системы образования в политической социализации молодежи во многом определяется характером политической системы общества и особенностями политического режима страны. В нашей стране все более отчетливо проявляется тенденция по реализа-

ции государственной политики в сфере воспитания гражданского самосознания молодежи [Сухова, 2025].

Традиционно семья сохраняет свое влияние на протяжении всей жизни человека, а ценности, представления и навыки, выработанные в семейной среде, создают основные предпосылки для будущих результатов развития личности в различных сферах жизнедеятельности [Тарасова, 2018]. В политологическом дискурсе семья выступает «ключевым агентом», посредством которого осуществляется межпоколенческая трансляция политической культуры общества и формируются политические нормы, ценности, убеждения личности [Брагина, 2020].

Поступление в высшее учебное заведение сопровождается значительной трансформацией социального окружения студентов, расширением круга межличностных контактов. В этот период происходит интеграция с новой образовательной средой, включающей академическое сообщество, сверстников и представителей различных студенческих объединений. Под влиянием этих изменений студенты подвергаются воздействию плюралистического дискурса, что создает предпосылки для модификации его политических ориентаций.

Как отмечает А. В. Ореховский, в политической социализации студентов «возрастает функция преподавателя как агента политической

социализации, проводника и носителя политической культуры; активизируется значение преподавательского корпуса как объекта и субъекта социализации» [Ореховский, 2014, с. 3]. Таким образом, важную роль в политической социализации студенческой молодежи должны играть такие отдельные личности-агенты, как сверстники и преподаватели, которые воздействуют на индивида в процессе политического просвещения, обучения и воспитания и, в отличии от семьи, являются прямыми носителями официальных ценностей системы [Брагина, 2020].

К числу инновационных средств массовой информации могут быть отнесены интернет и социальные сети, которые воздействует на политическую социализацию через информационный и коммуникационный процессы для формирования политических установок молодежи.

Современные социальные сети «играют и положительную, и отрицательную роль в политическом процессе: они могут быть инструментом либерализации, используемым для распространения информации и знаний, но также могут быть инструментом подавления, используемым для распространения искаженной информации и фальшивых новостей. В той или иной степени, платформы социальных сетей могут использовать и демократические движения, борцы за свободу, и авторитарные режимы» [Кривошеева, 2021, с. 3499].

В результате развития интернета и новых технологий цифровой мир становится неотъемлемой частью реального. Процесс цифровизации допустимо рассматривать как неинституциональный фактор политической социализации молодежи. Цифровая трансформация общества осуществляется под влиянием новых технологий таких, как искусственный интеллект (*далее ИИ*) и нейросети. Студенческая молодежь достаточно активно применяет возможности ИИ в учебе и повседневной жизни. Это подтверждается проведенным в феврале 2025 года Ассоциацией «Я – профессионал» исследованием, по результатам которого было выявлено, что 85 % студентов российских вузов используют ИИ [85 % студентов ..., 2025]. Наиболее востребованной задачей оказался поиск информации. По мнению экспертов, принявших участие в исследовании, «алгоритмы ИИ и нейросетевые алгоритмы в автоматическом режиме могут при помощи генерации, фильтрации трансляции социально-политического контента давать оценки социально-политических фактов, событий, процессов, явлений, политиков, создавая определенным образом нагруженные и ценностно окрашенные образы, манипулируя поисковой выдачей, участвуя в реализации задач внешнего информационного давления, в том числе на избирательные системы, мобилизуя массовые протестные настроения,

устанавливая “правильные” социально-политические ориентиры в политике» [Володенков, 2024, с. 412]. Также стоит принять во внимание представленный в исследовании анализ чат-бота ChatGPT, который выявил, что нейросеть имеет политическую предвзятость [Володенков, 2024].

Таким образом, студенты предпочитают обращаться за информацией не в официальные источники, а к генерируемому чат-ботами тексту, который является альтернативным, не вызывающим доверие, ис-

точником знаний. Отсутствие критического анализа социально-политического контента может приводить к формированию информационного пузыря, влияющего на политические взгляды студентов.

Обоснование вышеперечисленных агентов политической социализации позволило составить ряд вопросов для представителей студенческой молодежи технического вуза, ответы на которые отражены на рисунке 1.

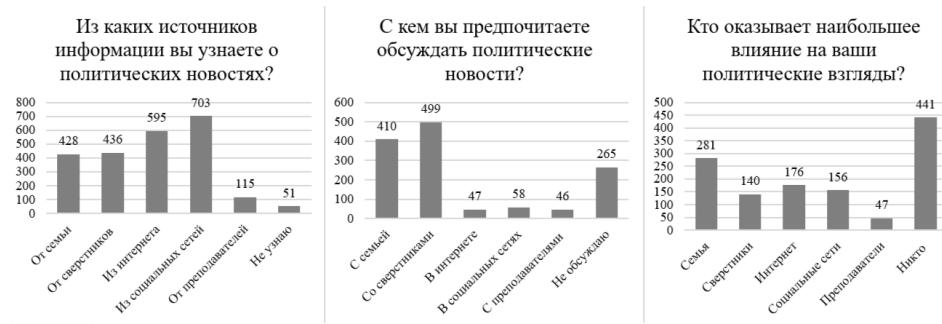

Рис. 1. Оценка роли агентов в процессе политической социализации

Наиболее востребованным источником информации о политических новостях, по мнению респондентов, выступают социальные сети (78 %) и интернет (66 %). Согласно опросу, большинство студентов (78 %) предпочитают следить за политическими новостями, используя минимум два источника информации. На основании представленных данных, при обсуждении политических новостей студенты выбирают в качестве собеседников в основном сверстни-

ков (56 %) и семью (46 %). При этом менее популярными площадками для политической коммуникации выступают интернет (5 %) и социальные сети (6 %). Наименьшая группа студентов предпочитает обсуждение политических новостей с преподавателями. Треть опрошенных респондентов предпочитают не обсуждать политические новости.

Таким образом, цифровые источники имеют важнейшее значение для получения информации, но,

с другой стороны, при обсуждении каких-либо важных политических новостей молодежь ориентируется прежде всего на мнение сверстников и родителей. Тот факт, что студенты больше доверяют личностям-агентам, а не предпочитают выносить свои рассуждения в интернет-пространство, может говорить о кризисе публичного цифрового пространства.

Самоанализ студентов при ответе на вопрос «Кто оказывает наибольшее влияние на ваши политические взгляды?» выявил, что большинство респондентов (52 %) не прослеживают влияние приве-

денных агентов политической социализации. Однако среди них, студенты выбирают семью (31 %) как основного актора политической социализации. Схожее влияние оказывают на студентов интернет и социальные сети (20 % и 17 %). Сверстники и преподаватели, по мнению студентов, в меньшей степени участвуют в формировании их политических взглядов.

В таблице 1 представлен статистический анализ влияния агентов политической социализации в зависимости от пола участников опроса.

Таблица 1.

**Влияние агентов политической социализации
в зависимости от пола студентов**

Агент политической социализации	Среднее	Станд. отклонение	Среднее женщины (N=238)	Станд. отклонение	Р уровень значимости
	мужчины (N=658)				
Семья	1,28	1,09	1,16	1,04	0,05*
Сверстники	1,20	0,95	1,19	0,97	0,34
Интернет	0,92	0,74	0,89	0,78	0,37
Социальные сети	1,01	0,68	1,06	0,74	0,07
Преподаватели	0,25	0,61	0,18	0,48	0,00***

Примечания: *р меньше 0,05

**р меньше 0,01

***меньше 0,001

Студенты мужского пола отмечают влияние семьи как наиболее выраженное, а наименее – влияние преподавателей. У студентов женского пола наиболее выраженным является влияние сверстников, а наименее – влияние преподавателей. Влияние социальных сетей,

как у мужчин, так и у женщин прослеживается больше, чем интернета. Исходя из представленных данных, следует отметить, что личностное влияние семьи и сверстников для студентов обоих полов важнее, чем цифровых ресурсов.

По результатам статистического анализа, было выявлено, что наблюдаются различия в показателях влияния семьи ($p<0,05$) и преподавателей ($p<0,001$) у представителей разного пола. Мужчины больше подвержены влиянию семьи и преподавателей, чем женщины. Поэтому можно предположить, что влияние данных агентов зави-

сит от пола участников. Также наблюдается тенденция к различию между показателями влияния социальных сетей у мужчин и женщин.

В таблице 2 представлен статистический анализ влияния агентов политической социализации в зависимости от возраста участников опроса.

Таблица 2.

**Влияние агентов политической социализации
в зависимости от возраста студентов**

Агент по- литической социализа- ции	Sре- дне- е	Стан- д.отк- ло- не- ние	Sре- дне- е	Стан- д.отк- ло- не- ние	Sре- дне- е	Стан- д.отк- ло- не- ние	Sре- дне- е	Стан- д.отк- ло- не- ние	Р уровень значимо- сти
	возраст 16- 19 (N=251)	возраст 20- 22 (N=514)	возраст 23- 25 (N=88)	возраст старше 26 (N=43)					
Интернет	0,87	0,76	0,94	0,73	0,89	0,86	0,95	0,69	0,66
Препода- ватели	0,26	0,55	0,23	0,61	0,19	0,53	0,21	0,39	0,74
Сверстни- ки	1,22	0,94	1,22	0,94	1,16	0,97	0,91	1,01	0,20
Семья	1,22	1,08	1,25	1,09	1,41	1,09	1,05	0,86	0,31
Социаль- ные сети	0,96	0,70	1,07	0,69	1,05	0,67	0,81	0,68	0,04*

Примечания: * p меньше 0,05

** p меньше 0,01

*** меньше 0,001

Среди студентов в возрасте от 16 до 25 лет наибольшее влияние на политическую социализацию прослеживается в ответах «Сверстники» и «Семья». Для студентов более старшего возраста (более 26 лет) соотношение влияния агентов политической социализации изменяется и

превалируют такие агенты, как семья и интернет, однако их значение ниже, чем у студентов младшего возраста. Наименьшее влияние прослеживается во всех возрастных группах у преподавателей.

По результатам статистического анализа было выявлено,

что наблюдаются различия в показателях влияния социальных сетей ($p<0,05$) у студентов различных возрастных групп.

В таблице 3 представлен статистический анализ влияния

агентов политической социализации в зависимости от выбранный студентами специальности с разделением на гуманитарную и техническую направленность.

Таблица 3.

**Влияние агентов политической социализации
в зависимости от специальности**

Агент политической социализации	Sреднее	Станд. отклонение	Sреднее	Станд. отклонение	Р уровень значимости
	техническая (N=747)		гуманитарная (N=149)		
Семья	1,23	1,077	1,32	1,073	0,91
Сверстники	1,20	0,952	1,21	0,961	0,96
Интернет	0,91	0,742	0,91	0,800	0,27
Социальные сети	1,01	0,695	1,11	0,693	0,39
Преподаватели	0,22	0,574	0,27	0,600	0,19

Среди студентов как технических, так и гуманитарных специальностей преобладает влияние семьи и сверстников. При этом влияние интернета и преподавателей наименее выраженное.

По этому вопросу не было выявлено статистически значимых различий ($p>0,05$) между студентами, обучающимися на разных специальностях. Данное наблюдение можно объяснить с

позиции универсальности механизмов первичной социализации и влияния единой государственной политики в сфере образования и гражданского самосознания личности.

В таблице 4 представлен анализ взаимосвязи оценки влияния агентов политической социализации и уровня доверия к общественно-политической власти.

Таблица 4.

Взаимосвязь агентов политической социализации и уровня доверия к власти

Корреляция Пирсона	Семья	Сверстники	Интернет	Социальные сети	Преподаватели
Уровень доверия к политической власти	0,148**	0,025	0,098**	0,079*	0,128**

Примечания: * p меньше 0,05

** p меньше 0,01

*** меньше 0,001

Наблюдается взаимосвязь между следующими агентами политической социализации и уровнем доверия к власти: семья ($r=0,148$; $p<0,01$), интернет ($r=0,098$; $p<0,01$), социальные сети ($r=0,079$; $p<0,05$), преподаватели ($r=0,128$; $p<0,01$). Чем выше оценка влияния данных агентов, тем выше уровень доверия к политической власти. При этом результаты опроса показывают, что у студентов наибольшее доверие вызывают Президент РФ (56 %), Вооруженные силы РФ (34 %) и

Правительство РФ (23 %). Наименьше доверия, по мнению опрошенных, заслуживают такие общественные и политические силы, как средства массовой информации (41 %), представители бизнеса (29 %) и религиозные организации (26 %).

В таблице 5 представлен анализ взаимосвязи оценки влияния агентов политической социализации и уровня политической активности участников опроса.

Таблица 5.

Взаимосвязь агентов политической социализации и уровня политической активности студентов

Корреляция Пирсона	Семья	Сверстники	Интернет	Социальные сети	Преподаватели
Политическая активность	0,118* *	0,095**	0,151**	0,141**	0,101**

Примечания: * p меньше 0,05

** p меньше 0,01

*** меньше 0,001

Наблюдается взаимосвязь между всеми представленными агентами политической социализации и вы-

раженностью политической активности. Наибольшая взаимосвязь в ответах «Интернет» ($r=0,151$;

$p<0,01$) и «Социальные сети» ($r=0,141$; $p<0,01$). Так, чем выше оценка влияния данных агентов, тем выше уровень политической активности студентов. Наименее выраженная данная взаимосвязь у преподавателей ($r=0,101$; $p<0,01$) и сверстников ($r=0,095$; $p<0,01$). Наиболее распространенными формами политической активности, на основе полученных данных, яв-

ляются голосование на выборах (63 %) и подача жалоб и рекомендаций в муниципальные администрации (16 %).

В таблице 6 представлен анализ взаимосвязи оценки влияния агентов политической социализации и стремления студентов к профессиональному росту в сферах, связанных с принятием политических решений.

Таблица 6.

Взаимосвязь агентов политической социализации и профессиональным ростом в политических сферах

Корреляция Пирсона	Семья	Сверстники	Интернет	Социальные сети	Преподаватели
Профессиональный рост в сферах, связанных с принятием политических решений	0,077*	0,068*	0,021	0,070*	0,186**

Примечания: * p меньше 0,05

** p меньше 0,01

*** меньше 0,001

Согласно данным, представленным в таблице 6, прослеживается влияние следующих агентов на возможность профессионального роста студентов в политике: семья ($r=0,077$; $p<0,05$), сверстники ($r=0,068$; $p<0,05$), социальные сети ($r=0,070$; $p<0,05$) и преподаватели ($r=0,186$; $p<0,01$). При этом наибольшая взаимосвязь наблюдается с преподавателями. Отсюда можно сделать вывод, что чем активнее студент взаимодействует с данными агентами, тем выше его стремление к профессиональному политической деятельности. Взаимосвязи в ответах между интерне-

том и оценкой своего профессионального роста в сферах, связанных с принятием политических решений не наблюдается.

Различают следующие основные системы политической социализации: прямая целенаправленная социализация; стихийная социализация; самовоспитание и самообразование [Назарова, 2022]. При этом стихийная социализация не носит определенного целенаправленного характера, а может быть обусловлена происходящими процессами и значимыми политическими событиями. Особое значение она пред-

ставляет для людей подросткового возраста.

Политическая обстановка, в которой развиваются граждане, часто игнорируется российскими и международными авторами как фактор политической социализации [Зверев, 2008; Neundorf, 2017]. Поэтому в современных условиях и при изучении студенческой молодежи, необходимо принимать во внимание такой неинституциональный фактор политической социализации, как социально-экономические и политические события, которые влияет на изменение социального положения индивида в обществе, а также его политических взглядов.

Анализ российского и международного опыта демонстрирует обоснованность данного утверждения. Процесс воссоединения Крыма с Российской Федерацией следует рассматривать в контексте политической истории России, как одно из главных политических событий XXI века. Следует отметить и то, что около 90 % молодежи в возрасте до 30 лет приняли участие в референдуме 16 марта 2014 г. Данная информация отражает активный интерес крымской молодежи к политике в этот период [Хриенко, 2016]. Активное политическое размежевание России с «коллективным Западом», стремительно оформленное после начала специальной военной операции в 2022 г., стимулировало процесс политического самоопределения среди студенческой молодежи, который проявляется в поддержке

выбранного политического курса [Устинкин, 2024]. E. Dinas в своем исследовании показал, как Уотергейтский скандал повлиял на негативные оценки главы государства молодыми людьми [Dinas, 2013]. Другой пример из исследования R. Erickson и L. Stoker демонстрирует, как война во Вьетнаме повлияла на политические взгляды, связанные с партийной принадлежностью и международными отношениями среди молодых американцев [Erickson, 2011].

В связи с вышесказанным, студентам было предложено ответить на вопрос о влиянии политических событий на их взгляды. Несмотря на значительные расхождения в полученных мнениях, политические события являются значимым фактором формирования взглядов для большинства студентов («да», «скорее да, чем нет» – 53 %), тогда как остальные («нет», «скорее нет, чем да» – 47 %) в разной степени отрицают его воздействие. При этом 30 % («да») опрошенных однозначно подтверждают данное влияние, а еще 23 % («скорее да, чем нет») демонстрируют частичную восприимчивость данного фактора. Среди следующей группы студентов («скорее нет, чем да» – 20 %) можно допустить присутствие редких исключений, например, воздействие одного или нескольких политических событий.

В таблице 7 представлен статистический анализ влияния такого неинституционального фактора по-

литической социализации, как политические события, в зависимости от пола, возраста и выбранной специальности.

Таблица 7.

Влияние политических событий в зависимости от пола, возраста и специальности студентов

Группа	Среднее	Станд.отклонение	P уровень значимости
пол			
Мужской	1,53	1,197	0,014*
Женский	1,59	1,117	
возраст			
16–19	1,52	1,178	0,902
20–22	1,55	1,181	
23–25	1,59	1,131	
Старше 26	1,44	1,240	
специальность			
Техническая	1,55	1,174	0,74
Гуманитарная	1,52	1,189	

По результатам статистического анализа было выявлено влияние политических событий в зависимости от пола ($p<0,05$). При этом у женщин данное влияние наиболее выраженное, чем у мужчин. Не было выявлено статистически значимых различий во влиянии политических событий в зависимости от возраста и специальности ($p>0,05$). Однако наиболее выраженный показатель оценки влияния политиче-

ских событий у студентов в возрасте 23–25 лет.

Также был проведен анализ взаимосвязи между оценкой влияния политических событий и уровнем доверия к общественно-политической власти, уровнем политической активности студентов и стремлением к профессиональному росту в сферах, связанных с политикой (см. табл. 8).

Таблица 8.

Взаимосвязь оценки влияния политических событий и уровня доверия к власти, уровня политической активности и стремления к профессиональному росту в политике

Фактор политической социализации	Уровень доверия к власти	Политическая активность студентов	Профессиональный рост в политике
Политические события	-0,043	0,115**	0,076*

По результатам анализа наблюдается взаимосвязь между оценкой влияния политических событий и уровнем политической активности студентов ($r=0,076$; $p<0,05$), а также

стремлением к профессиональному росту в политике ($r=0,115$; $p<0,01$).

В таблице 9 представлены обобщенные результаты проверки исследовательских гипотез на основе проведенного анализа.

Таблица 9.

Результаты проверки исследовательских гипотез

Гипотеза	Вывод
Влияние факторов политической социализации различается в зависимости от пола участников	Частично принята
Влияние факторов политической социализации различается в зависимости от возраста участников	Частично принята
Влияние факторов политической социализации различается в зависимости от специальности	Отклонена
Взаимосвязь факторов политической социализации и уровня доверия к власти	Частично принята
Взаимосвязь факторов политической социализации и политической активностью	Принята
Взаимосвязь факторов политической социализации и профессиональным ростом в сферах, связанных с принятием политических решений	Частично принята

Заключение

Таким образом, влияние факторов политической социализации носит дифференцированный характер, что проявляется в интенсивности воздействия, специфике трансляции определенных норм и ценностей, возрастной динамике значимости.

Полученные эмпирические данные свидетельствуют о статистически значимой корреляции между факторами политической социализации и тремя ключевыми параметрами политической вовлеченности: (1) уровнем доверия к политической власти, (2) уровнем политической активности и (3) стремлением к профессиональному росту в сферах, связанных с принятием полити-

тических решений. Данная взаимозависимость подтверждает существенное влияние исследуемых факторов политической социализации на формирование указанных поведенческих характеристик, выступающих в качестве важных элементов эффективной модели политической социализации.

Стоит отметить особую институциональную значимость преподавателей, обладающих профессиональным и социальным авторитетом в академической среде и имеющих возможность осуществить целенаправленное воздействие на политические предпочтения студентов.

Результаты анализа демонстрируют, что политические события являются значимыми в формировании политических взглядов студентов, хотя это влияние и не является абсолютно доминирующим. Также наряду с новыми медиа, использующими интернет и социальные сети, необходимо отдельно рассматривать влияние ИИ как неинституционального фактора политической

социализации. Обобщенные данные об основных факторах политической социализации могут быть использованы для совершенствования образовательных и воспитательных практик в вузах, а также для разработки стратегий вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь с учетом современных цифровых реалий.

Библиографический список

1. Брагина Е. А. Политическая социализация молодежи в современных условиях трансформации общества: агенты и факторы // KANT: Social science & Humanities. 2020. №1 (3). С. 74–81.
2. Володенков С. В. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, Н. М. Печенкин // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. № 2. С. 406–424.
3. Гатиева А. М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. №3. С. 109–114.
4. Зверев А. Л. Влияние событийного контекста на политическую социализацию российских граждан // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2008. №1. С. 95–117.
5. Кривошеева Н. И. Феномен социальных сетей в контексте изучения современных политических режимов / Н. И. Кривошеева, В. И. Мажников // Вопросы политологии. 2021. № 12(76). С. 3494–3502.
6. Лисина Л. Г. Политическая социализация студентов (на примере студентов-политологов) / Л. Г. Лисина, И. М. Чудинова // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2009. №2. С. 129–134.
7. Назарова Е. А. Информационные факторы политической социализации российской молодёжи // Коммуникология. 2022. №2. С. 13–22.
8. Новодерова А. П. Обесценивание значимости высшего образования среди современной молодёжи как педагогическая проблема // Самарский научный вестник. 2023. №1. С. 288–292.
9. Ореховский А. В. Сущность политической социализации преподавательского корпуса как фактор национальной безопасности // Гуманитарный вестник. 2014. №1 (15). С. 8–12.
10. Сухова А. А. Основные векторы государственной политики в сфере воспитания гражданского самосознания молодежи // Труды XVII общероссийской

научно-практической конференции «Инновационные технологии и технические средства специального назначения». Том 3. Безопасное развитие социальных систем, 28 ноября 2024 г. Санкт-Петербург : Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2025. С. 14–18.

11. Тарасова Е. Г. Семья как агент политической социализации // Социально-политические науки. 2018. №5. С. 20–27.
12. Устинкин С. В. Самооценка студенческой молодежью материального положения как фактор политической социализации и отношения к власти (на примере Нижнего Новгорода) / С. В. Устинкин, А. И. Самсонов, Е. К. Рудакова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2024. №2. С. 73–86.
13. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 13.12.2024). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173> (дата обращения: 10.06.2025).
14. Хриенко Т. В. Динамика формирования общественно-политических приоритетов крымской молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. №1. С. 25–33.
15. Щеглов И. А. Социализация: агенты, институты, факторы // Общество: социология, psychology, педагогика. 2016. №4. С. 14–17.
16. 85 % студентов активно используют искусственный интеллект в учебной деятельности // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». 16.04.2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/85-studentov-aktivno-ispolzuyut-iskusstvennyy-intellekt-v-uchebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.06.2025).
17. Dinas Elias Openness to Change: Political Events and the Increased Sensitivity of Young Adults. Political Research Quarterly. 2013. 66(4), 868–882.
18. Erickson Robert S., Laura Stoker Caught in the Draft: The Effects of Vietnam Draft Lottery Status on Political Attitudes. American Political Science Review. 2011. 105(2), 221–237.
19. Neundorf Anja, Smets Kaat Political Socialization and the Making of Citizens. Oxford Handbooks Online. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/314086676_Political_Socialization_and_the_Making_of_Citizens (date of the application: 10.06.2025).

Reference list

1. Bragina E. A. Politicheskaja socializacija molodezhi v sovremennoj uslovijah transformacii obshhestva: agenty i faktory = Political socialization of modern youth in society transformation conditions: agents and factors // KANT: Social science & Humanities. 2020. №1 (3). S. 74–81.
2. Volodenkov S. V. Riski, ugrozy i vyzovy vnedrenija iskusstvennogo intellekta i nejrosetevyh algoritmov v sovremennuju sistemju social'no-politicheskikh kommunikacij: po materialam jekspertnogo issledovanija = Risks, threats and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the modern socio-political communications system: based on an expert research / S. V. Volodenkov, S. N. Fedorchenko, N. M. Pechenkin // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 2024. № 2. S. 406–424.

3. Gatieva A. M. Politicheskaja socializacija: osnovnye teoreticheskie podhody issledovanija = Political socialization: main theoretical research approaches // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2010. №3. S. 109–114.
4. Zverev A. L. Vlijanie sobytijnogo konteksta na politicheskiju socializaciju rossijskih grazhdan = The influence of event context on Russian citizens' political socialization // Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2008. №1. S. 95–117.
5. Krivosheeva N. I. Fenomen social'nyh setej v kontekste izuchenija sovremennoj politicheskikh rezhimov = The phenomenon of social networks in the context of studying modern political regimes / N. I. Krivosheeva, V. I. Mazhnikov // Voprosy politologii. 2021. № 12(76). S. 3494–3502.
6. Lisina L. G. Politicheskaja socializacija studentov (na primere studentov-politologov) = Students' political socialization (the example of political science students) / L. G. Lisina, I. M. Chudinova // Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2009. №2. S. 129–134.
7. Nazarova E. A. Informacionnye faktory politicheskoy socializacii rossijskoj molodozhi = Information factors of Russian young people's political socialization // Kommunikologija. 2022. №2. S. 13–22.
8. Novoderova A. P. Obescenivanie znachimosti vysshego obrazovaniya sredi sovremennoj molodozhi kak pedagogicheskaja problema = Devaluing the importance of higher education among today's youth as a pedagogical problem // Samarskij nauchnyj vestnik. 2023. №1. S. 288–292.
9. Orehovskij A. V. Sushhnost' politicheskoy socializacii prepodavatel'skogo korpusa kak faktor nacional'noj bezopasnosti = Essence of teachers' political socialization as a factor of national security // Gumanitarnyj vestnik. 2014. №1 (15). S. 8–12.
10. Suhova A. A. Osnovnye vektry gosudarstvennoj politiki v sfere vospitanija grazhdanskogo samosoznaniya molodezhi = The main vectors of state policy in shaping young people's civic consciousness // Trudy XVII obshherossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Innovacionnye tehnologii i tehnicheskie sredstva special'nogo naznachenija». Tom 3. Bezopasnoe razvitiye social'nyh sistem, 28 nojabrja 2024 g. Sankt-Peterburg : Baltijskij gosudarstvennyj tehnicheskij universitet «VOENMEH» im. D. F. Ustinova, 2025. S. 14–18.
11. Tarasova E. G. Sem'ja kak agent politicheskoy socializacii = Family as an agent of political socialization // Social'no-politicaleskie nauki. 2018. №5. S. 20–27.
12. Ustinkin S. V. Samoocenka studencheskoj molodezhi material'nogo polozhenija kak faktor politicheskoy socializacii i otnoshenija k vlasti (na primere Nizhnego Novgoroda) = Students' self-assessment of their financial situation as a factor of political socialization and attitude to power (the example of Nizhny Novgorod) / S. V. Ustinkin, A. I. Samsonov, E. K. Rudakova // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija. 2024. №2. S. 73–86.
13. Federal'nyj zakon ot 12 iyunja 2002 g. № 67-FZ «Ob osnovnyh garantijah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii» (s izmenenijami i dopolnenijami ot 13.12.2024) = Federal Law of June 12, 2002, No. 67-FZ “On fundamental guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of the Russian Federation citizens” (as amended and supplemented on 13.12.2024). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173> (data obrashhenija: 10.06.2025).
14. Hrienko T. V. Dinamika formirovaniya obshhestvenno-politicaleskikh prioritetov krymskoj molodezhi = Dynamics of forming socio-political priorities in Crimean youth //

Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija. 2016. № 1. S. 25–33.

15. Shhieglov I. A. Socializacija: agenty, instituty, faktory = Socialization: agents, institutions, factors // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2016. №4. S. 14–17.

16. 85 % studentov aktivno ispol'zujut iskusstvennyj intellekt v uchebnoj dejatel'nosti = 85 % of students use artificial intelligence in their learning activities on a wide scale // Setevoe izdanie «Interfaks-Rossija». 16.04.2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/85-studentov-aktivno-ispolzuyut-iskusstvennyy-intellekt-v-uchebnoy-deyatelnosti> (data obrashhenija: 05.06.2025).

17. Dinas Elias Openness to Change: Political Events and the Increased Sensitivity of Young Adults. Political Research Quarterly. 2013. 66(4), 868–882.

18. Erickson Robert S., Laura Stoker Caught in the Draft: The Effects of Vietnam Draft Lottery Status on Political Attitudes. American Political Science Review. 2011. 105(2), 221–237.

19. Neundorf Anja, Smets Kaat Political Socialization and the Making of Citizens. Oxford Handbooks Online. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/314086676_Political_Socialization_and_the_Making_of_Citizens (date of the application: 10.06.2025).

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 22.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1"1920-1930"
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-53
EDN LPYGIS

Прототипическая реальность и типизация персонажей в романе С. Третьякова «Дэн Ши-Хуа»

Анна Александровна Красноярова¹, Борис Вадимович Кондаков²✉

¹Кандидат филологических наук, преподаватель иностранных языков, Аньхойский университет, г. Хэфэй, КНР.

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, директор Центра восточноазиатских исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

¹annaporkova1909@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3396-6736>

²kondakovb@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1727-8047>

Аннотация. В статье раскрываются особенности использования «жизненных» и «литературных» фактов в романе писателя-футуриста С. Третьякова «Дэн Ши-хуа». На основании российских и китайских источников устанавливаются возможные прототипы главных героев произведения (Дэн Шихуа, Тин Юин-пина), факты их биографии, а также связанные с ними исторические события и населенные пункты. Делается вывод, что созданная в произведении «прототипическая реальность» была необходима писателю не только «фактографической стороной», но и в качестве особого приема художественного выражения, адекватного тенденциям эпохи. В художественном сознании писателя «факт» интерпретировался не как отдельное свершившееся в прошлом событие, не как конкретный человек, а как совокупность pragматических аспектов общественной деятельности, иллюстрирующих основные закономерности развития общества, а также существующие между людьми отношения, которые раскрывают процесс переустройства мира. Установка на «подлинность» и обращение к «факту» становились важнейшими принципами художественного обобщения и типизации героев, способом формирования связи текста с современной действительностью, а также взаимодействия с читателем. Преобразование жизненных фактов в «факты литературные» способствовало созданию новых форм художественного высказывания и одновременно увеличивало символическое значение образов, усиливало их прогностическую функцию. В свою очередь использование литературных фактов и создание в произведении «прототипической реальности» расширяло культурные контексты, соотнесенные с художественным произведением, и способствовало реализации

© Красноярова А. А., Кондаков Б. В., 2025

ции главной цели писателя – отражению движения страны к социализму и значение революционных преобразований, которые, по мнению Третьякова, должны заложить основы последующей жизни Китая.

Ключевые слова: С. Третьяков; «биоинтервью»; «Дэн Ши-хуа»; прототип; прототипическая реальность; литературный факт; типизация

Для цитирования: Красноярова А. А., Кондаков Б. В. Прототипическая реальность и типизация персонажей в романе С. Третьякова «Дэн Ши-Хуа» // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 53–73. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-53>. <https://elibrary.ru/LPYGIS>.

PHILOLOGY

Original article

Prototypical reality and character typification in S. Tretiakov's novel “Deng Shi-Hua”

Anna A. Krasnoiarova¹, Boris V. Kondakov^{2✉}

¹Candidate of philological sciences, lecturer in foreign languages, Anhui university, Hefei, PRC.

²Doctor of philology, professor at the department of russian literature, director of the Center for East Asian studies, Perm state national research university, Perm.

¹annapopkova1909@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3396-6736>

²kondakovb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1727-8047>

Abstract. The article shows the specifics of using “life” and ‘literary’ facts in the novel “Deng Shi-hua” by the futurist writer S. Tretyakov. On the basis of Russian and Chinese sources the authors establish possible prototypes of the main characters of the novel (Deng Shi-hua, Ting Ying-ping), their biography facts, as well as historical events and localities connected with them. It is concluded that the “prototypical reality” in the novel was necessary to the writer not only due to its “factographic side”, but also as a special method of artistic expression, adequate to the trends of the time. In the writer’s creative mind, “fact” was interpreted not as a particular event from the past, not as a particular person, but as a set of pragmatic aspects of social activity, illustrating the basic laws of society’s development, as well as the existing relations between people, which reveal the process of global reorganization. The attitude to “authenticity” and the appeal to “fact” became the most important principles of literary generalization and character typification, the way of connecting the text with contemporary reality, as well as interaction with the reader. The transformation of life facts into “literary facts” contributed to creating new expressive forms and at the same time increased the symbolic value of characters and strengthened their predictive function. In its turn, the use of literary facts and “prototypical reality” in the novel expanded the cultural contexts correlated with the literary work and contributed to realizing the writer’s main goal – to reflect the country’s transition to socialism and the significance of revolutionary transformations, which, according to Tretyakov, should lay the foundations for China’s future life.

Key words: S. Tretiakov; “biointerview”; “Deng Shi-hua”; prototype; prototypical reality; literary fact; typification

For citation: Krasnoyarova A. A., Kondakov B. V. Prototypical reality and character typification in S. Tretiakov's novel “Deng Shi-Hua”. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 53–73. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-53>. <https://elibrary.ru/LPYGIS>.

Введение

Творчество писателя С. М. Третьякова (1892–1937), сыгравшего заметную роль в русской (и не только!) культуре 1920-х гг., до сих пор остается малоизученным. Писатель создавал произведения разных жанров – стихотворения, поэмы и песни, пьесы и киносценарии, прозаические тексты; помимо этого, он активно занимался фотографией, выступал в качестве преподавателя, редактировал журнал «ЛЕФ».

Как один из представителей русского футуризма Третьяков стремился отразить в своих произведениях признаки наступления новой эпохи, связанной с индустриализацией, ускорением темпа жизни человечества и с мировым освободительным антиимпериалистическим движением, а также с созданием нового языка искусства.

На протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. Третьяков мог выезжать в зарубежные страны: в первой половине 1920-х гг. он два раза посетил Китай (в 1921 и 1924–1925 гг.), а в начале 1930-х гг. побывал в ряде стран Европы – Австрии, Германии и Дании; он довольно много переводил с немецкого языка, был хорошо знаком с писателем

Б. Брехтом, который называл Третьякова не только другом, но и своим «учителем» [Головчинер 2024; Шарыпина 2016], режиссёром Э. Пискатором, композитором Х. Эйслером. Нужно отметить и то, что творчество российского писателя в 1920–1930-е гг. обрело на Западе большую известность, а его драматические произведения нередко ставились в театрах разных стран.

Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Третьяков был одним из наиболее известных и авторитетных представителей русского футуризма. Во второй половине 1930-х гг. его работы в СССР перестали печататься, а имя не упоминалось литературоведами и критиками. Произведения писателя стали переиздаваться только в 1960-е гг. и сразу же привлекли внимание литературоведов.

Обзор литературы

В 1960-е гг. стали печататься и отдельные литературоведческие работы о его творчестве. Исследователей, в частности, привлекло изучение роли Третьякова в кругу футуристов и лефовцев, его взаимодействие с В. В. Маяковским, С. М. Эйзенштейном, опыт его работы в театре [Белоусов, 1961]. В

далнейшем стали появляться диссертации о творчестве писателя. Так, например, М. М. Крюкова в работе «С. М. Третьяков: очерк творчества» (1968) представила общую характеристику жизненного пути писателя и показала его место в литературном процессе 1920–1930-х гг., а Л. А. Азьмуко в работе «Зарубежный очерк С. М. Третьякова» (1970) проанализировала очерки Третьякова в контексте мировой документальной прозы XX в.

Творчество Третьякова вновь актуализировалось в первой четверти XXI в., когда в литературоведении и критике стал проявляться интерес к описанию поэтического языка и структуры художественного текста, изучению соотношения «документального» и «фантастического» начал в литературном произведении, что было обусловлено необходимостью осмыслиения места русской литературы и культуры в мировом литературном процессе XX в., а также практики постмодернизма 1990-х гг.

Художественный опыт Третьякова как писателя, связанного с несколькими национальными культурами (и «западными», и «восточными»), его эксперименты в области жанра и стиля оказались в чем-то созвучны с изменениями, происходившими в русской литературе постсоветской эпохи. В 2000–2020-е гг. появился ряд публикаций, в которых содержался обстоятельный анализ особенностей словесной формы текстов писателя [Капинос,

2019] и принципов сюжетостроения [Головчинер, 2010]. Интерес исследователей вызвал жанр «эпической драмы» [Чирков, 2007; Головчинер, 2007], одним из создателей которого был писатель. «Эпическая» драматургия первой половины XX в. оказалась близка «новой драме» начала XXI в. с ее ярко выраженным «нарративным» началом (пьесы Н. В. Коляды, Е. В. Гришковца, В. В. Сигарева, П. И. Коротыч, А. А. Букреевой и др.). Появились работы, в которых анализировались связи творчества Третьякова с произведениями отдельных представителей немецкой (Брехт, Ф. Вольф) и американской (Э. Паунд) литературы [Шарыпина, 2015; Шарыпина, 2016; Головчинер, 2024; Ковалёв, 2021].

Особое внимание литературоведов привлекли произведения Третьякова, посвященные Китаю, – стране, которую он хорошо знал и рассматривал как место революционных преобразований [Ли Иннань, 2012; Верченко, 2018; Тропкина, 2022; Тропкина, 2023; Бурдина, 2023]. В произведениях писателя – стихотворении «Ночь. Пекин» (1921), циклах очерков «Москва – Пекин» (1925) и «Чжунго» (1927), поэмах «Рычи, Китай» (1924) и «Ли Ян упрям» (1926), пьесе «Рычи, Китай!» (1925–1926), «биоинтервью» «Дэн Ши-хуа» (1930) – содержались оригинальные размышления автора о китайской истории и будущем страны, выраженные в новых художественных

формах. В наших работах «китайский цикл» Третьякова рассматривался как важная часть «китайского текста» советской литературы 1920–1930-х гг. [Красноярова, 2024а; Красноярова, 2024б]. Произведения писателя, посвященные Китаю, оказываются интересными и в теоретическом плане: они помогают понять связь концепций «производственного искусства» и «революции языка», характерных для представлений Третьякова и некоторых его единомышленников, с практикой создания ими «литературы факта высказывания» [Арсеньев, 2023].

Постановка проблемы

Одна из характерных особенностей творчества Третьякова – особые взгляды автора на роль в художественном произведении явлений реальной действительности – исторических событий и их участников, сложившихся обстоятельств, материальных предметов. В его терминологии все эти явления объединялись понятием «факт», а писатели, следовавшие принципу воспроизведения жизненных событий (к числу которых он прежде всего относил самого себя), назывались «фактовиками».

В программной статье «Биография вещи», опубликованной в сборнике материалов ЛЕФа «Литература факта» (1929), Третьяков, противопоставляя метод писателей-«фактовиков» «идеалистическому искусству» предшествующих пери-

одов, писал: «Когда нынешние покорные ученики идеалистической литературы пытаются “синтетически отображать действительность”, строя литературные системы с Самгинами, Виринеями, Чумаловыми в центре, они воссоздают ту же древнюю “птолемееву систему” литературы» [Литература факта, 2000, с. 45]. Аналогичные мысли высказывали и другие критики ЛЕФа, – например, Н. Чужак [Н. Ф. Насимович], который в статье под характерным названием «Писательская памятка» утверждал: «Мы – против литературы вымысла, именуемой беллетристикой; мы – за примат литературы факта. Писатели слишком долго “преображали” мир, уводя пассивного и эстетически одурманенного читателя в мир *представлений*, – когда же, как не сейчас, *перестраивать* этот мир, внося в него совершенно конкретные и нужные пролетариату изменения?» [Литература факта, 2000, с. 11].

В литературных произведениях, основанных на реальном жизненном материале, формируется особый тип художественного мира, который мы предлагаем называть «прототипической реальностью». Понятие «прототип» стало использоваться российскими критиками и литературоведами уже в XIX в., однако принципиально важным оно стало в советскую эпоху, когда был поставлен вопрос о необходимости связи искусства с действительностью и определена особая роль

«литературы факта». В «Литературной энциклопедии», создававшейся примерно в тот же период, когда были созданы «фактографические» произведения Третьякова, понятие «прототип» было определено следующим образом: это «первообраз, конкретная историческая или современная автору личность, послужившая ему отправным моментом для создания образа»; при этом подчеркивалась необходимость «домысливания», «обобщения», «типовизации прототипа в художественном образе» с целью выявления наиболее характерных «классовых» черт личности героя, а также то, что отношение к прототипу непосредственно связано с решением проблемы отношения искусства к действительности [Литературная энциклопедия, 1935, с. 339].

В «Краткой литературной энциклопедии», создававшейся уже в совершенно иной период, – 1960–1970-е гг. (то есть в ее содержание был заложен опыт нескольких десятилетий развития литературы советской эпохи), – «прототип» определялся как «реальное лицо, представление о котором послужило автору первоначалом при создании образа, типа или литературного героя» [Краткая литературная энциклопедия, 1971, с. 54]; при этом особо подчеркивался преобразующий и прогностический характер прототипической образности: «Реальная человеческая натура, становясь объектом художественного изоб-

ражения, преображается настолько, что перестает быть равной себе», и тогда образ «не только отражает порожденный эпохой тип личности», но и является осуществлением «новой, художественной личности, обретающей свое самостоятельное, суверенное бытие» [Краткая литературная энциклопедия, 1971, с. 54].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что прототипический образ – так, как его понимали 1920–1930-е гг. и в дальнейшем – характеризуется не столько высокой степенью соответствия героя литературного произведения личности того или иного реального человека, сколько формируемой автором установкой читателя на отношение к персонажу как к существовавшему в действительности. Аналогичный подход читателя формируется и касательно связанный с ним действительности, воспроизведенной в художественном тексте (пространственно-временным и «предметным» характеристикам художественного мира произведения, а также его идеологическому наполнению), которую мы предлагаем называть «прототипической реальностью».

Обратимся теперь к творчеству Третьякова и рассмотрим, как в его произведениях факты *действительности* претворялись в *литературные факты*, и как создаваемая писателем «прототипическая реальность» была, с одной стороны, соотнесена с историческими лица-

ми и событиями, а с другой – определяла будущую жизнь и поступки людей, оказавшихся литературными героями.

Методы исследования

В работе применяется традиционный для российского литературоведения второй половины XX – начала XXI в. метод *историко-типологического анализа*, позволяющий определить жанрово-стилевые особенности изучаемых произведений и показать их место в литературном процессе. Помимо этого, используется *культурно-контекстуальный* метод, при помощи которого художественный мир произведения можно сопоставлять с «реальной действительностью» и с широким «миром культуры» – образами, мотивами и сюжетами, соотнесенными с мифологией и мировым искусством. Авторы обращались также к традиционному *биографическому* методу, разработанному российским академическим литературоведением XIX в., который применяется для изучения прототипических образов.

Материал исследования

Для анализа нами было выбрано произведение Третьякова под названием «Дэн Ши-хуа» [Третьяков, 1930] (1), которое можно (с некоторой степенью условности) отнести к жанру *романа*, учитывая масштабность отраженных в нем социально-исторических событий, на фоне которых представлена жизнь главного героя, и наличие в

нем большого количества персонажей, представляющих разные слои населения Китая. Сам писатель обозначил жанр книги как «биоинтервью» (то есть «биографическое интервью»), поскольку в основу текста была положена биография реально существовавшего китайского студента, обучавшегося в СССР, которая представлена в контексте исторических событий, происходивших в Китае в конце XIX – начале XX в.

В 1930-е гг. книга «Дэн Ши-хуа» многократно переиздавалась (в 1930, 1931, 1933 и 1935 гг.); помимо этого, самостоительными изданиями печатались отдельные разделы произведения, – например, адресованная подросткам книга «Детство Дэн Ши-хуа» (в 1931 и 1933 гг.) [Третьяков, 1933], и предназначеннное для молодежи издание «Свадьба Дэн Ши-хуа» [Третьяков, 1928]. Книга была переведена на разные языки и публиковалась в США, Германии, Великобритании, Польше. В. Б. Шкловский, высоко оценивший это произведение как явление «еще становящегося жанра», особо подчеркивал, что в ней «изнутри» показано строение «клетки организма» – «китайской семьи» [Литература факта, 2000, с. 257].

В предисловии к первому изданию книги писатель образно сформулировал свою цель следующим образом: «...Проточить древесину нового Китая биографией, как жук-древоточец прогрызает балку»

[Третьяков, 1930, с. 3]. Свои отношения с главным героем произведения автор определил так: «Дэн Ши-хуа был сырьёвщиком фактов, я – формовщиком их» [Третьяков, 1930, с. 3]. В предисловии к изданию 1935 г. писатель уточнил свои функции как «формовщика»: «Он благородно представил мне великолепные недра своей памяти. Я рылся в ней, как шахтёр, зондируя, взрывая, скальвавая, отсеивая, отмучивая. Я был попеременно следователем, духовником, анкетщиком, интервьюером, собеседником, психоаналитиком. Часто совсем простую вещь удавалось выудить лишь окольными путями за долгие часы беседы» [Третьяков, 1935, с. 5].

Результаты исследования

Попытаемся определить, в каком отношении находятся автор («формовщик») и главный герой произведения («сырьёвщик»), а также уточнить, какая прототипическая реальность соотнесена с его образом. В авторитетном китайском интернет-источнике “Baiyu Metropolis Daily”, указывается, что прототипом Дэн Ши-хуа был Гао Шихуа, который также известен как Гао Синъя [Раскрытие секретов деятеля ...]; аналогичную информацию сообщают А. А. Родионов [Родионов, 2023], а также Юань Цин и Инь Гуанмин [Юань Цин, 2014].

На то, что настоящая родовая фамилия героя «биоинтервью» была именно «Гао», косвенно указы-

вает информация, которую он дает в первой главе: «Наш род начинается 2000 лет тому назад мифическим Дэн-цзы, учеником Конфуция» [Третьяков, 1930, с. 5]. Ученика Конфуция по имени Дэн-цзы нами обнаружено не было, однако существовал ученик Гао Чай, которого также называли Цзыгао или Цзигао, уроженец царства Ци или царства Вэй. Гао Чай обычно характеризуется как некрасивый, но талантливый и умный человек, который после завершения обучения у Конфуция стал справедливым судьей.

Известно, что Гао Шихуа родился в 1903 г. городе Лин, расположенным в районе Фулин провинции Сычуань. Сегодня это район города Чунцин, который до 1997 г. входил в состав провинции Сычуань, а в начале XX в. был небольшим уездным городом, выполняющим роль транспортного узла (в нем производились знаменитые кислосоленые овощи чжасацай, сычуанская горчица и капуста). Гао Шихуа являлся сыном известного в те годы революционера Гао Яхэна. В 1918 г. 15-летний Гао Синъя, окончив четвертую провинциальную среднюю школу, поступил на подготовительный курс русского языка Пекинского университета. В 1924 г. он был активным участником литературных объединений «Асакуса» и «Тонущий колокол», а написанный им роман «Потопить собственный корабль» был опубликован Лу Синем во втором томе «Большого со-

брания новой китайской литературы» и представлен в качестве «молодежного произведения», а его автор был назван человеком, «выжившим в отчаянной ситуации».

В 1925 г. Гао Шихуа присоединился к Национально-революционной армии Фэн Юйсяна в качестве переводчика Советской консультативной группы, а в 1926 г. был направлен на обучение в Университет имени Сунь Ятсена в Москве, где он стал однокурсником известного коммуниста и сотрудника Коминтерна Ван Мина (1904–1974), журналиста и пропагандиста Бо Гу (1907–1946), крупнейшего китайского политического деятеля, автора экономических реформ 1980–1990-х гг., фактического лидера КНР в 1978–1990-е гг. и создателя «социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина (1904–1997), а также некоторых других известных китайских революционеров.

Как указывается в цитированном нами источнике, в период пребывания в Москве Гао Шихуа перевел на китайский язык ряд важных для того времени политических работ – «Китайский вопрос» (2), «Политическая работа в Красной армии» (3) и т. п., а также – совместно с русскими товарищами – трудился над первым в России переводом «Правдивой истории А-Кью» Лу Синя [Гэ Баоцюань, 1981]. Оказавшись «сырьёвщиком» произведения Третьякова «Дэн Ши-хуа», Гао Шихуа мог, во избежание

«ненужных проблем», предложить автору использовать для героя, прототипом которого он являлся, другую фамилию.

Вернувшись в Китай в 1928 г., Гао Шихуа продолжал публиковать свои работы и сотрудничал с генералом Фэн Юйсяном, который несколько раз изменял свое отношение к Гоминьдану и Коммунистической партии, что, вероятно, происходило не без участия Гао Шихуа, который, например, в 1930–1931 гг. убедил генерала возобновить сотрудничество с Коммунистической партией Китая (что тот успешно осуществлял в период с 1932 по 1933 г.) – и, в частности, инициировал известную «Чахарскую антияпонскую операцию» 1937 г.

После гибели Фэн Юйсяна в 1948 г. Гао Шихуа начал работать под непосредственным руководством Чжоу Эньляя, а в дальнейшем преподавал в одном из университетов Сианя. Он умер в ноябре 1980 г., а в 1982 г. Пекинское издательство опубликовало подготовленную им книгу «Генерал Фэн Юйсян» (4).

Отцом Гао Шихуа (который также являлся одним из персонажей произведения Третьякова) был известный в Китае революционер, член партии Гоминьдан Гао Яхэн, активно участвовавший в антицинском движении. Из-за ограниченности источников, информация о Гао Яхэне имеет фрагментарный характер (иногда его путают с дру-

гими деятелями Гоминьдана). Известно, что он поддерживал идеи основателя Гоминьдана Сунь Ятсена и главный политический лозунг того времени – «Национализм, народовластие, народное благоденствие».

Гао Яхэн активно боролся за свержение династии Цин и установление республики. После того, как завершилась Синьхайская революция (1911–1912 гг.), приведшая к созданию Китайской Республики, Гао продолжал работать как член партии Гоминьдан. В 1920-е гг. он, возглавляя борьбу против местных милитаристов, занимал пост начальника штаба в провинции Гуандун. Гао Яхэн поддерживал сотрудничество Гоминьдана с Коммунистической партией Китая в рамках Первого единого фронта (1923–1927), направленного против северных милитаристов, а после разрыва альянса между Гоминьданом и КПК в 1927 г. он, как и многие другие члены Гоминьдана, выступал за борьбу с коммунистами, однако следует учитывать, что его позиция могла варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и значения внутрипартийных разногласий.

Несмотря на то, что Гао Яхэн не может быть отнесен к числу известных лидеров Гоминьдана таких, как Чан Кайши или Ван Цзинвэй, в исторических исследованиях признается его вклад в военную организацию и в проведение региональных кампаний.

Например, в китайской историографии (как на материке, так и на Тайване) отмечается его деятельность как участника борьбы против милитаризма за объединение Китая.

Информация о семье Гао Яхэна крайне ограничена, что характерно для имеющихся в настоящее время биографий многих второстепенных деятелей революционной эпохи: внимание их авторов обычно сосредоточено на политической и военной деятельности героев. В известных исторических работах, посвященных Гоминьдану и Синьхайской революции, упоминания о родителях, жене, детях Гао Яхэна практически отсутствуют, что, в частности, может быть следствием уничтожения ряда архивов в период Культурной революции. Информацию о Гао Яхэне могут содержать Тайваньские архивы Гоминьдана, однако доступ к ним требует специальных запросов. Следует отметить и то, что многие революционеры начала XX в., особенно выходцы из среднего класса или военных кругов, жертвовали личной жизнью ради борьбы во благо нации, в результате чего их семьи часто оставались в тени из-за опасности преследований со стороны цинских властей, а позже – маршаллов-милитаристов.

Другой герой произведения Третьякова, указанный в качестве создателя текста, его «сырьёвщика», – Тин Юин-пин. В «биоинтервью» содержится не так много информа-

ции об этом персонаже (в тексте представлены только его краткая характеристика и описание внешности), однако сам факт упоминания Тин Юин-пина на второй странице книги в качестве «источника» «фактического материала» – тех, кто её «делал» [Третьяков, 1930, с. 2] – свидетельствует о важной роли этого персонажа, а его рассказ о собственной жизни и данная им оценка Дэн Ши-хуа как человека и гражданина, предшествующие заключительным словам автора, завершает книгу.

В отличие от Дэн Ши-хуа, который показан как человек, интересующийся преимущественно нравственно-этической стороной любого вопроса, а также проблематикой, связанной с культурой и искусством, Тин Юин-пин представлен как революционер, занятый решением только политических проблем. Первое упоминание о Тин Юин-пине читатель встречает в Главе 21 («Русская литература»), в которой основной герой – Дэн Ши-хуа – описывает его следующим образом: «Он робок и тих (речь идёт о его поведении на занятиях. – А. А. К.). Он плохо говорит по-русски, и его интересует не столько литература, сколько учение о том, как делать революцию. Он постоянно на заседаниях и в политических спорах. Я думаю, он член «Си-уай» (то есть китайского комсомола). Впрочем, он замолкает, когда я его начинаю расспрашивать. Возможно, он мне не доверя-

ет. Это понятно. Со времени выхода из «Эс-уай» (то есть Союза Юных коммунистов) я беспартиен. Семья Тин Юин-пина живет в Хунани. Нет беднее хунаньских деревень и сирепее хунаньских помещиков. Отец его, сельский учитель, ковыряет свои два му земли» [Третьяков, 1930, с. 316–317].

Авторская позиция несколько иная: он характеризует Тин Юин-пина как решительного человека, как коммуниста – яркого представителя «бунтующего Пекина», у которого сформировалась отчетливая система идеологических представлений и который пользуется большим авторитетом и влиянием среди окружающих, но при этом имеет непростой характер: «его боятся чинные митинги, сборища вежливых профессоров и сомневающихся политиков» [Третьяков, 1930, с. 355]; «его резкость всем знакома» [Третьяков, 1930, с. 356]; это настоящий «коммунист-хунанец», в характере которого застенчивость сочетается с «яростностью» [Третьяков, 1930, с. 370]. Являясь активным участником происходящих в Китае событий, он конфликтует с властями и выступает как противник колониальных держав: «Кто против антиимпериалистического движения, тот собака Японии и Британии!» [Третьяков, 1930, с. 356]; вся его жизнь – «сложная повесть о походах, лагерях, бегствах, конспирациях» [Третьяков, 1930, с. 390]; члены семьи героя – активные участники рево-

люционного движения, и поэтому постоянно подвергаются гонениям: «И, перескочив на родную Хунань, где возле отцовского дома, в горных ущельях, проходят отряды крестьянских союзов, а генеральские минь-туани [«минтуань» – *войсковое объединение, армия, корпус, полк солдат.* – A. A. K.] тщетно пытаются затоптать каблуками головни восстаний, Тин рассказывает о своей разоренной семье, о председуемом за красное партизанство брате и о том, как трудно сейчас живется Хунани под властью генерала-гоминдановца Ло Тин-пина» [Третьяков, 1930, с. 391].

Однозначно определить, кто конкретно мог быть прототипом Тин Юин-пина, на основании имеющихся у нас фактов трудно. Возможно, автор основывался на биографии переводчика и писателя (которого мог знать лично или со слов своих друзей), – выдающегося деятеля Коммунистической партии Китая Цюй Цюбо, чья судьба частично совпадает с сюжетными линиями романа «Дэн Ши-хуа» и с некоторыми эпизодами биографии Тин Юин-пина. Цюй Цюбо (1899–1935) был не только революционером и одним из лидеров Коммунистической партии Китая на этапе ее становления, но и признанным специалистом по теории марксизма, писателем, а также переводчиком.

Есть и другие исторические фигуры, чья судьба в некоторой степени аналогична судьбе Тин Юин-пина. Среди которых можно

назвать знаменитого китайского революционера и государственного деятеля Лю Шаоци (1898–1969). Лю Шаоци – так же, как и Тин Юин-пин – родился в бедной семье в провинции Хунань, его отец был учителем; он принимал активное участие в революционном движении, стал членом КПК, а в дальнейшем стал одним из ключевых лидеров страны, занимал высокий посты в правительстве КНР и, в частности, был Председателем КНР.

Одним из прототипов героя мог быть Жэнь Биши, который также родился в бедной семье, проживавшей в провинции Хунань, и с молодых лет оказался активным участником революционного движения; он занимался созданием Союза молодежи – аналога «Сиуай», – а впоследствии стал одним из ключевых руководителей КПК (в ранний период ее становления) и видным политическим деятелем.

История Тин Юин-пина имеет некоторое сходство и с жизнью известного китайского революционера Ли Лисания, который также родился в провинции Хунань, а в дальнейшем участвовал в студенческом движении и политических дискуссиях 1920–1930-х гг., был активным членом Коммунистической партии, а в 1950-е гг. оказался одним из лидеров КПК и государства.

Однако каждый из вышеупомянутых китайских революционеров – Цюй Цюбо, Лю Шаоци,

Жэнь Биши и Ли Лисань – не может быть однозначно отождествлен с Тин Юин-пином (хотя с каждым из них Третьяков мог так или иначе пересекаться или слышать о нем от общих друзей), что позволяет предположить, что этот образ был изначально задуман как *собирательный*, – художественный синтез образов нескольких китайских революционеров 1920–1930-х гг., представителей коммунистического сопротивления в эпоху гоминдановских репрессий – многих молодых активистов, чьи имена могли войти (или не войти) в историю, однако чья деятельность – на том или ином этапе – сыграла определенную роль – хотя бы на локальном уровне.

Текст Третьякова отличался не только точным, «фактографическим» воспроизведением образов героев, но и связанного с ними художественного пространства (эта особенность проявилась как в «биоинтервью» «Дэн Ши-хуа», так и в других прозаических произведениях писателя, посвященных Китаю, – например, в книге очерков «Чжунго»). Таким образом, художественное пространство «биоинтервью» мы также можем рассматривать как «прототипическое».

В произведении отмечается, что основной «сырьевщик» фактов, Дэн Ши-хуа, родился в многодетной семье сельских интеллигентов, проживающей в деревне, расположенной на берегу реки Янцзы: «И сейчас в деревне Дэн Цзя-чженя

(современное написание на русском языке иероглифа ‘镇’ – ‘чжэнь’. – A. A. K.) много людей носят фамилию Дэн, но для меня они уже не родные» [Третьяков, 1930, с. 5]. Деревня с названием «Дэн Цзя-чженя» действительно могла существовать в конце XIX – начале XX в. Ее название образовано при помощи комбинации фамилии «Дэн» и типичного для китайских топонимов окончания «цзячжэнь» (家镇 – «семейный поселок», то есть поселение одной семьи).

Такие названия часто встречались в сельской местности, однако в настоящее время большинство таких населенных пунктов исчезло (было поглощено близлежащими городами) или получило новые названия. Следует учитывать, что, исходя из контекста романа и описываемых событий (многочисленных крестьянских восстаний и эпизодов борьбы против феодалов), вероятность того, что деревня была разрушена, достаточно велика. На данный момент в провинции Хубэй существует несколько других населенных пунктов с названиями, начинающимися на «Дэнцзя» (например, Дэнцзявань в уезде Юньсянь), однако их расположение иное – они находятся вдали от берегов Янцзы.

Если исходить из того, что в именах героев или в географических наименованиях, использованных в романе «Дэн Ши-хуа», автор изменил фамилию героя с «Дэн» – на «Гао», то, следуя этой логике,

название его родного поселка должно быть не «Дэн Цзя-чжень», а «Гао Цзя-чжень». В конце XIX – начале XX в. в провинции Хубэй действительно существовала деревня, носящая название «Гао Цзячжень» [高家镇 = Gaojiazhen]. Она располагалась в центральной части Китая и славилась плодородными равнинами, поскольку ее географическое расположение было близко к реке Янцзы. Основной доход для ее жителей, как и во всех типичных сельских поселениях этого региона, приносило земледелие: здесь выращивали рис, пшеницу, хлопок и чай.

Если обратиться к историческим картам, хранящимся в различных базах данных (например, в Baidu Maps, в административных справочниках), то можно увидеть, что обозначение «Гао Цзячжень» встречается в нескольких провинциях Китая, включая Чунцин и Шэньси; в провинции Хубэй такое географическое наименование отсутствует, однако встречаются населенные пункты с похожими названиями, – например, «Гаоцзягоу» или «Гаоцзяба».

Исследуя историю этого географического пункта следует иметь в виду, что революция 1911 г., а позднее «эпоха милитаристов» (1916–1928 гг.), и последовавшие за ней грандиозные изменения в общественной жизни (вторжение японцев, иностранная экспансия, эпоха «освобождения» и связанные

с ней многочисленные политические и экономические преобразования), разнообразные природные факторы, урбанизация, политика «слияния деревень», реализовавшаяся властями КНР в 2000-е гг., повлекли неизбежные последствия: за прошедшие годы этот населенный пункт либо перестал существовать, либо был переименован, либо был обозначен в другой транскрипции (например, “Gaojia Zhen” – «посёлок Гаоцзя»). Вероятнее всего, деревня Гао Цзя-чжень представляет обобщенный образ, объединяющий реалии ряда населенных пунктов в 1900-е гг., однако, естественно, источником описаний должна была служить реально существовавшая в то время деревня. Для более точного ответа на поставленный вопрос требуются подробные архивные изыскания.

В «биоинтервью» упоминаются и некоторые другие населенные пункты. Рядом с родной деревней героя, как указывает рассказчик, был расположен поселок под названием Сиань-ши, недалеко от которого располагался «уездный город Тянь» [Третьяков, 1930, с. 36]. По словам Дэн Сяопу, старшего дяди Дэн Ши-хуа, Сиань-ши – это «такое большое селение – пять тысяч душ» [Третьяков, 1930, с. 32] с «горбатыми улицами» [Третьяков, 1930, с. 36], где «люди укладывают вещи в кожаные и деревянные сундуки» [Третьяков, 1930, с. 45]. Одновременно это поселение описывается как место крайней

нищеты, в котором крестьяне страдают от бесправия и поборов.

Можно предположить, что Третьяков соединил название населенного пункта с суффиксом «ши», который имеет значение ‘город’. Таким образом, название поселка, возможно, отсылает к городу Сиань, расположенному в провинции Шэньси, – древнему историческому центру Китая, именовавшемуся ранее Чанъань. Такая отсылка могла усиливать обобщающий характер образа «китайской деревни», представленной в революционном контексте. Однако сразу отметим, что Сиань – крупный город, а не поселок или деревня, и действие романа разворачивается не в Шэньси, а в провинции Хунань. Перенос описываемых событий в сельскую местность можно объяснить тем, что там социальные противоречия оказывались наиболее острыми.

Вероятнее всего, название Сиань-ши – это художественный вымысел автора, то есть собирательный образ, воплощавший тысячи китайских сел, где крестьяне боролись за землю и права, и отражавший реалии китайской деревни 1910–1920-х гг., символизирующий типичные хунаньские поселения, вовлеченные в борьбу против империализма. Сиань-ши можно рассматривать как символ угнетенной китайской глубинки, в которой разворачивается конфликт между старым миром (помещиками и коррумпированными чиновниками) и новым (революционно настроенными крестьянами и передовой ин-

теллигенцией). Создавая такой образ, автор стремился показать читателям не отдельную деревню, а *типичные условия*, в которых угнетение становилось причиной возникновения сопротивления, а идеи классовой борьбы проникали в массы.

Вымышленным, скорее всего, является и уездный город «Теянь», располагающийся в непосредственной близости от села Сианьши, поскольку прямых аналогов в реальности нам не удалось найти – его название могло быть обусловлено принципами китайской топонимики.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Третьяков, будучи сторонником «литературы факта», тем не менее в своих произведениях осуществлял достаточно существенную «корректировку» отдельных имен и частных событий, что можно объяснить как сложной политической ситуацией в Китае (прототипы персонажей после публикации «биоинтервью» могли иметь неприятности у себя на родине), так и стремлением к *типовизации* фактов, художественному обобщению.

Причиной изменения имен героев, географических названий и т. п. могло быть не только стремление автора уберечь прототип героя от возможных неприятностей, но и цели пропаганды, актуальные в то время для СССР. Художественные произведения о международной революции 1920-х годов часто со-

здавались с учетом идеологических задач: конкретные названия могли заменяться на условные, чтобы избежать дипломатических осложнений и одновременно усилить символическое значение образов.

Следует констатировать что в творческом сознании Третьякова под «фактом» понималось не отдельное когда-то свершившееся событие, не конкретный человек, а разнообразные прагматические аспекты общественной деятельности человека, иллюстрирующие закономерности развития социальной реальности, отношения, сложившиеся между людьми и т. п., – то есть все то, что демонстрировало процесс развития социалистического общества, направленный на переустройство мира. В такой ситуации корректировка конкретных биографий, мест действия при создании «прототипической реальности» в произведении, имен персонажей была не только допустима, но и необходима, – если не входила в противоречие с установкой читателя на достоверность всего описанного.

Л. М. Гинзбург, характеризуя документальную литературу и ее отличия от литературы, в основе которой не находится документ, «факт», отмечала: «Литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой <...> И всё же различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда. Особое качество документальной литературы – в той установке на

подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [Гинзбург, 1977, с. 9]. Оценка, точка зрения автора или читателя, соотнесенные с текстом эмоции, связанные с ним контексты, размышления о перспективах развития того или иного образа в том или ином виде всегда порождаются «прототипической реальностью».

Не менее важной для писателя была *прогностическая* функция прототипической образности. Текст «биоинтервью» завершался предположениями автора о дальнейшей судьбе героя: «Не знаю, где он и с кем он. Может быть, издаёт литературные листовки. Может быть, письмоводительствует у Фын Юйсяна, или учительствуют в Сычуане. <...> Но, может быть, ... он стал коммунистом, и, подобно отцу, когда-то скитавшемуся с повстанческими отрядами по деревням, партизанствует сейчас около многолюдных сёл Хунани или Цзянсии» [Третьяков, 1930, с. 392]. «Открытый» конец, предполагавший разные варианты развития событий, был характерен для многих произведений русской литературы, – и в этом плане Третьяков следовал ее традициям.

Таким образом, мы видим, что ряд предположений писателя в итоге совпал с реальными фактами дальнейшей жизни прототипа его героя. Это позволяет сделать вывод, что некоторая информация о нем до писателя все же доходила: в конце 1920 – начале 1930-х гг. в Советском Союзе находилось зна-

чительное число китайцев – участников революционного движения, которые поддерживали активные связи со своей родиной. Возможно и другое объяснение: хорошее по-

нимание писателем внутреннего мира своего героя позволило в большей степени предсказать его последующую судьбу.

Примечания

(1) В своей статье мы сохраняем написание через дефис в заголовке произведения, именах героев и названиях некоторых населённых пунктов, использовавшееся Третьяковым (например, Дэн Ши-хуа или Тин Юин-пин), которое несколько отличается от принятого в настоящее время.

(2) Скорее всего, имеется в виду книга «ИККИ и ВКП (б) по китайскому вопросу (Основные решения)» (Москва ; Ленинград : Московский рабочий, 1927. 260 с.), содержащая преимущественно тексты выступлений И. Сталина ко «китайскому вопросу», в частности изложение его беседы сто студентами университета имени Сун Ятсена 13 мая 1927 г. Это могли быть также переводы из периодического сборника (журнала) «Материалы по китайскому вопросу», издававшегося в 1927–1928 гг. научно-исследовательским институтом по Китаю при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, или изданный тем же институтом сборник «Вопросы китайской революции» под редакцией К. Радека (Москва; Ленинград: Гос. изд., 1927). Менее вероятно, что имелся в виду «Словарь-справочник по китайскому вопросу», составленный П. Н. Езерским (Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1927. 72 с.).

(3) Возможно, имелась в виду книга В. Камского «Партийно-политическая работа в Красной армии: Хрестоматия для военных школ» (Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. 415 с.).

(4) 冯玉祥将军. 高兴亚著. 书籍. 北京: 北京出版社, 1982. 216 页.

(5) В архивах провинции Хубэй или мемуарах участников событий 1920-х гг. могут быть упоминания об этой деревне. Например, в уезде Хунъянь [红安县] – «колыбели революции» – сохранились десятки исторических деревень, – однако известно, что названия таких населенных пунктов часто менялись.

Библиографический список

1. Арсеньев П. А. Литература факта высказывания : очерки по pragmatике и материальной истории литературы. Санкт-Петербург : Транслит, 2019. 176 с.
2. Белоусов Р. С. «Рычи, Китай!» Сергея Третьякова // Вопросы литературы. 1961. № 5. С. 192–200.
3. Бурдина С. В. Образ Китая в лирике С. Третьякова/ С. В. Бурдина, Чжан Цзюоань // Казанская наука. 2023. № 11. С. 135–137.
4. Верченко А. Л. Художественная литература и публицистика как источник исследования истории Китая (на примере литературного творчества С. М. Третьякова) // Проблемы новой и новейшей истории Китая : сборник статей. Москва : ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. С. 32–54.
5. Гинзбург Л. М. О психологической прозе. 2-е изд. Ленинград : Художественная литература [Ленингр. отд-ние], 1977. 448 с.

6. Головчинер В. Е. Функции протосюжета в русской драме XX века // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 12–18.
7. Головчинер В. Е. Сергей Третьяков – учитель Бертольда Брехта // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 118–125.
8. Капинос Е. В. Словесный конструктивизм С. Третьякова : «Железная пауза». Часть 1 // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 56–83.
9. Ковалев Н. И. Сергей Третьяков и Эзра Паунд : диалог о коллективизации литературы между левыми и правыми // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 153–162.
10. Косых А. А. Китайское путешествие Третьякова: поэтический захват действительности на пути к литературе факта / А. А. Косых, П. А. Арсеньев // Транслит. 2010. № 11. С. 14–30.
11. Красноярова А. А. Китай в советской поэзии 1920-х годов / А. А. Красноярова, Б. В. Кондаков // Казанская наука. 2024а. № 11. С. 247–249.
12. Красноярова А. А., Кондаков Б. В. «Китайский текст» русской литературы. Ч. I : монография / / А. А. Красноярова, Б. В. Кондаков. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024б. 175 с.
13. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Москва : Советская Энциклопедия, 1962–1978. Т. 6: Присказка – «Советская Россия» / Гл. ред. А. А. Сурков. Москва : Сов. энцикл., 1971. 1040 стлб.
14. Ли Иннань. Китай в творчестве Сергея Третьякова : роман «Дэн Ши-хуа» // Русский Харбин, запечатленный в слове : сборник научных статей : к 70-летию проф. В. В. Агеносова. Вып. 6 / под. ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2012. С. 237–250.
15. Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Под ред. Н. Ф. Чужака [Переиздание 1929 года]. Москва : Захаров, 2000. 285 с.
16. Литературная энциклопедия : в 11 т. [Москва], 1929–1939. Т. 9 / Ред. коллегия: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов, В. М. Фриче; Гл. ред. А. В. Луначарский; ученый секретарь Е. Н. Михайлова. Москва : ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т «Советская Энциклопедия», 1935. 832 стлб.
17. Родионов А. А. Об истории «правдивого жизнеописания» – первого сборника переводов современной китайской прозы на русский язык // Проблемы литературы Дальнего Востока: Труды X международной научной конференции. Санкт-Петербург : 30 июня – 02 июля 2022 г. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. 538 с. С. 431–446.
18. Третьяков С. М. Детство Дэн Ши-хуа: [Для детей старш. возраста] / Рис. Лиу-Лин и Чен-Пан-Нунг. 2-е изд. Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1933. 232 с.
19. Третьяков С. М. Дэн Ши-хуа. Био-интервью / Обложка и монтаж художника А. М. Родченко. Москва : Молодая гвардия, 1930. 392 с.
20. Третьяков С. М. Дэн Ши-хуа. Москва : Художественная литература, 1935. 456 с.
21. Третьяков С. М. Свадьба Дэн Ши-Хуа : главы из книги «Дэн Ши-хуа» / Рис. Г. Клинча. Москва : Рабочая Москва, 1928 (7-я тип. «Искра революции» Мосполиграфа). 61 с.

22. Тропкина Н. Е. Образ Китая в лирике С. М. Третьякова / Н. Е. Тропкина, Ван Тяньцзяо // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2022. № 8 (171). С. 183–186.
23. Тропкина Н. Е. Пространственные образы Дальневосточного региона в поэме С. М. Третьякова «Рычи, Китай!» / Н. Е. Тропкина, Ван Тяньцзяо // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (1). С. 118–123.
24. Чирков А. С. Новые пути осмыслиения эпической драмы как научной проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 8 (71). С. 151.
25. Шарыпина Т. А. Концепция «документального эпоса» русского авангарда и становление театральной практики Бертольта Брехта // Ученые записки Петроводского государственного университета. 2016. № 3 (156). С. 67–73.26. Шарыпина Т. А. Фридрих Вольф и Сергей Третьяков (к проблеме влияний и творческих сходств) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 185–191.
27. Гэ Баоцюань. Всемирное значение «Подлинной истории Акью» // Сюйчжоу шифань сююань сюэбао. 1981. № 3. С. 16–23 (на кит. яз.).
28. Раскрытие секретов деятеля Объединенного фронта “Фулин” Гао Синьи. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/7dL9LRr56Q0rPALA4IPWEw> (дата обращения: 25.01.2025).
29. Юань Цин, Инь Гуанмин. Обучение в России и распространение китайской культуры в России: исследование, сосредоточенное на первой половине XX века / Юань Цин, Инь Гуанмин // Чанбай сюэкань. 2014. № 3. С. 119–124 (на кит. яз.).

Reference list

1. Arsen'ev P. A. Literatura fakta vyskazyvanija : ocherki po pragmatike i material'noj istorii literatury = The literature of statement fact: essays on the pragmatics and material history of literature. Sankt-Peterburg : Translit, 2019. 176 s.
2. Belousov R. S. «Rychi, Kitaj!» Sergeja Tret'jakova = “Roar, China!” by Sergei Tretyakov // Voprosy literatury. 1961. № 5. S. 192–200.
3. Burdina S. V. Obraz Kitaja v lirike S. Tret'jakova = The image of China in Sergei Tretyakov's poetry / S. V. Burdina, Chzhan Czijuan' // Kazanskaja nauka. 2023. № 11. S. 135–137.
4. Verchenko A. L. Hudozhestvennaja literatura i publicistika kak istochnik issledovanija istorii Kitaja (na primere literaturnogo tvorchestva S. M. Tret'jakova) = Fiction and journalism as a source of research on the history of China (using S. M. Tretyakov's literary work as an example) // Problemy novoj i novejshej istorii Kitaja : sbornik statej. Moskva : FGBUN Institut Dal'nego Vostoka Rossijskoj akademii nauk, 2018. S. 32–54.
5. Ginzburg L. M. O psihologicheskoj proze = On psychological prose. 2-e izd. Lenigrad : Hudozhestvennaja literatura [Leningr. otd-nie], 1977. 448 s.
6. Golovchiner V. E. Funkcii protosjuzheta v russkoj drame XX veka = Functions of the proto-plot in the XX century Russian drama // Sibirskij filologicheskiy zhurnal. 2010. № 2. S. 12–18.
7. Golovchiner V. E. Sergej Tret'jakov – uchitel' Bertol'da Brehta = Sergey Tretyakov, Bertolt Brecht's teacher // Sibirskij filologicheskiy zhurnal. 2024. № 2. S. 118–125.

8. Kapinos E. V. Slovesnyj konstruktivizm S. Tret'jakova : «Zheleznaja pauza». Chast' 1 = S. Tretyakov's linguistic constructivism: "An Iron Pause". Part 1 // Sjuzhetologija i sjuzhetografija. 2019. № 2. S. 56–83.
9. Kovalev N. I. Sergej Tret'jakov i Jezra Paund : dialog o kollektivizacii literatury mezhdu levymi i pravymi = Sergei Tretyakov and Ezra Pound : A dialogue on the collectivization of literature between the left and the right // Literatura dvuh Amerik. 2021. № 10. S. 153–162.
10. Kosyh A. A. Kitajskoe puteshestvie Tret'jakova: pojeticeskij zahvat dejstvitel'nosti na puti k literature fakta = Tretyakov's Chinese journey: poetic capturing reality on the way to the literature of fact / A. A. Kosyh, P. A. Arsen'ev // Translit. 2010. № 11. S. 14–30.
11. Krasnojarova A. A. Kitaj v sovetskoj poezii 1920-h godov = China in the Soviet poetry of the 1920s / A. A. Krasnojarova, B. V. Kondakov // Kazanskaja nauka. 2024a. № 11. S. 247–249.
12. Krasnojarova A. A. «Kitajskij tekst» russkoj literatury. Ch. I : monografija = “Chinese text” in Russian literature. Part I: monography / A. A. Krasnojarova, B. V. Kondakov. Perm' : Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2024b. 175 s.
13. Kratkaja literaturnaja jenciklopedija = Concise literary encyclopedia : v 9 t. Moskva : Sovetskaja Jenciklopedija, 1962–1978. T. 6: Priskazka – «Sovetskaja Rossija» / Gl. red. A. A. Surkov. Moskva : Sov. jencikl., 1971. 1040 stlb.
14. Li Innan'. Kitaj v tvorchestve Sergeja Tret'jakova : roman «Djen Shi-hua» = China in S. Tretyakov's works: the novel “Deng Shi-hua” // Russkij Harbin, zapechatlennyj v slove : sbornik nauchnyh statej : k 70-letiju prof. V. V. Agenosova. Vyp. 6 / pod. red. A. A. Zabijako, G. V. Jefendievoj. Blagoveshhensk : Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2012. S. 237–250.
15. Literatura fakta: Pervyj sbornik materialov rabotnikov LEFa = Literature of fact: The first collection of materials of LEF employees / Pod red. N. F. Chuzhaka [Pereizdanie 1929 goda]. Moskva : Zaharov, 2000. 285 s.
16. Literaturnaja jenciklopedija = Literary encyclopedia : v 11 t. [Moskva], 1929–1939. T. 9 / Red. kollegija: P. I. Lebedev-Poljanskij, I. L. Maca, I. M. Nusinov, V. M. Friche; Gl. red. A. V. Lunacharskij; uchenyj sekretar' E. N. Mihajlova. Moskva : OGIZ RSFSR, Gos. in-t «Sovetskaja Jenciklopedija», 1935. 832 stlb.
17. Rodionov A. A. Ob istorii «pravdivogo zhizneopisanija» – pervogo sbornika perevodov sovremennoj kitajskoj prozy na russkij jazyk = On the history of the “true biography”, the first collection of modern Chinese prose translations into Russian // Problemy literatur Dal'nego Vostoka: Trudy X mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg : 30 iyunja – 02 iulja 2022 g. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023. 538 s. S. 431–446.
18. Tret'jakov S. M. Detstvo Djen Shi-hua: [Dlja detej starsh. vozrasta] = Deng Shi-hua's childhood: [for older children] / Ris. Liu-Lin i Chen-Pan-Nung. 2-e izd. Moskva ; Leningrad : Molodaja gvardija, 1933. 232 s.
19. Tret'jakov S. M. Djen Shi-hua. Bio-interv'ju = Deng Shi-hua. Bio-interview / Oblozhka i montazh hudozhhnika A. M. Rodchenko. Moskva : Molodaja gvardija, 1930. 392 s.
20. Tret'jakov S. M. Djen Shi-hua = Deng Shi-hua. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1935. 456 s.
21. Tret'jakov S. M. Svad'ba Djen Shi-Hua : glavy iz knigi «Djen Shi-hua» = Deng Shi-hua's wedding : chapters from the book Deng Shi-hua / Ris. G. Klincha. Moskva : Rabochaja Moskva, 1928 (7-ja tip. «Iskra revoljucii» Mospoligrafa). 61 s.

22. Tropkina N. E. Obraz Kitaja v lirike S. M. Tret'jakova = The image of China in Sergei Tretyakov's poetry / N. E. Tropkina, Van Tjan'czao // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2022. № 8 (171). S. 183–186.
23. Tropkina N. E. Prostranstvennye obrazy Dal'nevostochnogo regiona v pojeme S. M. Tret'jakova «Rychi, Kitaj!» = Spatial images of the Far Eastern region in S. M. Tretyakov's poem Roar, China! / N. E. Tropkina, Van Tjan'czao // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (1). S. 118–123.
24. Chirkov A. S. Novye puti osmyslenija jepicheskoy dramy kak nauchnoj problemy = New ways of understanding epic drama as a scientific problem // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2007. № 8 (71). S. 151.
25. Sharypina T. A. Koncepcija «dokumental'nogo jeposa» russkogo avangarda i stanovlenie teatral'noj praktiki Bertol'ta Brehta = The “documentary epic” concept in Russian avant-garde and the formation of Bertolt Brecht's theatrical practice // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 3 (156). S. 67–73.26. Sharypina T. A. Fridrikh Vol'f i Sergej Tret'jakov (k probleme vlijanij i tvorcheskih shozhdenij) = Friedrich Wolf and Sergey Tretyakov (towards the problem of influences and creative similarities) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 6. S. 185–191.
27. Gje Baocjuan'. Vsemirnoe znachenie «Podlinnoj istorii Ak'ju» = The world significance of the “True Story of Akyu” // Sjuchzhou shifan' sjujejan' sjujebao. 1981. № 3. S. 16–23 (na kit. jaz.).
28. Raskrytie sekretov dejatelja Ob#edinennogo fronta “Fulin” Gao Sin'i = Revealing the secrets of Gao Xinyi, an activist of the United Front “Fulin”. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/7dL9LRr56Q0rPALA4IPWEw> (data obrashhenija: 25.01.2025).
29. Juan' Cin, In' Guanmin. Obuchenie v Rossii i rasprostranenie kitajskoj kul'tury v Rossii: issledovanije, sosredotochennoe na pervoj polovine XX veka = Education in Russia and spreading Chinese culture in Russia: a study focused on the first half of XX century / Juan' Cin, In' Guanmin // Chanbaj sjujekan'. 2014. № 3. S. 119–124 (na kit. jaz.).

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принятия к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 24.09.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-74

EDN QDJRRY

**Метатекстуальность как форма диаспорического самосознания:
литература третьей волны эмиграции**

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. Статья посвящена анализу метатекстуальности как формы выражения диаспорического самосознания в произведениях писателей-эмигрантов третьей волны. В исследовании рассматривается малоизученный феномен метаповествования в контексте уникального экзистенциального положения эмигранта, который переживает культурный разрыв между страной происхождения и новой родиной. Основная задача работы – продемонстрировать, как метатекстуальные техники, используемые авторами третьей волны, выражают специфическое диаспорическое сознание. Исследование показывает, что метанаррация функционирует не только как техника литературной рефлексии, но и как выражение бытия субъекта в пространстве амбивалентности и культурного отчуждения. Положение эмигрантов третьей волны предполагает осознание расщеплённости между двумя культурами, двумя языками и двумя системами значений, что неизбежно порождает потребность в постоянной рефлексии об условиях высказывания. Особое внимание в работе уделяется полифоничности в структуре произведений, концепциям промежуточного положения в межкультурном диалоге и механизмам деколонизации дискурса. В статье анализируется проза В. Аксенова, В. Войновича, С. Довлатова, Э. Лимонова, А. Синявского, С. Соколова. Проведенное исследование позволяет продемонстрировать, что метаповествование в произведениях писателей-эмигрантов третьей волны представляет собой органичный способ выражения амбивалентности, структурирующей сознание человека, лишенного возможности абсолютной принадлежности к единственной культурной системе. Таким образом, рассматриваемая литературная техника функционирует как форма высказывания, которая осознает и демонстрирует условность своего собственного выражения, одновременно восстанавливая право на высказывание в условиях культурного разрыва.

Ключевые слова: метаповествование; метатекстуальность; третья волна эмиграции; В. Аксенов; В. Войнович; С. Довлатов; Э. Лимонов; А. Синявский; С. Соколов

Для цитирования: Егоров М. Ю. Метатекстуальность как форма диаспорического самосознания: литература третьей волны эмиграции // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 74–89. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-74>. <https://elibrary.ru/QDJRRY>.

Original article

Metatextuality as a form of diasporic self-consciousness: the third emigration wave literature

Mikhail Yu. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article analyzes metatextuality as a form of expressing diasporic identity in the works of third wave emigrant writers. The study examines the phenomenon of meta-narrative, which hasn't been studied enough, in the context of the emigrant's unique existential situation of facing a cultural gap between their native country and the new homeland. The study aims to demonstrate how the metatextual techniques used by third wave authors express a specific diasporic consciousness. The author shows that metanarrative functions not only as a literary reflection technique, but also as an expression of the subject's being in the ambivalent and culturally alienated space. The situation of third wave emigrants implies the awareness of the split between the two cultures, the two languages and the two value systems, which inevitably results in the need for constant reflection on the discourse context. The author pays special attention to polyphony in the structure of the works, to the concepts of the situation in between the two cultures during the intercultural dialogue, and to the mechanisms of discourse decolonization. The analysis is given of the prose by V. Aksyonov, V. Voynovich, S. Dovlatov, E. Limonov, A. Sinyavsky, S. Sokolov. This study demonstrates that metanarrative in the works of third-wave emigrant writers is an organic way to express the ambivalence structuring the mind of a person deprived of the complete belonging to a single cultural system. Therefore, the literary technique in question functions as a form of expression that recognizes and demonstrates its own conventionality, while at the same time reclaiming the right to speak in the context of disconnected cultures.

Key words: metanarrative; metatextuality; third wave of emigration; V. Aksyonov; V. Voinovich; S. Dovlatov; E. Limonov; A. Sinyavsky; S. Sokolov

For citation: Egorov M. Yu. Metatextuality as a form of diasporic self-consciousness: the third emigration wave literature. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 74–89. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-74>. <https://elibrary.ru/QDJRRY>.

Введение

Готовых теоретических инструментов для анализа метатекстуаль-

ности в литературных произведениях существует не так уж много. Несомненно, феномен метатексту-

альности в литературе третьей волны русской эмиграции требует особых изучения. С другой стороны, всесторонней истории эмигрантской литературы третьей волны так и не существует. При этом писатели диаспоры систематически использовали метатекстуальность в своих произведениях. Это указывает на необходимость изучения связи между спецификой творчества и условиями положения эмигранта, экзистенциальными предпосылками положения. Как показывают произведения писателей третьей волны эмиграции, положение эмигранта в условиях культурного разрыва между страной происхождения и новой родиной неизбежно порождает потребность в размышлениях об условиях высказывания, о самой возможности говорить.

Ж. Женетт в своей книге «Палимпсесты: литература второй степени» выделяет пять типов транстекстуальных отношений, которые включают метатекстуальность. Метатекстуальность трактуется ученым очень широко, под метатекстуальностью он подразумевает комментирование, содержащееся в одном тексте, по отношению к другому: «... это отношения, которые чаще всего обозначаются как “комментарий”. Они связывают данный текст с другим, о котором в нем говорится, не обязательно цитируя его (не обращаясь к нему), а иногда даже не называя его» [Genette, 1997, р. 4]. Предположим, что в литературе эмиграции метатекстуаль-

ность функционирует не только как техника литературной рефлексии, но и как онтологический способ выражения позиции субъекта, существующего в условиях амбивалентности и культурного отчуждения.

Третья волна русской эмиграции отличается от предыдущих особым типом разрыва с родиной [Матич, 2014]. Эмигранты третьей волны стремились прежде всего ускользнуть от монопольного государственного контроля над творческими процессами, от невозможности творчества в условиях цензуры и идеологической регламентации. Писатели, которые оказались в третьей волне эмиграции (В. Аксенов, И. Бродский, В. Войнович, С. Довлатов, Э. Лимонов, А. Синявский, С. Соколов и многие другие), находились в конфликтных отношениях не столько с советской политической государственной системой, сколько с советской системой культуры. Вспомним высказывание А. Синявского: «И поскольку политика и социальное устройство общества это не моя специальность, то можно сказать в виде шутки, что у меня с советской властью вышли в основном эстетические разногласия» [Синявский, 1985, с. 132].

Такая отличительная черта третьей волны эмиграции не могла не определить специфическую поэтику литературных произведений. В литературе эмиграции третьей волны метатекстуальность может функционировать как демонстра-

ция технического мастерства или формального экспериментирования, так и как необходимое выражение расщепленного диаспорического сознания диаспоры. Метаповествование (повествование о том, как ведется или конструируется повествование) становится не вычурным литературным приемом, а структурной необходимостью. Внутри самого текста произведения возникает голос, который комментирует текст, неотъемлемой частью которого он является, размышляет о его структуре и пытается осмыслить саму возможность повествования. Таким образом, возникает задача продемонстрировать, как метаповествовательные техники, используемые писателями третьей волны эмиграции, выражают диаспорическое самосознание.

Методы исследования

Создание этой статьи было во многом обусловлено применением при анализе художественных текстов структуралистского инструментария. В качестве основополагающего отечественной разработки в данной области следует отметить книгу Ю. М. Лотмана «Структуру художественного текста» [Лотман, 1970]. Проведенное исследование опирается на комплексные рассмотрения феномена метатекстуальности, представленные в трудах П. Во «Метафикшн» [Waugh, 1984] и Л. Хатчен «Нарциссический нарратив: Метафиксационный парадокс» [Hutcheon, 1991]. Особое

значение приобретает концепция метаповествования, сформулированная П. Во: «Метафикшн – это термин, обозначающий вымысленный текст, который сознательно и систематически привлекает внимание к своему статусу артефакта, чтобы провоцировать вопросы об отношениях между вымыслом и реальностью» [Waugh, 1984, p. 2].

Результаты исследования

Эпоха, совпадающую с третьей волной эмиграции, социологи называют поздним модерном. Проблема рефлексивности в позднем модерне приобретает особое значение. Исследуя поздний модерн, Э. Гидденс развивает концепцию самоидентификации как непрерывную рефлексивность, в рамках которой, в соответствии с меняющимися социальными условиями, индивид постоянно конструирует и реконструирует свою собственную биографию: «Рефлексивность современной социальной жизни заключается в том факте, что социальные практики постоянно исследуются и реформируются в свете вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого в самых своих основах» [Гидденс, 2011, с. 156; Гидденс, 2003]. Эмигранта рефлексивность погружает в тревожное состояние, так как его положение амбивалентно, поскольку эмигрант существует вне своего покинутого домашнего пространства, но и не

полностью интегрирован в культуру принимающей страны.

Эта амбивалентность не является времененным состоянием, которое можно преодолеть путем адаптации. Амбивалентность становится условием, структурирующим диаспорическое сознание. В таком контексте рефлексивность, самоосознание становится не просто осознанием социальных условий, но и осознанием собственной постоянной неполноты, фрагментации и невозможности претендовать на целостную, органичную идентичность. В этом смысле метаповествование становится формой рефлексивности на уровне художественного текста. Метаповествование позволяет писателю одновременно рассказывать историю и комментировать условия ее рассказывания, демонстрируя в самом тексте механизм конструирования идентичности субъекта диаспоры. В этом процессе художественный текст становится местом, где разыгрывается невозможность целостного и полного самовыражения.

Кризис репрезентации в литературе третьей волны эмиграции отличается от западного постмодернистского скептицизма по возможности адекватного отражения реальности: «Постмодернизм отказывается от признания репрезентативной функции языка и следует за постструктурализмом в идеи о том, что язык скорее конституирует, чем отражает мир, и поэтому знание всегда искажается языком» [Bertens, 1995, с. 6]. Если для за-

падных постмодернистов вопрос репрезентации остается в значительной степени формально-технической проблемой, касающейся взаимоотношений между языком и реальностью, то для авторов третьей волны особая рефлексивность является экзистенциальной необходимостью. Невозможность полного и ясного представления опыта проистекает не из теоретической убежденности в фундаментальной неполноте языка как такового (как это было у постмодернистов), а из практического осознания того, что позиция говорящего-эмигранта раздвоена. Он существует в пространстве между двумя культурами, двумя языками, двумя системами смыслов, ни к одной из которых он не может принадлежать полностью. Убедительным способом представления этого разделения становится метаповествование. Повествование о событиях переплетается с повествованием о том, как эти события рассказываются, почему их нельзя рассказать полностью и последовательно, какие условия делают высказывание возможным и одновременно невозможным.

Истоки метатекстуальности в литературе эмиграции третьей волны восходят к концепции полифонии в художественном дискурсе М. Бахтина [Бахтин, 2002]. Характеризуя творческое видение Ф. Достоевского, М. Бахтин писал: «...все эти противоречия и раздвоенности не становились диалекти-

ческими, не приводились в движение по временному пути, по становящемуся ряду, но развертывались в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или как безысходно противоречивые, как вечная гармония неслышимых голосов или как их неумолчный и безысходный спор» [Бахтин, 2002, с. 39]. М. Бахтин определяет полифонию как сосуществование в произведении множества равнозначных голосов и сознаний, каждое из которых сохраняет независимость и не растворяется в авторском сознании. Сосуществование множества голосов означает, что ни один голос не может претендовать на истинность, ни один голос не может монополизировать повествование. Для писателей третьей волны полифонизм трансформируется в форму метаповествования. В полифонической структуре метаповествования каждый голос одновременно повествует и комментирует других рассказчиков, каждый существует внутри нарратива, одновременно размышляя о нем. Создается метанarrативное напряжение внутри произведения между высказыванием и его пониманием.

Полифонизм, таким образом, становится средством артикуляции диаспорического сознания посредством метаповествования. Позиция эмигранта расщеплена между несколькими голосами – голосом советской памяти, голосом западного настоящего, голосом критической

дистанции. Полифоническая структура позволяет всем этим голосам звучать одновременно, не синтезируясь в один голос. Многоголосие формально связано с метанаррацией: произведение не только рассказывает историю, но одновременно показывает, как эта история рассказываетя, почему ее нельзя рассказывать одним голосом, почему каждый голос должен быть услышан и одновременно подвергнут сомнению.

В романе «Школа для дураков» С. Соколов [Соколов, 1990] радикально воплощает принцип полифонии, связывая полифоническую структуру с метаповествованием. Текст С. Соколова организован не как логическое развитие сюжета с четкими причинно-следственными связями, а как сбивчивое повествование, связанное с циклическими возвращениями к одним и тем же мотивам, образам и ситуациям. Рассказывающие голоса постоянно перебивают друг друга, цитируют друг друга, но самое главное, они постоянно комментируют друг друга, подвергая сомнению то, что было сказано другим голосом. Полифоническое многообразие голосов превращается в метатекстуальное устройство саморефлексии. Нарратору в романе ничего не стоит сказать, что он сам не уверен в том, о чем повествует: «Нет, так сразу не вспомнишь: плохая память на имена, да и что толку помнить все эти имена, фамилии – правда? Конечно, но если бы мы знали фамилию, то

было бы удобнее рассказывать. Но можно придумать условную фамилию, они – как ни крути – все условные, даже если настоящие. Но с другой стороны, если назвать его условной фамилией, подумают, будто мы что-то тут сочиняя, пытаемся кого-то обмануть, ввести в заблуждение, а нам скрывать совершенно нечего...» [Соколов, 1990, с. 14]. Метаповествовательная рефлексия в романе С. Соколова демонстрирует, что повествование о событиях неразрывно связано с повествованием о невозможности цельного высказывания.

Аналогичным образом В. Аксенов действует в романе «Ожог», представляя коллективный нарратив с пятью главными протагонистами (физиком Кунцером, саксофонистом Саблером, скульптором Хвостищевым, врачом Малкольмовым и писателем Пантелеем, носящими одно отчество Аполлинариевич) [Аксенов, 2011]. Показательную в этом смысле фразу содержит главка с характерным названием «Куча разноцветных котят на зеленой мокрой траве», в которой, видимо, всех пятерых поместили в милиционский изолятор: «Ситуация была вполне обычна: один жаловался на предательство, другой на бабу, третий на вспомогательную народную дружину четвертый изобрел, видите ли, ужасное оружие, а пятый оживил палача. Нормально» [Аксенов, 2011, с. 556]. Создаётся тем самым полифоническое пространство, где каждый го-

лос поддерживает специфический ход в сюжете произведения.

Полифоническая множественность голосов становится в эмиграционной литературе средством выражения того, что позиция диаспорического субъекта не может быть артикулирована единственным голосом, поскольку ситуация разрыва (эмигрантского) порождает внутреннюю полифонию. Каждый голос в полифоническом целом одновременно представляет собой рассказ о реальности и затрагивает метатекстуальный комментарий к этому повествованию. Никакой голос не может обладать монополией на истину. Каждое высказывание должно быть услышано в его условности и амбивалентности. Полифоничность становится метаповествования метанаррации, структурой, в которой повествование и его критический анализ неразделимы.

Концепция «малой литературы», разработанная Ж. Делезом и Ф. Гваттари в их исследовании творчества Франца Кафки, позволяет пересмотреть метатекстуальность литературы эмиграции третьей волны в новом теоретическом свете [Делёз, 2015].

Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут о детерриториализации языка в малой литературе. Писатели третьей волны эмиграции оказываются в положении, сходном с положением Ф. Кафки. Они не могут претендовать на полное владение каким-либо одним языковым пространством. Ф. Кафка писал по-немецки,

но был евреем, жившим в Праге на территории Австро-Венгрии. Он был «двуязычным» (в широком смысле) субъектом, существующим в промежутке между культурами: «В этом смысле Кафка определяет тупик, который закрывает доступ к письму для евреев Праги и делает их литературу чем-то невозможным: невозможность не писать, невозможность писать по-немецки, невозможность писать как-то по-другому» [Делёз, 2015, с. 20]. Писатели третьей волны эмиграции говорят по-русски, но из пространства, которое не принадлежит русскому языку, из пространства физической изоляции от Советского Союза, одновременно из пространства невозможности полной асимиляции в западную культуру. Их язык подвергается детерриториализации, он теряет свою непосредственную связь с живой социальной почвой.

Эта детерриториализация языка напрямую связана с метаповествованием как формой рефлексии. Как утверждают Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «Фактически, язык как правило компенсирует свою детерриториализацию ретерриториацией в смысле. Перестав быть органом смысла, он становится инструментом Смысла» [Делёз, 2015, с. 25]. Если язык больше не привязан к определенной территории, то любое высказывание неизбежно начинается с размышления о том, как и почему оно стало возможным сейчас. Результатом детерриториализации является

метаповествование. Повествование в тексте начинается не только с событий, но и с того, как он создался текст. Метаповествование демонстрирует в самом тексте, что язык (в широком смысле слова) становится не совсем «своим», не вполне адекватным, не совсем живым инструментом. Такую форму осознали писатели третьей волны эмиграции, которые не только рассказывали истории, но и одновременно размышляли о том, как вообще можно рассказывать истории в таком положении.

Ярким примером здесь является роман Э. Лимонова «Это я – Эдичка» [Лимонов, 1992]. Для этого романа характерен особый язык с частными вкраплениями англизмов: «“Вы имеете длинный жаркий день вокруг бассейна, и вы склонны, готовы иметь Ваш обычный любимый летний напиток. Но сегодня Вы чувствуете желание заколебаться. Итак, вы делаете кое-что другое. Вы имеете Кампари и Оранджус взамен...” Я никогда не имел длинного жаркого дня вокруг бассейна» [Лимонов, 1992, с. 322].

С. Довлатов в повести «Зона. Записки надзирателя» [Довлатов, 1991] проводит метаповествовательную рефлексию над специфической семантикой лагерного языка, над тем, как язык отражает стирание границ между охранником и заключенным, жертвой и палачом. С. Довлатов показывает, как язык становится одновременно инструментом репрессий и инструментом,

с помощью которого можно раскрыть сам механизм репрессий, обнажить его логику: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. ...Мы говорили на одном приблестненном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни» [Довлатов, 1991, с. 35–36]. Структурно «Зона. Записки надзирателя» организована за счет использования писем автора издателю, которые сопровождают основной текст, поэтому в произведении постоянно комментируется процесс его создания, демонстрируется метанarrативное осознание условности высказывания о советской действительности. Язык текста становится видимым, проблематичным, подверженным постоянной метанарративной рефлексии. Более того, текстуальность соединяется с физиологическим измерением: «Даже когда я физически страдал, мне было хорошо. Голод, боль, тоска – все становилось материалом неутомимого сознания. Фактически я уже писал. Моя литература стала дополнением к жизни. Дополнением, без которого жизнь оказывалась совершенно непотребной. Оставалось перенести все это на бумагу. Я пытался найти слова...» [Довлатов, 1991, с.18].

«Зона. Записки надзирателя» является автобиографическим произведением, как и роман «Это я – Эдичка», как и «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь», «История его слуги» – другие произве-

дения Э. Лимонова эмигрантского периода. Автобиографичность творчества свойственна подавляющему большинству прозаиков третьей волны эмиграции. Без сомнения, автобиографичность напрямую связана с рефлексивностью героя и повествователя.

Роман А. Синявского «Спокойной ночи», аккумулирующий опыт прохождения советских лагерей, демонстрирует, как автобиографический акт может функционировать в качестве развернутого метаповествования о собственной невозможности [Терц, 2015]. А. Синявский постоянно размышляет о процессе превращения прожитой жизни в текст, о том, как повествуемое одновременно конструируется и разрушается в процессе повествования: «...Мое повествование, вижу, удаляется от меня прыжками кенгуру и возвращается вспять, падая к ногам, наподобие бумеранга. ...Былое непостижимо вне этих перемещений. Оно утекает у нас сквозь пальцы, как только мы принимаемся строить ему памятник. В жажде рассказать по порядку, год за годом, день за днем, все, что выпало нам на веку, мы невольно кривим душой против фактической правды...» [Терц, 2015, с. 32]. Произведение демонстрирует дистанцию между пережитым опытом и его словесным представлением, дистанцию, которая не скрывается, а афишируется.

Когда А. Синявский пишет о личном опыте, он не просто вос-

производит воспоминания, одновременно он комментирует, раскрывает условность любого воспоминания, демонстрирует, что память не является нейтральным хранилищем прошлого, а конструируется в момент высказывания, каждый раз перестраивается заново в зависимости от позиции, занимаемой говорящим в настоящем времени. Метаповествование здесь намекает на то, что текст не просто рассказывает о прошлом, но одновременно повествует о том, как повествуется о прошлом, почему автобиографическое высказывание всегда содержит момент незавершенности. Эта метанarrативная позиция отражает специфику диаспорического опыта А. Синявского. Он пишет, находясь физически за пределами России, о прошлом, которое было переосмыслено с точки зрения лагерного опыта и опыта эмиграции. Автобиографический акт неизбежно становится актом интерпретации, переоценки, переписывания. Текст романа строится как борьба между желанием рассказать и осознанием невозможности честного рассказа, борьба, которая разворачивается внутри текста, демонстрируя себя читателю.

Классический роман предполагал внутреннюю логику развития сюжета, причинно-следственные связи между событиями, разрешение конфликта. Нarrативные структуры в прозе третьей волны эмиграции часто организованы по принципам фрагментарности и

принципиальной незавершенности. Становясь не просто формальным приемом, фрагментарность функционирует как одно из средств реализации метаповествования, при которой текст демонстрирует свою собственную неполноту, свою собственную невозможность достижения целостности, и демонстрация происходит внутри самого текста.

Например, в романе «Ожог» В. Аксенов отказывается от связного линейного сюжета в пользу фрагментарного, полифонического повествования [Аксенов, 2011]. Например, в тексте могут внезапно появится слова «От автора» и будет рассказал история, косвенно связанная с предшествующими и последующими страницами: «**ОТ АВТОРА.** В этом месте мы прервем телефонную бубню Геннадия Аполлинариевича для того, чтобы рассказать о любопытной связи явлений» [Аксенов, 2011, с. 80]. Или в начале «Книге второй» романа автор внезапно вторгается в повествование, нарушив целостный рассказ о героях: «Перед тем как приступить ко второй книге повествования, автор должен заявить, что претендует на чрезвычайное проникновение в глубину избранной им проблемы. Да существует ли вообще здесь какая-нибудь серьезная проблема? Обоснованы ли претензии автора на глубину?» [Аксенов, 2011, с. 265]. Фрагментарность в романе является одним из средств введения в текст метанarrации, что демонстрирует про-

цесс разрушения единства повествования. Фрагментарность отражает структуру самого диаспорического опыта. Опыт эмигранта не образует органического целого из-за постоянного существования в межкультурном пространстве. Этот опыт состоит из набора впечатлений, фрагментов памяти, отдельных эпизодов, которые трудно или невозможно синтезировать в единую телеологическую линию. Отказ от нарративного синтеза, таким образом, становится отказом от ложного объединения разнородного материала под видом органического единства. Метанаррация призвана продемонстрировать это. Текст показывает, что он не может достичь целостности, и эта демонстрация является частью текста, частью его конструкции.

Важным теоретическим инструментом для понимания диаспорического положения является концепция Х. Бхабхи о «третьем пространстве», хотя первоначально она была разработана в контексте постколониальных исследований [Bhabha, 1994]. Третье пространство – это не просто географическое промежуточное пространство, а особая позиция для высказывания, где традиционные оппозиции (свой-чужой, центр-периферия и т. д.) теряют абсолютную значимость и становятся динамичными, амбивалентными: «Третье пространство... создает дискурсивные условия высказывания, которые гарантируют, что значение и сим-

волы культуры не имеют изначального единства или неизменности; что даже одни и те же знаки могут быть присвоены, переведены, переосмыслены и прочитаны заново» [Bhabha, 1994, с. 37]. В третьем пространстве высказывание всегда раздвоено, всегда метанарративно в том смысле, что оно не может не содержать размышлений о своей собственной дислокации. Третье пространство порождает особую позицию субъекта, который существует в присутствии двух разных культур одновременно, но не может полностью идентифицировать себя ни с одной из них.

Писатель-эмигрант третьей волны принадлежит к третьему пространству. Он не может вернуться к первоначальному культурному состоянию (Советский Союз), которое недоступно как живое целое и существует исключительно в памяти и символических презентациях. Одновременно эмигрант не может полностью интегрироваться в западную культуру, оставаясь на ее периферии, воспринимаемый как «другой», как носитель иностранного опыта и языка. Его позиция такова, что она одновременно соприкасается с разными культурами, но не может претендовать на полную принадлежность ни к одной из них. Метанаррация становится единственным адекватным способом высказывания в третьем пространстве. Метанаррация позволяет человеку одновременно говорить и комментировать свою речь, форму-

лировать проблемы не через отчаяние, а через сознательную саморефлексию.

Другой исследователь постколониализма Г. Спивак, анализируя проблемы репрезентации субалтернов (в русском не совсем корректном переводе – угнетенные), ставит фундаментальный вопрос: может ли угнетенный субъект вообще говорить, может ли его голос быть услышан в доминирующей системе? [Spivak, 1994; Спивак, 2022] «Не существует такого субалтерна, который мог бы сам донести знания о себе» [Spivak, 1994, с. 80] – истинные знания о субалтерне всегда ускользают от изучающего его (или эти знания даже могут быть искусственно сконструированы). Применительно к диаспорическому субъекту это становится вопросом: *может ли эмигрант, находящийся в амбивалентном месте, выразить свою собственную идентичность с помощью готовых культурных кодов, готовых нарративных форм?* Ответ, следующий из вышесказанного, таков: не может или, по крайней мере, не может этого сделать без осознания условности и принципиальной недостаточности любого высказывания.

Роман «Школе для дураков» С. Соколова воплощает такую амбивалентность [Соколов, 1990]. Главный герой Ученик Такой-то страдает диссоциативным расстройством, находясь в постоянном диалоге со второй половиной своей личности. Это психологическое

состояние является формальным воплощением положения третьего пространства. Герой не может выбрать один исключительный способ восприятия реальности, он одновременно живет во множественных темпоральностях (вчера, сегодня, завтра у него путаются), видит мир одновременно с разных точек зрения: «...будто все, что здесь происходит, есть, является, существует – действительно, на самом деле есть, является, существует. ...недавно (сию минуту, в скором времени) я плыл (плыву, буду плыть) на весельной лодке по большой реке. До этого (после этого) я много раз был (буду бывать) там и хорошо знаком с окрестностями. Была (есть, будет) очень хорошая погода, а река – тихая и широкая, а на берегу, на одном из берегов, куковала кукушка (кукует, будет куковать), и она, когда я бросил (брошу) весла, чтобы отдохнуть, напела (напоет) мне много лет жизни. Но это было (есть, будет) глупо с ее стороны, потому что я был совершенно уверен (уверен, буду уверен), что умру очень скоро, если уже не умер» [Соколов, 1990, с. 28]. Текст демонстрирует метаповествовательное осознание этой амбивалентности посредством комментария рассказчика к своему собственному видению, постановки такого видения под сомнение и одновременно его подтверждения. Это структурное воплощение невозможности говорить с какой-либо единственной позиции.

Отсюда вытекает необходимость метаповествования. Метаповествование становится средством говорения при сохранении критической дистанции от собственной речи. Метатекст демонстрирует, что субалтерн может говорить только в том случае, если это повествование одновременно комментирует его собственную условность, собственное положение в системе, которая его угнетает. Любое высказывание эмигрантов третьей волны о самих себе структурно расщеплено дистанцией, осознанием собственной амбивалентности. Указанное расщепление является не недостатком, а необходимым условием для ответственного высказывания.

В. Войнович в «Москве 2042» сатирически обыгрывает амбивалентность третьего пространства [Войнович, 1993]. Писатель Виталий Карцев во время путешествия в будущее обнаруживает, что Москва 2042 года представляет собой фантастическое воплощение коммунизма, успешно построенного в одном городе благодаря полному слиянию партии, репрессивных органов и преобразованной церкви. Антиутопия демонстрирует саму суть проблемы: попытка преодолеть амбивалентность, выбрать единственную позицию приводит к катастрофическим результатам. Существуя в мире антиутопии, Карцев может критиковать его только метанarrативно, показывая абсурдность происходящего, демонстрируя механизмы тоталитар-

ного спектакля единомыслия. В. Войнович посредством метанарративной структуры романа показывает, что истинной альтернативой абсурду тоталитаризма является сохранение амбивалентности, множественности голосов, возможности одновременно видеть ситуацию с разных позиций без попытки синтезировать их в единую истину (подробнее о метаповествовании в произведениях В. Войновича см. [Егоров, 2024]).

Таким образом, диаспорический субъект в произведениях писателей третьей волны не случайно обитает в третьем пространстве. Это пространство порождает метаповествовательное отношение к реальности. Если субъект видит две культуры одновременно, если они существуют между двумя системами смыслов, уместной формой высказывания является та, которая демонстрирует эту амбивалентность, включает саморефлексию в повествование, одновременно утверждает и подвергает сомнению. Метаповествование становится формой деколонизации дискурса в том смысле, что она открывает пространство для высказывания иного, для голоса, который не подчиняется готовым иерархиям значений.

Заключение

Метаповествование подразумевает постоянное внимание к вопросам презентации, критику готовых форм дискурса, отказ от наивной веры в возможность адекватного выражения смысла. Исторически

сложилось так, что время третьей волны эмиграции совпадает с закатом оттепели и новым усилением авторитаризма в Советском Союзе. Писателями-эмигрантами третьей волны двигала необходимость творчества без цензуры, желание отстоять право на множественность интерпретаций, противодействие монополии официального дискурса. Писатели сопротивлялись монополии на смысл и его выражение. Метаповествование позволяет проинформировать деколонизацию дискурса, оно открывает пространство для другого высказывания, для голоса, не подчиняющегося готовым иерархиям значений. Деколонизация осуществляется не через отказ от речи, а через метанarrативное осознание условий высказывания. Метаповествование позволяет писать, зная о своем включении в систему значений, но демонстрируя это включение, критически его осмысливая.

Метатекстуальность прозы русской эмиграции третьей волны не является ни маргинальным явлением в истории литературы, ни простым заимствованием западных постмодернистских приемов. Это фундаментальная форма, в которой субъект диаспоры артикулирует свое собственное существование в условиях отсутствия полной принадлежности к какой-либо единой культурной системе и в эпоху, когда различие между реальностью и ее репрезентацией становится неопределенным и изменчивым. Метанаррация становится способом, с помощью которого может быть артикулирована амбивалентная позиция диаспорического субъекта. Метатекстуальность выступает не просто техническим приемом, а выражением диаспорального сознания, манифестацией способа существования на границе, в промежутке.

Библиографический список

1. Аксенов В. Ожог. Москва : Эксмо, 2011. 640 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. VI. Москва : Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
3. Войнович В. Москва 2042 // Войнович В. Малое собрание сочинений в 5 тт. Т.3. Москва : Фабула, 1993. С. 5–338.
4. Гидденс, Э. Последствия современности. Москва : Практис, 2011. 352 с.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. Москва : Академический проект, 2003. 528 с.
6. Делёз Ж. Кафка: за малую литературу / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. Москва : Ин-т общегуманитарных исслед., 2015. 111 с.
7. Довлатов С. Зона. Компромисс. Заповедник. Москва : ПИК, 1991. 354 с.
8. Егоров М. Метаповествательная техника в прозе В. Н. Войновича 1970–1980-х годов // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №4. С. 42–49.
9. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992. 335 с.

10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
11. Матич О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 313–338.
12. Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Синтаксис. 1985. № 15. С. 131–147.
13. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. Москва : Огонек, Вариант, 1990. С. 7–183.
14. Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? Москва : V-A-C Press, 2022. 148 с.
15. Терц А. (Синявский А. Д.) Спокойной ночи. Москва : ACT, 2015. 413 с.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. London, New York : Routledge, 1994. 295 p.
17. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln, London : University of Nebraska Press, 1997. 508 p.
18. Hutcheon L. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox. London, New York : Routledge, 1991. 196 p.
19. Bertens H. The Idea of the Postmodern: A History. London, New York : Routledge, 1995. 289 p.
20. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory. A Reader. London, New York: Routledge, 1994. P. 66–111.
21. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York : Routledge, 1984. 177 p.

Reference list

1. Aksenov V. Ozhog = The Burn. Moskva : Jeksmo, 2011. 640 s.
2. Bahtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's creative work // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. VI. Moskva : Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2002. S. 5–300.
3. Vojnovich V. Moskva 2042 = Moscow 2042 // Vojnovich V. Maloe sobranie sochinenij v 5 tt. T.3. Moskva : Fabula, 1993. S. 5–338.
4. Giddens Je. Posledstvija sovremennosti = The consequences of modern times. Moskva : Praksis, 2011. 352 s.
5. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii = Organization of society: an essay on the theory of structuring. Moskva : Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
6. Deljoz Zh. Kafka: za maluju literaturu = Kafka: for small literature / Zh. Deljoz, F. Gvattari. Moskva : In-t obshhegumanitarnyh issled., 2015. 111 s.
7. Dovlatov S. Zona. Kompromiss. Zapovednik. = The Compromise. The Reserve. Moskva : PIK, 1991. 354 s.
8. Egorov M. Metapovestvovatel'naja tehnika v proze V. N. Vojnovicha 1970–1980-h godov = Meta-narrative technique in V. N. Vojnovich's prose of the 1970s-1980s // Verhnevolzhskij filologicheskiy vestnik. 2024. №4. S. 42–49.
9. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka = It's me, Edichka. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992. 335 s.
10. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of literary text. Moskva : Iskusstvo, 1970. 384 s.

11. Matich O. Literatura Tret'ej volny: granicy, ideologija, jazyk = The Third-wave literature: boundaries, ideology, language // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 3. S. 313–338.
12. Sinjavskij A. Dissidentstvo kak lichnyj opyt = Dissidence as a personal experience // Sintaksis. 1985. № 15. S. 131–147.
13. Sokolov S. Shkola dlja durakov. Mezhdu sobakoj i volkom = A school for fools. Between the dog and the wolf. Moskva : Ogonek, Variant, 1990. S. 7–183.
14. Spivak G. Ch. Mogut li ugnetennye govorit? = Can the oppressed speak? Moskva : V-A-C Press, 2022. 148 s.
15. Terc A. (Sinjavskij A. D.) Spokojnoj noch = Good night. Moskva : AST, 2015. 413 s.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. London, New York: Routledge, 1994. 295 p.
17. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln, London : University of Nebraska Press, 1997. 508 p.
18. Hutcheon L. Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox. London, New York : Routledge, 1991. 196 p.
19. Bertens N. The Idea of the Postmodern: A History. London, New York: Routledge, 1995. 289 p.
20. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory. A Reader. London, New York : Routledge, 1994. P. 66–111.
21. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York : Routledge, 1984. 177 p.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-90

EDN USPIHA

Философское осмысление образа дома в «оттепельных» фильмах

И. Хейфица и Л. Кулиджанова

Александр Александрович Бочкарёв

Кандидат философских наук, преподаватель института русского языка,

Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, КНР

dianyingquhua@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-5100-0178>

Аннотация. Образ дома как универсальная культурная константа занимает в истории классического кино особое место. Художественные поиски духовно-нравственных смыслов в этом образе характерны для всех этапов истории советского кино как гуманистического искусства, однако сегодня их объективное исследование затруднено идеологической предвзятостью к категории «советского» и опорой на западные методологические схемы. Для антропоцентрического советского кино, наследующего традиционный для русской культуры примат общего над индивидуальным, близко наполнение образа дома семами «общности», «общения», «понимания», «единения», сближение образов дома и семьи (прежде всего, духовной, а не родственной), придание дому функции ценностного измерения, внимание к роли дома в сохранении и передаче традиций, восприятие потери дома как человеческой трагедии.

Особое место в философском осмыслении образа дома принадлежит «оттепельной» трилогии И. Хейфица («Большая семья», «Дело Румянцева» и «Дорогой мой человек») и дилогии о возвращении домой Л. Кулиджанова («Отчий дом», «Когда деревья были большими»). Эти во многом параллельные художественные исследования преодолели стереотипно пространственную трактовку образа, расширили его смысловые горизонты, раскрыли понятия «внутренний дом» и «внутренняя бездомность», связали его с духовным миром личности и духовным обликом общества. В фильмах Хейфица подробно исследуются смысловые границы понятия «дом», выстраивается триединая модель его ключевых смыслов («общность», «надматериальность», «необходимость»), анализируется идеал безграничного «общего дома». В картинах Кулиджанова предлагается экзистенциальная трактовка понятия «дом», который предстаёт как условие преодоления иллюзорности «обитания» и достижения осмысленного, подлинного существования.

© Бочкарёв А. А., 2025

Ключевые слова: образ дома; непрерывная история советского кино; преемственность традиций; антропоцентричность; полисемантичность; И. Хейфиц; Л. Кулиджанов; диалектика общего и личного

Для цитирования: Бочкарёв А. А. Философское осмысление образа дома в «оттепельных» фильмах И. Хейфица и Л. Кулиджанова // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 90–103. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-90>. <https://elibrary.ru/USPIHA>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Philosophical understanding of the image of home in I. Heifitz's and L. Kulidzhanov's “thaw” films

Alexander A. Bochkarev

Candidate of philosophy, lecturer, Institute of the Russian language, Dalian university of foreign languages, Dalian, PRC
dianyingquhua@163.com, <https://orcid.org/0009-0009-5100-0178>

Abstract. The image of home as a universal cultural constant holds a special place in the history of classical cinema. The artistic search for spiritual and moral meanings in this image is inherent in the history of Soviet cinema as a humanistic art form. Today, however, the objective study of these meanings is hampered by ideological bias towards everything “Soviet” and by relying on Western methodological schemes. The anthropocentric Soviet cinema, inheriting traditional Russian cultural primacy of the common over the individual, fills the image of home with the semes of “community”, “communion”, “understanding” and “unanimity”. This includes a close association between the images of home and family (primarily spiritual rather than biological), the attribution of value-laden dimensions to the notion of home, attention to its role in preserving and transmitting traditions, and the perception of losing one’s home as a human tragedy.

A special place in the philosophical interpretation of home belongs to I. Heifits's “thaw” trilogy (A Big Family, The Rumyantsev Case, and My Dear One) and to L. Kulidzhanov's “home-coming” dilogy (Family Home and When the Trees Were Tall). These largely parallel artistic investigations overcame the stereotypically spatial understanding of home, expanded its semantic horizons, articulated the concepts of the “inner home” and “inner homelessness,” and linked it to both the spiritual world of the individual and the spiritual characteristics of society. In his films, Heifitz examines in detail the semantic boundaries of the concept “home”, builds a triune model of its key meanings (“community”, “supramateriality”, ‘necessity’), and analyzes the ideal of a boundless “common home”. Kulidzhanov's films offer an existential interpretation of the concept “home” which appears as a condition for overcoming the illusory nature of “dwelling” and for achieving a meaningful, genuine existence.

Key words: image of home; continuous history of Soviet cinema; continuity of traditions; anthropocentricity; polysemy; I. Heifits; L. Kulidzhanov; dialectic of the collective and the personal

For citation: Bochkaryov A. A. Philosophical understanding of the image of home in I. Heifitz's and L. Kulidzhanov's "thaw" films. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 90–103. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-90>. <https://elibrary.ru/USPIHA>.

Введение

Образ дома как ключевого элемента человеческого универсума, в котором сходятся категории «места», «пространства», «чувств», «человеческой деятельности» и даже «закрепленность актуального бытия человека в мире» [Mallett, 2004, с. 65], закономерно занимает в мире искусства одно из центральных мест. В самом общем виде в понятии «дом» можно выделить пространственный, психологический и общественный аспекты [Somerville, 1997, с. 227]. Эти пласти не изолированы и обнаруживают потенциал к синтезу; зрители стали свидетелями художественных исследований перечисленных ипостасей образа дома и точек их соприкосновения еще в далёкие времена становления кино как искусства («Малыш» Ч. Чаплина (1921), «Наше гостеприимство» Б. Китона (1923), «Создатель дома» У. К. Бэггота (1925)). На пике расцвета классического Голливуда появляется целая серия картин-размышлений о доме как источнике счастья и внутренней свободы, о трагедии его утраты – «Огни большого города» Ч. Чаплина (1931), «С собой не унесёшь» Ф. Капры

(1938), «О мышах и людях» Л. Майлстоуна (1939), «Как зелена была моя долина» Дж. Форда (1941), «Гражданин Кэйн» О. Уэллса (1941). В дальнейшем и по сей день семантика образа дома усложняется, преодолевая границы устойчивых смысловых комплексов «родного очага» и «семейного счастья», непрерывно пополняясь самобытными трактовками из различных национальных кинематографических традиций. В понимании ценностной природы данного образа, в утверждении его неразрывной связи с полноценным бытием человека свои достижения есть и советского киноискусства.

Образ дома в истории отечественного кино: современные тенденции и препятствия научного осмысливания

Обширного корпуса работ по смысловому анализу образа дома на материале отечественного кинонаследия, к сожалению, накопить до сих пор не удалось. Причины этому мы видим в двух принципиальных препятствиях, носящих методологический характер и резко снижающих объяснительную силу всего корпуса современных иссле-

дований на материале советского кино.

Первое препятствие связано с идеологизаторским видением истории отечественного кино. Советское киноведение также было весьма идеологизированным, однако сумело сформировать продуктивное представление о непрерывном процессе преемственности традиций, не лишенном спадов и подъемов, однако едином в своем значении [Герасимов, 1984; Юрьев, 1986]. Идеологические конфронтации первых послесоветских десятилетий привели к отрицанию такого подхода и утверждению дискретного видения истории отечественного кинонаследия, которое дробится на лишенные взаимосвязи периоды прогресса (авангард 1920-х годов, кино «шестидесятников») и регресса (фильмы 1930–1940-х годов и эпохи «застоя»). В крайних формах такая дискретность выражается в призывах к «отмене» целых десятилетий отечественного киноискусства [Апостолов, 2010, с. 273], однако и в умеренных проявлениях она мешает приблизиться к основе исследуемых явлений.

Так, весьма обширное и скрупулезное исследование Н. П. Баландиной, посвященное образам дома и города в отечественном кино, ограничивается лишь небольшим срезом картин середины 1960-х годов (фильмами Г. Данелия, М. Хуциева и Г. Шпаликова). Автор видит исключительность избранного

периода в преодолении порочной и отсталой самобытности «советского»: «В 1960-е отечественный кинематограф в большей степени, чем прежде, являлся частью мирового кинопроцесса... Тяга к зарубежному, «несоветскому» возникала также как реакция на ситуацию изоляции отечественной культуры, на диктат официальной идеологии» [Баландина, 2014, с. 10]. Тем же путем идет и М. В. Безенкова, утверждающая, что в 1960-е годы в СССР «...возникли новые отношения человека и общества – это были уже не отношения «винтика» и огромного механизма, человек осознавал себя прежде всего как личность» [Безенкова, 2022, с. 14]. Абсурдность сведения всей сложности развития искусства к попыткам сбросить ярмо идеологии кажется самоочевидной, однако такая «новая догматика» является общим местом и приводит исследователей к недопустимым упрощениям, в которых стереотип заслоняет собой живую ткань художественного процесса. Приведем лишь несколько примеров: «В советском кинематографе 1920–1930-х гг. жизнь человека находилась внутри организованного государства» [Шестакова, 2014, с. 208]; «В кино 1960-х наконец-то стали показывать человека реального, сомневающегося в своих решениях, ищущего себя и свою судьбу» [Супонина, 2024, с. 52]. Вульгарное идеологизаторство обнаруживает невежество авторов: они попросту забывают, что

в критикуемые ими 1920–1930-е г. СССР уверенно шёл в авангарде мирового киноискусства, а шедевры С. Эйзенштейна, Вс. Пудовкина, А. Довженко, Ф. Эрмлера, Б. Барнета становились образцом для подражания [Зоркая, 2014].

Между тем попытки художественного анализа образа дома появились задолго до эпохи «шестидесятников». В 1920-е годы в трактовке этого образа, действительно, преобладали черты пропаганды «нового быта» («Дом на Трубной» Б. Барнета, «Мой сын» Е. Червякова, «В большом городе» М. Авербаха и М. Донского, все фильмы – 1928 г.), но эти идеологические нарративы органично смыкались с философским поиском, со стремлением разглядеть в образе дома соотношение прогрессивного и отжившего, здорового и порочного, вечного и переходящего. Традицию поэтического оживления образа родного дома в «Земле» (1930) заложил А. П. Довженко. Идею общего дома как пути спасения детей-беспрizорников от хаоса бесчеловечности отстаивает фильм Н. Экка «Путёвка в жизнь»; образ «города-дома» как безопасного и доброго пространства предлагает картина Т. Лукашевич «Подкидыши» (1939). С перечисленными шедеврами Голливуда 1930–1940-х годов перекликается фильм М. И. Ромма «Мечта» (1941), в котором образ суррогатного дома (временного пристанища) противопоставлен об-

разу истинного дома, источника гармонии и счастья.

Второе препятствие связано с ложными, но устойчивыми представлениями о периферийной роли отечественной кинотрадиции, о безнадёжном отставании от Запада. Все перечисленные выше и многие прочие работы, посвященные анализу образа дома в истории русского кино, выполнены на основе западных теорий по семантике пространства, например, «Поэтики пространства» французского феноменолога Г. Башляра [Башляр, 2004], подчинены чеканной формуле Жиля Делёза: «дом – место, локус в двойном – пространственном и речевом смысле» [Делёз, 2004, с. 516]. Эти теории строились как обобщения результатов анализа постмодернистских кинотекстов, в которых дом, действительно, нередко тождествен тюрьме и предстаёт «как враждебная человеческой ловушка, из которой нет выхода, как зеркальное отражение тотального лабиринта человеческой души» [Рейзен, 2012, с. 90]. Однако в обращении к классическим советским картинам, созданным в иной эстетической парадигме, постмодернистские теории демонстрируют объяснимое бессилие.

В отечественной кинотрадиции ещё в период 1920–1940-х годов в трактовке образа дома набирает силу подход, связанный с преодолением пространственной семантики, с отказом от видения дома как закрытого, ограничивающего, закрепощающего пространства. Об-

раз дома в традиции советского кино наполняется семами «общности», «общения», «понимания», «единения»; он в высшей степени антропоцентричен и предстает не как локус, а как начало общности людей, которое притягивает, согревает, исцеляет и вдохновляет. К сожалению, перечисленные нами исследования не замечают или не могут объяснить этой специфики. Мы же видим в ней продолжение традиций верховенства общего над частным, заложенных еще в архаических глубинах отечественной культуры. В этом мы солидарны с позицией М. А. Лифшица, разгляделевшего в духовном фундаменте русской самобытности «характерное признание примата народной силы над личностью, признание всей тщетности обособления и утверждения этой личности, признание тщетности гордости, всякого совершенства личного развития» [Лифшиц, 1995, с. 42]. И в советском кино можно проследить развитие этого типичного для русского фольклора, литературы и искусства «мотива духовно-душевной связи дома как особого пространства с его обитателями и их укладом жизни» [Шибаева, 2021, с. 24].

Эпоха «шестидесятников» стала лишь одним из этапов такого развития, новаторство А. Тарковского, М. Хуциева, Г. Шпаликова, В. Шукшина состоит не в праве первенства в философском анализе образа дома, но в освоении новых форм кинематографического отра-

жения указанной выше «духовно-душевной связи». Исследования новых смыслов данного образа были продолжены и в 1970–1980-е гг.: кинематографистов занимали размышления о доме как перекрестке истинных и ложных ценностей («Сладкая женщина» В. Фетина, 1976, «Поздние свидания» В. Григорьева, 1980), о непреходящей ценности дома как хранилища семейных традиций («Монолог» И. Авербаха, 1972, «Белые росы» И. Добролюбова, 1983), о человеческой трагедии утраты дома («Долги наши» Б. Яшина, 1977, «Белый снег России», 1980) и мн. др.

Отдельное место на этом непрерывном пути творческих исканий принадлежит двум режиссерам разных поколений и стилей, создавшим в эпоху «оттепели» (в период с 1954 по 1961 год), целую серию картин, в которых образ дома подвергался всестороннему философско-гуманистическому осмыслинию и утверждался как неотъемлемое условие полноценности человеческого бытия. Речь идет о трилогии И. Е. Хейфица («Большая семья» (1954), «Дело Румянцева» (1955)) и «Дорогой мой человек» (1958) и дилогии Л. А. Кулиджанова («Отчий дом» (1959) и «Когда деревья были большими» (1961)).

Больше, чем жилище: дом в трилогии Хейфица

Снятые на «Ленфильме» картины 1954–1958 гг. сразу после выхо-

да на экраны стали предметом пристального внимания критиков и теоретиков в связи с новым образом «героя своего времени» в исполнении А. Баталова, который, благодаря этим работам, «станет одним из символов “оттепели”» [Ковалов, 2013, с. 194]; этой же теме посвящено и исчерпывающее исследование В. А. Лебедева [Лебедев, 2019]. К сожалению, внимание к образу героя несколько заслонило собой всё многообразие тем, мотивов и сюжетов, к которым обращается классик «Ленфильма», в том числе особый подход к расширительному видению смысловых границ образа дома.

Роман Вс. Кочетова «Журбины», многое взявший от жанровой традиции семейной хроники, был переработан в пьесу «Семья Журбиных». Требования театрального языка заставили авторов замкнуть действие пространством родового гнезда Журбиных, которое предстает как своеобразное святилище семейных традиций и ценностей, материальное воплощение династического единства большой рабочей семьи. Фильм «Большая семья» создавался как развитие успеха театральной постановки [Лукин, 1955, с. 44]; язык кино позволил снять пространственные ограничения, но дом Журбиных остался смысловым центром картины. И. Е. Хейфиц, большой мастер деталей, отдельным кадром выделяет его адрес: «Якорная ул., 19». Дом Журбиных небогат, тесен и стар, но

в нем заключен залог семейного единства и родового бессмертия. Переезд в просторные городские квартиры «с газом и трубой» видится главе семьи как конец истории: «Рассуют по этажам, разобьют семью – вот будет тебе труба!». В этом доме хранятся и передаются фамильные драгоценности, но, что ещё важнее, духовные ценности: в нём учат чистоте отношений, уважению к коллективу и труду, презрению к «шику-блеску», в доме выковывается признание торжества общего «мы» над личным «я». Человеческая общность в «Большой семье» предстает и как абсолютная ценность, и как форма прекрасного, и как предмет философского анализа. Хейфиц увлечен идеей безграничности «общего дома», рамки журбинского «мы» включают в себя и завод, и приморский городок, и всю жизнь большой страны.

В «Деле Румянцева» стержневым является образ дороги, традиционно противопоставляемый образу дома. Однако современники сумели разглядеть в картине преемственность размышлений об идее общего «мы»: «И там и здесь речь идёт о дружной монолитной рабочей семье, где люди связаны не только родственными отношениями, но и общими интересами, верой в человека, заботой и участием» [Громов, 1956, с. 4]. Образ дома подвергается осмысливанию во второстепенном, по замыслу авторов, сюжете усыновления мальчика Саши шофером Евдокимовым. В нем

Хейфиц разделяет понятия «дом» и «жилплощадь» и, продолжая логику «Большой семьи», утверждает неразрывность понятий «дом», «семья» и «любовь» в разрезе категории «необходимость». Дом в картине предстаёт как необходимое условие полноценности человеческого бытия, такая авторская позиция вложена в уста ребенка: «Да только надо, чтобы были батя и мама, надо». Ни Евдокимов, у которого «комната хорошая, отдельная... соседи – очень хорошие люди», ни детдомовец Саша не вписываются в киностереотип «одиночных сердец», однако зрителя не покидает ощущение, что счастье обоих возможно только в стенах общего дома. В этой связи неуверенная, наспех выдуманная реплика Евдокимова «Мы с тобой родственники... ну, братя» звучит закономерно и естественно: в ней отразилась вера во всеобщее родство на началах человечности, в преодоление одиночества как осознанную необходимость. Такая идея некровной родственности всех людей легла в основу фильмов С. Бондарчука «Судьба человека», Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими», В. Мельникова «Старший сын» и стала базисом самобытности гуманистической программы советского кино.

«Дорогой мой человек» – талантливая, но наименее художественно цельная из трех рассматриваемых здесь картин И. Хейфица. Режиссер не сумел сделать невоз-

можное и вместить в рамки односерийного фильма содержание трех объемных и разных по духу романов Ю. Германа. В фильме Хейфиц исследует смысловое опустошение понятия «дом», его разрушение предательством близких людей. Врач Устименко, живущий по принципу «светя другим, сгораю сам», не связанный ни тягой к «своему» пространству, ни прочими узами понятия «родного», оказывается в тупике вынужденной «бездомности». Герой остается бездомным в «доме», лишённом тепла, единства взглядов и сродства душ, иллюзорном и опустошенном, девальвированном до ненужной «жилплощади», которую Устименко легко оставляет. Глубоко оскорблённый нравственным предательством собственного сына-обывателя, который, по горьким словам отца, «не понял, для чего человек живёт», на такую же добровольную бездомность обрекает себя старый коммунист Родион Степанов. Но советское кино «оттепели» не допускало пессимизма: предательство – преходяще, человечность – вечна, полнота бытия и духовное «возвращение домой» достигается с обретением любви, что в картине происходит в самых отдаленных от стереотипного образа дома локациях – в трамвае, в вокзальном ресторане. Таким символическим финалом режиссер ставит точку в своих размышлениях о надматериальном, надбытовом характере категории «дом», о его

смысловой тождественности гармонии, цельности и счастье человеческого бытия.

Обретение себя: дом в дилогии Кулиджанова

Несмотря на тщательные разыскания, нам не удалось обнаружить ни одной русскоязычной работы последних двух десятилетий, посвященной анализу творческого почерка или идеино-эстетической программы ранних картин Л. А. Кулиджанова. Даже в работах крупных современных киноведов ощущается некоторая поверхностность взгляда на наследие выдающегося режиссера. Так В. С. Малышев отмечает тот факт, что Кулиджанов высоко ценил шедевр Дж. Форда «Гроздья гнева» (1940), однако устремляется от выяснения причин такого отношения: «Было бы наивно, разумеется, искать некие непосредственные «влияния» или явные параллели в творчестве этих двух художников разных поколений, творивших в разных странах, в разных обстоятельствах» [Малышев, 2018, с. 12]. Мы склонны с такой позицией не согласиться, поскольку самое непосредственное влияние можно и нужно искать в единстве понимания образа дома как основы человеческого существования, осмыслинности человеческого бытия. И несчастное семейство Джоудов, и Таня из «Отчего дома», и неприкаянный Кузьма Иорданов, в поисках дома ищут не столько пристанища, сколько гармонии с собой, ценностных кор-

ней, способных напитать древо их жизни.

Вдова режиссера Н. Фокина в мемуарах утверждает, что «Отчий дом» задумывался как художественное возражение против девальвации дома в советской культуре: «В годы советской власти полагалось легко относиться к потере родных, обжитых гнёзд... Вся история становления СССР была связана с потерей «отчих домов» [Фокина, 2004, с. 140]. Такое утверждение по меньшей мере вступает в противоречие с огромным массивом произведений литературы и кино послевоенных лет, транслирующим традиционные представления о непреходящей ценности дома для советского человека. Кулиджанов в потоке истории советской культуры отнюдь не пророк, но верный ученик С. А. Герасимова и других классиков старшего поколения.

В образном строе «Отчего дома», действительно, заострены детали неустроенности деревенского быта: грязная обувь деревенских женщин, скучность обстановки, материальные трудности. Это может навести на мысль о том, что авторы картины, прикрываясь мелодраматическим сюжетом, поют песню скорби по разрушенному, преданному, брошенному миру советской деревни. Нам представляется, что такой взгляд уводит от содержательной глубины фильма, не даёт ответа на вопрос, отчего же городская девушка Таня променяла

уют московской квартиры обеспеченных приёмных родителей на неустроенный уклад колхозной жизни. В основе образа героини прослеживается линия преодоления эмоциональной неопытности, нравственной незрелости. Она никогда не задумывалась о ценности дома и попросту не знает, как реагировать на мудрую реплику деревенской ровесницы Нюры: «Ой, какая же вы всё-таки счастливая! У вас теперь и мама, и дом свой есть». Героиня впервые сталкивается с подлинной сложностью чувств и человеческих отношений: непринятая ей искренность чувств родной матери, неразделённая любовь подталкивают Таню к размышлению о вечном и преходящем, к преодолению эгоизма, началу взросления и самоопределения. Обретение Таней «отчего дома» трактуется Кулиджановым диалектически и понимается как переход к новому человеческому качеству, а сам дом предстает как необходимое для этого перехода условия.

Тем же сложным путём к себе через обретение дома идёт главный герой картины «Когда деревья были большими». Парадоксальным образом, этот слабый и безвольный человек схож с героем фильма «Дорогой мой человек». Но если доктор Устименко оказался внутренне бездомным в результате возведенной в абсолют принципиальности, то Кузьму Иорданова в этом состоянии оказался из-за привычки «плыть по течению». Задачей по-

вышенной сложности было, не прибегая к острым сюжетным поворотам, провести по-чеховски пристальное наблюдение за диалектикой души Иорданова, с огромным трудом освобождающейся от корки эгоизма и равнодушия. Решая эту задачу, Кулиджанов показал, как в образе обретенного дома герой познает и атмосферу доверия, и чувство нужности, и в итоге ощущение осмыслинности бытия. Осознав все богатство приобретенного, Иорданов ужасается пустоте своей прежней жизни «для себя» в пронзительном признании страха перед возвращением в состояние духовной бездомности: «Не могу я больше быть мерзавцем... Не могу низость свою переживать».

Во второй картине диологии на глубокую периферию киноязыка уходит вся внешняя сторона образа дома: его положение, окружение, состояние, интерьер. Вся смысловая нагрузка образа раскрывается во взаимодействии с духовным миром персонажа, обретающего вместе с домом свое подлинное «я». Впервые входя в дом Наташи, Иорданов говорит: «Так вот где ты обитаешь...». Введение этого более биологического, чем антропологического понятия неслучайно: для обессмыслинной жизни героя дом сводится к временному пространству обитания; для того, чтобы «обитание» превратилось в подлинное «существование» герою потребуется преодолеть непростой

путь к человеческой полноценности, вновь обрести радость труда и доверия окружающих.

В дилогии Кулиджанов возвращении в «котчий дом» показал окончательное утверждение человечности, подобно тому, как К. Ясперс видел в «пограничной ситуации» выход к подлинности человеческого бытия [Ясперс, 2017]. Однако если западными экзистенциалистами постулировалась предельная сложность человеческого самопознания вплоть до абсурдности человеческого бытия, порожденной вечным противоречием с окружающим миром [Камю, 1999, с. 37], то в дилогии Кулиджанова «дом» предстает абсолютно невраждебным, принимающим, гармонизирующим началом.

Заключение

Наше исследование показало, что оба режиссёра в своих картинах 1954–1961-х гг. значительно обогатили смысловое наполнение образа дома, убедительно доказали его полисемантичность, неразрывное единство с духовным миром личности и духовным обликом общества. Следуя ключевым для советской кинотрадиции представлениям о том, что кино суть – искусство и искусство гуманистическое, авторы картин стремились выйти за пределы обыденских представлений и подойти к трактовке образа дома с высоты философских обобщений. Хейфица в

большей степени интересовали категориальные основания понятия «дом»: его системообразующие черты («общность», «надматериальность», «необходимость»), относительность и бесконечный потенциал к расширению смысловых границ, диалектика личного и коллективного. В художественном мире дилогии Кулиджанова «дом» – это прежде всего экзистенциальный образ, условие обретения смысла жизни и гармонии с собственным «я».

Завершая исследование, мы хотели бы подчеркнуть его незамкнутость в границах 1950–1960-х годов. Попытка осмыслиения образа дома как всякой иной культурной универсалии – непрерывный процесс; в обозначенных нами хронологических границах он начался не вдруг, но продолжал художественные поиски предшествующих эпох. Актуальность обращения к образу дома исходя из художественных достижений предшествующих поколений остается очевидной и на современном этапе развития русской культуры. Как верно писал Алексей Герман-старший: «По старым фильмам мы безошибочно определяем себя сегодняшних. Мы видим воочию, чем мы были сильны, возвышенны, героичны, наивны, ограниченны, в чем ошибались и где были наши горные вершины» [Герман, 1979, с. 63].

Библиографический список

1. Апостолов А. И. ДиаМатрица. Эклектичный взгляд на историософию советского кинематографа 1930-х – 1940-х годов // Вестник ВГИК. 2010. № 3–4. С. 260–273.

2. Баландина Н. П. Город и дом в отечественном и французском кино 1960-х. Москва : РГГУ, 2014. 256 с.
3. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. Москва : РОССПЭН, 2004. 376 с.
4. Безенкова М. В. «Свое – чужое» в образе дома как основа самостроительства героя советского кинематографа 60-х годов // «Свое» и «чужое» в современном художественном сознании: литература и кино: Материалы XII Международной научной конференции по эстетике экранизации. Москва : ВГИК им. С. А. Герасимова, 2022. С. 13–25.
5. Герасимов С. А. Проблемы режиссуры в современном киноискусстве // Сергей Герасимов. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. Статьи, выступления, очерки. Москва : Искусство, 1984. С. 195–224.
6. Герман А. Ю. Правда – не сходство, а открытие // Искусство кино. 2001. №12. С. 63–74.
7. Громов Н. Живые приметы наших дней // Искусство кино. 1956. № 6. С. 3–13.
8. Делёз Ж. Кино. Москва : Ad Marginem, 2004. 622 с.
9. Зоркая Н. М. История отечественного кино. XX век. Москва : Белый город, 2014. 511 с.
10. Камю А. Бунтующий человек. Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. 414 с.
11. Ковалов О. А. Культура Ленинградского фильма. Краткий курс // Вестник культурологии. 2013. №4 (67). С. 193–197.
12. Лебедев В. А. Первые роли А. В. Баталова: «новый герой» советского кинематографа // Вестник СПбГИК. 2019. №2 (39). С. 170–175.
13. Лифшиц М. А. Очерки русской культуры (Из неизданного). Москва : Наследие ; Фабула, 1995. 246 с
14. Лукин Ю. Журбины... которые Ивановы и не Ивановы («Большая семья») // Искусство кино. 1955. №1. С. 43–51.
15. Малышев В. С. Влияние шедевров мирового кино на творческое мировоззрение режиссера // Вестник ВГИК. 2018. №4 (38). С. 8–24.
16. Рейзен О. К. Образ дома в кино // Вестник ВГИК. 2012. №12–13. С. 86–94.
17. Супонина С. А. Образ «хрущёвки» в советском кинематографе второй половины 1950–1960-х годов / Дни науки-2024: Сборник статей по материалам научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Калининград, 20–25 мая 2024 года. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2024. С. 51–55.
18. Фокина Н. А. Тогда деревья были большими... Лев Кулиджанов в воспоминаниях жены. Москва : У-Фактория, 2004. 344 с.
19. Шестакова И. В. Образ дома и дороги в кинотворчестве В. М. Шукшина // Известия АлтГУ. 2014. №2 (82). С. 205–208.
20. Шибаева М. М. Культурная значимость образного воплощения темы дома / М. М. Шибаева, А. Е. Мазанкина // Вестник МГУКИ. 2021. №4 (102). С. 22–30.
21. Юрьев Р. Н. Новаторство советского киноискусства. Москва : Просвещение, 1986. 192 с.
22. Ясперс К. Введение в философию. Москва : Канон+, 2017. 303 с.

23. Mallett S. Understanding Home: A Critical Review of the Literature. The Sociological Review, 2004, 52(1), p. 62–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.00442.x>.

24. Somerville P. 'The Social Construction of Home', Journal of Architectural and Planning Research, 14 (3) (Autumn, 1997): 226–245.

Reference list

1. Apostolov A. I. DiaMatrix. Jeklektichnyj vzgljad na istoriosofiju sovetskogo kinematografa 1930-h – 1940-h godov = DiaMatrix. An eclectic view of the historiosophy of Soviet cinematography in the 1930s – 1940s // Vestnik VGIK. 2010. № 3-4. S. 260–273.
2. Balandina N. P. Gorod i dom v otechestvennom i francuzskom kino 1960-h = City and home in the Russian and French cinema of the 1960s. Moskva : RGGU, 2014. 256 s.
3. Bashljar G. Izbrannoe: Pojetika prostranstva = Selected: Poetics of space. Moskva : ROSSPJeN, 2004. 376 s.
4. Bezenkova M. V. «Svoe – chuzhое» v obraze doma kak osnova samostroitel'stva geroja sovetskogo kinematografa 60-h godov = “Your own – someone else's” in the image of home as the basis of a self-made hero in Soviet cinematography of the 1960s // «Svoe» i «chuzhое» v sovremenном hudozhestvennom soznani: literatura i kino : materialy XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po jestetike jekranizacii. Moskva : VGIK im. S. A. Gerasimova, 2022. S. 13–25.
5. Gerasimov S. A. Problemy rezhissury v sovremenном kinoiskusstve = Challenges of directing in contemporary cinema // Sergej Gerasimov. Sobr. soch. v 3-h tt. T. 3. Stat'i, vystuplenija, ocherki. Moskva : Iskusstvo, 1984. S. 195–224.
6. German A. Ju. Pravda – ne shodstvo, a otkrytie = The truth is not a resemblance, but a discovery // Iskusstvo kino, 2001. №12. S. 63–74.
7. Gromov N. Zhivye primety nashih dnej = The living signs of our days // Iskusstvo kino, 1956. № 6. S. 3–13.
8. Deljoz Zh. Kino = Cinema. Moskva : Ad Marginem, 2004. 622 s.
9. Zorkaja N. M. Istorija otechestvennogo kino. XX vek = History of Russian cinema. XX century. Moskva : Belyj gorod, 2014. 511 s.
10. Kamju A. Buntujushhij chelovek = A rebellious man. Moskva : TERRA-Knizhnyj klub, 1999. 414 s.
11. Kovalov O. A. Kul'tura Leningradskogo fil'ma. Kratkij kurs = The culture of Leningrad films. A concise course // Vestnik kul'turologii. 2013. №4 (67). S. 193–197.
12. Lebedev V. A. Pervye roli A. V. Batalova: “novyj geroj” sovetskogo kinematografa = A. V. Batalov's first roles: the “new hero” of Soviet cinematography // Vestnik SPbGIK. 2019. №2 (39). S. 170–175.
13. Lifshic M. A. Ocherki russkoj kul'tury (Iz neizdannogo). = Essays on Russian culture (From the unpublished). Moskva : Nasledie ; Fabula, 1995. 246 s
14. Lukin Ju. Zhurbiny... kotorye Ivanovy i ne Ivanovy («Bol'shaja sem'ja») = The Zhurbins... who are Ivanovs and not Ivanovs (The Big Family) // Iskusstvo kino. 1955. № 1. S. 43–51.
15. Malyshev V. S. Vlijanie shedevrov mirovogo kino na tvorcheskoe mirovozzrenie rezhissera = Influence of world cinema masterpieces on the director's creative outlook // Vestnik VGIK. 2018. №4 (38). S. 8–24.
16. Rejzen O. K. Obraz doma v kino = The image of home in the cinema // Vestnik VGIK. 2012. №12-13. S. 86–94.

17. Suponina S. A. Obraz «hrushhjovki» v sovetskem kinematografe vtoroj poloviny 1950-1960-h godov = The image of “Khrushchevka” in Soviet cinematography of the second half of 1950s-1960s // Dni nauki-2024: Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, Kaliningrad, 20–25 maja 2024 goda. Kaliningrad : BFU im. I. Kanta, 2024. S. 51–55.
18. Fokina N. A. Togda derev'ja byli bol'shimi... Lev Kulidzhanov v vospominanijah zheny = The trees were big then... Lev Kulidzhanov in his wife's memoirs. Moskva : U-Faktorija, 2004. 344 s.
19. Shestakova I. V. Obraz doma i dorogi v kinotvorchestve V. M. Shukshina = The image of home and road in V. M. Shukshin's films // Izvestija AltGU. 2014. №2 (82). S. 205–208.
20. Shibaeva M. M. Kul'turnaja znachimost' obraznogo voploschenija temy doma = Cultural significance of visualizing the theme of home / M. M. Shibaeva, A. E. Mazankina // Vestnik MGUKI. 2021. №4 (102). S. 22–30.
21. Jurenев R. N. Novatorstvo sovetskogo kinoiskusstva = Innovation in Soviet cinema-tography. Moskva : Prosveshhenie, 1986. 192 s.
22. Jaspers K. Vvedenie v filosofiju = Introduction to philosophy. Moskva : Kanon+, 2017. 303 s.
23. Mallett S. Understanding Home: A Critical Review of the Literature. The Sociological Review, 2004, 52(1), p. 62–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.00442.x>.
24. Somerville P. 'The Social Construction of Home', Journal of Architectural and Planning Research, 14 (3) (Autumn, 1997): 226–245.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 21.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

Научная статья
УДК 791.43/.45
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-104
EDN XAHRNI

Греческая трагедия в кино: экранизация, адаптация, трансформация

Яна Леонидовна Забудская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва;
доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ, г. Шэньчжэнь, КНР
yanazabud@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0178-1925>

Аннотация. Цель статьи – рассмотрение рецепции греческой трагедии в интермедиальном контексте, то есть различные формы обращения к классическим трагическим сюжетам в кинематографе. Первым этапом работы было уточнение типологии: манера театральная (например, экранизации «Эдипа» Тайрона Гатри и Филипа Сэвилла), реалистическая (фильмы Цавеласа и Какоянисса), метафорическая («актуализирующая манера» – это «Эдип» и «Медея» Пазолини, «Медея» Ларса фон Триера) и «метатрагедия» (здесь список наиболее широкий, пример – «Федра» Дассена, «Прометей» Кавалеридзе, «Канибалы» Лилианы Кавани и т. п.). Сложность типологизации в том, что к гетерогенной форме адаптируется гетерогенный же материал. Концепция изучения киноадаптации как «интерсемиотического» перевода позволяет сравнить различные «манеры» представления трагедии в кино с разными типами перевода (буквального или вольного). Анализ конкретных примеров различных типов киноадаптаций показал, что путь актуализации и «осовременивания» (в костюмах, в стиле, в проблематике) оказался для кинематографического дискурса наиболее продуктивным. Рецепция античности в современном кино схожа по обращению с античным материалом в современной литературе: основным принципом можно назвать деконструкцию. При этом хронологическое распределение стратегий киноадаптации противоположно картине литературных переводческих стратегий: история переводов любого текста, как правило, начинается с максимальной адаптации к национальной традиции и приходит постепенно к буквальности и точности, то есть отражению поэтического своеобразия оригинала; в кино мы видим обратный путь – от близости к литературным источникам в «театральных» версиях к искажению сюжета практически до неузнаваемости.

Ключевые слова: интерпретация; киноадаптация; сюжет; трагедия; театр; миф; рецепция античности

Для цитирования: Забудская Я. Л. Греческая трагедия в кино: экранизация, адаптация, трансформация // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 104–118. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-104>. <https://elibrary.ru/XAHRNI>.

Original article

Greek tragedy in cinema: screen version, adaptation, transformation

Yana L. Zabudskaya

Candidate of philological sciences, associate professor, department of classical philology, Lomonosov Moscow state university, Moscow;
associate professor of the faculty of philology, MSU-BIT university, Shenzhen, PRC
yanazabud@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0178-1925>

Abstract. The paper aims to examine the reception of Greek tragedy in an intermedial context, i.e. different forms of reference to classical tragic plots in cinematography. The first stage of the work involves clarifying the typology: theatrical manner (e.g. Tyrone Guthrie's and Philip Saville's screen versions of Oedipus), realistic manner (films by Tsavelas and Kakoyannis), metaphorical manner ("actualizing manner" – Pasolini's Oedipus and Medea, Lars von Trier's Medea) and "metatragedy" (with a much longer list, for example, Dassin's Phaedra, Kavaleridze's Prometheus, "Liliana Cavani's Cannibals, etc.). Typologization is complicated because heterogeneous material is adapted to the heterogeneous form. The film adaptation is viewed as an "intersemiotic" translation, which helps to compare different "manners" of presenting tragedy in cinema with different types of translation (literal or free translation). The analysis of particular types of film adaptations shows that the way of actualizing and "modernizing" (whether in costumes, style, or problems) proves to be the most productive for cinematic discourse. The reception of antiquity in modern cinema is similar to the approach of modern literature to antique material: the main principle is deconstruction. At the same time, the chronological distribution of film adaptation strategies is opposite to literary translation strategies: the history of any text's translation usually starts with maximum adaptation to the national tradition, coming gradually to a literally accurate one, i.e. to reflecting the poetic uniqueness of the original. In cinema, it is the other way around – from being close to literary sources in the "theatrical" versions to changing the plot almost beyond recognition.

Key words: interpretation; film adaptation; plot; tragedy; theater; myth; prescription of antiquity

For citation: Zabudskaya Ya. L. Greek tragedy in cinema: screen version, adaptation, transformation. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 104–118. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-104>. <https://elibrary.ru/XAHRNI>.

Введение

На разных этапах истории европейской культуры то один, то другой эпизод античной мифологии

обретает вдруг востребованность и множество интерпретаций. Особым образом все это отразилось в начале XX в. в новом жанре, предоста-

вившем новую жизнь античным сюжетам, – кино. Соединение оказалось взаимовыгодным: благодаря кино античные сюжеты нашли путь к широкой публике, незнакомой с греческой и римской литературой; кино в свою очередь благодаря античным сюжетам обретало культурную значимость.

Немое кино редко обращалось к древнегреческой трагедии, так как в нем предпочтительны были мелодрама и благополучный финал (например, в «Спартаке» Джованни Видали 1913 года действие останавливается на благополучном воссоединении героя с возлюбленной). Однако такой узнаваемый сюжет, как судьба Эдипа, несмотря на всю его трагичность не был недооценен и немым кинематографом – между 1908 и 1913 годом было создано сразу несколько киноверсий «Царя Эдипа»: в Италии (1910), в Нидерландах (1912), в Англии (1912 и 1913) и во Франции (1908 и 1912). Больше всего информации сохранилось о последнем фильме из перечисленных – французском фильме «Легенда об Эдипе» 1912 г. [Michelakis, 2013]. В отличие от остальных фильмов он не воспроизводит название трагедии Софокла, зато воспроизводит текст: исполнитель заглавной роли Жан Моне-Сюлли, игравший Эдипа и в театре, отказался сократить монологи и произносил их, хотя для зрителей немого кино его игра сводилась лишь к жестикуляции [Michelakis, 2013, p. 25]. Такой нарочи-

то «театральный» путь экранизации античного сюжета на данном этапе оказался тупиковым – отсутствие звука потребовало от нового вида искусства иных выразительных средств. Впрочем, в «Легенде об Эдипе» визуализация сюжета тоже играет немалую роль: сохранившиеся кадры свидетельствуют, что в этом фильме (как и в гораздо более позднем фильме Пазолини, заметим) софокловская версия сюжета предварялась изображением более ранних событий. Это неудивительно, так как в этой истории эпизод со Сфинксом наиболее привлекателен с точки зрения зрелищности – именно он презентировал историю Эдипа в живописи XIX в. (о взаимовлиянии литературной и живописной рецепции античности см. [Richards, 2008]) и нашел отражение в кино. И напротив, эпизод с гибелью Иокасты, в трагедии Софокла, переданный в рассказе вестника и восстановленный в фильме, стал примером «антизрелищности» и был подвергнут цензуре [Michelakis, 2013, p. 24].

Итак, благодаря кино античность из элитарного знания превращается в элемент массовой культуры и становится определяющим фактором жанра пеплум. Показательно, что в киноверсиях античных сюжетов мы очень редко встречаемся с экранизациями. Например, в качестве примера можно привести «Одиссею» Франко Росси (1968 г.) и Андрея Кончаловского (1997 г.), «Антигону»

Йоргоса Цавелласа, «Электру», «Троянок» и «Ифигению» Михалиса Какоянниса, «Эдипа» Тайрона Гатри (1957 г.) и Филипа Сэвилла (1967 г.). Заметно, что пеплум тяготеет к сюжетам эпическим, при этом жесткие жанровые рамки «массового» пеплума (красота костюмов и полуобнаженных тел, мелодраматичность и счастливый конец – а значит, вольное обращение даже с известным сюжетом) практически исключают обращение к трагедии, а вот интеллектуальное кино («высокий» пеплум) из всех античных сюжетов предпочитает прежде всего трагические – это «Эдип» (1967 г.) и «Медея» (1969) Пазолини, «Медея» Ларса фон Триера (1988), «трилогия» М. Какоянниса (1962–1977) и «Электра, любовь моя» Миклоша Янчо (1974), различные версии «Антигоны» и т. д. Предполагается, что препятствием для режиссеров является именно культурная значимость трагедии [Boschi, 2005, p. 19].

Методы работы и проблемы методологии

Основные методы работы определяются спецификой исследуемого материала: соединение описательного и сравнительно-типологического метода исследования.

В зарубежном антиковедении рецепция в кино – самостоятельный раздел: существуют книги и сборники как по теме в целом [Classical Myth and Culture in the Cinema,

2001; Solomon, 2001; Dumont, 2009; Richards, 2008 Aziza, 2016; A Companion to Ancient Greece and Rome on Screen, 2017], так и по отдельным аспектам – территориальным (Греция/ Рим) [Wyke, 1997; Cyrino, 2005; Nisbet, 2006; Fusillo, 2007; Hellas on Screen, 2008], жанровым (эпос/ трагедия) [MacKinnon, 1986; Homer, 2001; Michelakis 2013] и гендерным [Medea in Performance; 2000, Ancient Greek Women in Film, 2013], не говоря уже о статьях в журналах. В отечественных исследованиях объем работ на данную тему значительно меньше; нельзя не отметить работы Т. Ф. Теперик, Е. А. Чиглинцева и Э. Д. Фролова [Фролов 2002; Чиглинцев, 2009; Теперик, 2019; Теперик, 2020; Теперик, 2021; Теперик, 2022]. Заметим, что методология такого рода в исследованиях только формируется (1).

В работе проводится обобщение существующих подходов к проблеме изучения античного материала в кинематографе, предлагаются уточнения к существующей типологии и анализируется специфика адаптации античного материала к кинематографическому дискурсу в интермедиальном аспекте, проводится параллель между принципами киноадаптации и литературного перевода.

Типология киноадаптаций греческой трагедии

Одним из неизбежных аспектов в изучении киноверсий трагических сюжетов является их типология.

Кеннет МакКиннон заимствует ее из шекспироведения [Hardwick, 2003, p. 73], но к трем «шекспировским» типам 1) театральный (theatrical mode, пример – «Эдип» Гатри), 2) реалистический (realistic mode – фильмы Какоянниса), 3) filmic mode («Федра» Дассена) он добавляет еще 4) «метатрагедию» (пример – «Сон страсти» того же Дассена, основанный на сюжете «Медеи», а также «Эдип» Пазолини). При кажущейся очевидности эта классификация вызывает вопросы: *filmic* – это «кинематографический», так что можно понять, почему в этом качестве отказано воспроизводящему специфику античного театра «Эдипу» Тайрона Гатри, но почему эту характеристику нельзя отнести к фильмам Какоянниса? И почему не относится к «реалистичной» манере «Федра», адаптированная Дассеном к современным реалиям? Поэтому с опорой на предложенный вариант мы предлагаем свою версию типологии, частично совпадающую с версией МакКиннона.

Первая манера – **театральная** – это ранний этап освоения кинематографом трагических сюжетов. К ней можно причислить тесно связанного с театральной постановкой «Прометея Прикованного» 1927 года (спектакль был поставлен на первом дельфийском фестивале, организованном Ангелосом Сикелианосом, его женой Евой Палмер, а затем спектакль был превращен в фильм). Следующий этап – это

«Эдип» Тайрона Гатри (1957 г.), экспериментальность которого заключается в скрупулезном следовании специфике античных постановок – в костюмах и масках актеров, в особенностях нарочито искусственной игры и условности места действия. Видимо, эта постановка – своего рода ответ на расцвет «массового» пеплума, отдававшего предпочтение римским сюжетам, как в голливудском [Bakogianni, 2008, p. 125], так и в итальянском изводе. Иначе выражена «театральность» в фильме Филипа Сэвилла (1967 г.), тоже по-своему экспериментальном: текст Софокла сочетается со стилистикой пеплума, а действие разворачивается на руинах античного театра, что создает эффект реальности и одновременно нереальности происходящего. Этот прием – античный театр как место действия (в данном случае – театр в Сегесте) – был использован потом в постановке «Антигоны» Софокла (перевод Гёльдерлина, доработанный Брехтом) 1992 г. французских режиссеров Жана-Мари Штрауба и Даниэль Юйэ.

Однако попытки буквального следования духу и букве в фильмах Гатри и Сэвилла не имели успеха ни у зрителей, ни у критиков. Гораздо больший успех имела **реалистическая** (и тем самым удаленная от античной театральной стилистики) манера Михалиса Какоянниса; на год раньше его «Электры» (1962) Йоргос Цавелас в похожей

стилистике ставит «Антигону». В похожей, но не одинаковой, – «Антигона» Цавелласа более театральна [Bakogianni, 2008, р. 127], а в «Электре» Какоянниса активно и успешно используются специфические кинематографические средства выразительности. Возобновление в 1954 году в Греции постановок античной трагедии несомненно сыграло свою роль, однако, хотя и Цавеллас, и Какояннис были режиссерами театральными [Bakogianni, 2008, р. 126], фактором, объединяющим их фильмы, является реализм изображения – определяющий критерий для выделения этой группы. Впрочем, и реализм может быть различным – в данном случае мы видим его античную вариацию: отказ от участия в действии богов, «растворение» хора, естественность актерской игры. Манеру обоих режиссеров отличает:

- камерность и некоторая условность пространства (особенно отчетливо это проступает у Какоянниса: Цавелас для начальных кадров воссоздает в Фивах микенскую архитектуру наподобие Львиных ворот, в то время как настоящие Львийские ворота у Какоянниса практически незаметны);
- «реалистичность» проблематики – новогреческий исторический контекст [Bakogianni, 2008];
- в обоих фильмах в заглавных ролях – греческая актриса Ирен Папас.

Несмотря на сходство, восприятие фильмов традиционно отлича-

ется: «Антигону» Цавелласа считают неудачной, а «Электра» Какоянниса получила признание аудитории, в том числе и артхаусной.

Мужские персонажи «Антигоны» воспринимаются как ходульные, несмотря на то, что (или потому что?) они – символ послевоенной политической ситуации, которую критикует в фильме режиссер и при этом слишком напоминают «пеплумных» императоров [Bakogianni, 2008]. Это сходство подчеркивается финальным уходом пережившего полный крах Креонта в темноту, контрастирующим с традиционным голливудским киноприемом – уходом в даль. Влияние пеплума очевидно и в усилении любовной линии, едва намеченной Софоклом [Bakogianni, 2008]. Какояннис в свою очередь создает своего рода «антипеплум», противопоставляя собственную интерпретацию античности процветающим в то время пеплумам и голливудского, и итальянского образца. Пустынный пейзаж лишен красочности, кадры графичны и полны контрастов – особенно ярко это проявляется в диалоге Электры и Клитемnestры. Не менее важна и проблематика: Электра Какоянниса – это «Электра» Еврипида с софокловской модальностью, сочетание подчеркнутого бытовизма с реализацией высшего божественного возмездия, только без обязательного для Еврипида финального появления богов. Эта неоднозначность приносит успех, и «Троянок»

(1971) Какояннис снимает с вполне голливудским задором, пригласив на главные роли Кетрин Хепберн и Ванессу Редгрейв, а Ирен Папас неожиданно получает роль Елены. В «Ифигении» (1977 г.) голливудский задор пропадает, а Папас на этот раз достается роль Клитемнестры. Три фильма Какоянниса принято называть трилогией (2), но поскольку, трагедии Еврипида были поставлены Какояннисом не в хронологической последовательности, более верной была бы формулировка «обратная трилогия». Это сохранение, хотя и в искаженном виде, древнего принципа трагической трилогии Великих Дионисий, весьма показательно: так же Какояннис обращается и с визуальным рядом, минимизируя все детали и создавая «вневременную» Грецию [Michelakis, 2001]. В классической трагедии V в., заметим, универсализм создавался смешением, скопее, неосознанным, реалий микенской и классической Греции.

Третью манеру можно назвать **авторской** (так как это именно авторское кино, где имя режиссера определяет фильм не меньше, чем сюжет и имя автора источника), универсализирующей или же **метафорической** (так как античность здесь – прежде всего метафора, а место действия гораздо более условное, чем в манере реалистической). Это «Эдип» (1967 г.) и «Медея» (1969) Пьера Паоло Пазолини, «Орест» Василиса Фотопулоса (1969), «Электра, любовь моя»

(1974) Миклоша Янчо, «Медея» (1988) Ларса фон Триера. При всех различиях в подходах режиссеров к античному сюжету, во всех этих интерпретациях видно сходство: мир, в котором разворачивается сюжет античной драмы (а он, несмотря на все дополнения и отступления от мифологического канона, все же сохраняется), по своим художественным характеристикам отличается от современности и даже противопоставляется ей. Даже даты выхода этих фильмов говорят сами за себя: *во-первых*, заметно, что новый всплеск любви к античным сюжетам вызван обновлением технической базы, а как следствие, и киноязыка; *во-вторых*, очевидно, что интерес авторского, серьезного кино последовал за расцветом пеплума и представлял собой попытку вернуть античность из области массовой культуры в более привычную для европейской традиции область культуры элитарной.

«Эдип» и «Медея» Пазолини обычно ставятся в один ряд, но надо сказать, что характеристики художественного мира в них отличаются. «Эдип» начинается и заканчивается как фильм о современных событиях, и эта рамка, дополняющая «античные» марокканские пейзажи, создает ощущение реализма. В самом начале «Медеи» кентавр с его длинным монологом указывает на нереальность (рабочее название фильма – “*Visioni della Medea*”, то есть «Видения Медеи») и даже своего рода сакральность

мира, размещенного Пазолини в пейзажах Каппадокии, а его новое появление (в раздвоенном виде и в антураже пизанской Площади Чудес) эту нереальность подчеркивает. «Рамочность» композиции видна и в режиссерском решении в отношении сюжета драм: в обоих случаях мы видим сюжет (и частично текст) древнегреческой драмы, дополненный реконструкцией мифа. Впрочем, миф видоизменяется, пусть в отдельных, но существенных деталях: Медея участвует в человеческих жертвоприношениях еще до появления аргонавтов в условной Колхиде, а Эдип разговаривает с Тиресием до эпизода со Сфинксом (и победа над Сфинксом изображена совсем не так, как об этом рассказывает миф – Франко Читти, актер «с простым лицом», не может изображать героя, побеждающего чудовище мудростью). Антураж обоих фильмов – условно-исторический: Эдип носит шляпу, позаимствованную с греческих ваз классического периода, но наряду с ней мы видим и ассирийские накладные бороды, и загадочные мечи с прорезью посередине и очевидно затупленным концом. Античность Пазолини неклассична, это – дикий, «варварский» [Fusillo, 2007] мир: архаику микенских времен он передает через экзотические пейзажи Каппадокии и Марокко, а несостоявшаяся «Орестея» (нашедшая воплощение в документальном фильме “Appunti per un’Orestiade africana”) должна была разворачиваться в Африке. Через смешение реалий Пазолини передает универсальность греческого мифа, преломляя ее через призму фрейдизма [Carlà, 2008].

Еще большая условность отличает художественный мир последующих «метафорических» интерпретаций трагических сюжетов. Своего рода «парой» к «Медеи» оказывается «Орест» Фотопулоса (художника оскароносного «Грека Зорбы»). Эти фильмы вышли в один тот же год (1969), и образность в них на удивление схожа: это и идея «видений» главных героев, и добавленный в повествование ритуал человеческого жертвоприношения, и сходство каменных построек-декораций, и «краный» монтаж. Как и Пазолини, Фотопулос реконструирует и дополняет античный сюжет, выстраивая повествование от появления Клитемnestры у могилы Агамемнона до гибели Ореста. Нужно заметить, что из-за названия фильм часто считают вольной экранизацией «Ореста» Еврипида [Valverde, 2017, p. 88] – и напрасно: в первой половине мы видим гораздо больше сюжетного сходства с софокловской «Электрой», а вольная интерпретация мифа во второй половине фильма напоминает трактовку Еврипида только мучениями главного героя и его неумением договориться с народом, ради которого он пошел на матеребийство. Впрочем, мотивация главного героя взята скорее из современности, точнее, как считается, из идеологии хиппи [Valverde,

2017]: два красавца, античный курс Орест и нордический Пилад (пара, позаимствованная из «Сатирикона» Феллини, где исполнитель роли Ореста Хирам Келлер играл Аскилта), провозглашают всеобщее равенство и мир во всем мире, – но при этом Пилад убивает не умеющего смириться с действительностью Ореста.

Политическая интерпретация выходит на первый план и в фильме венгерского режиссера Миклоша Янчо «Электра, любовь моя». Здесь, как и в «Оресте» Фотопулоса, вневременные костюмы и пейзажи сочетаются с кадрами с современным оружием или техникой, а античный сюжет – с идеологией хиппи, не принимаемой, впрочем, большинством, окружающим героев. Как и у Фотопулоса, очевидна опосредованность в кинорецепции известного трагического сюжета: сюжет фильма Янчо основан на пьесе Ласло Дьюрко, а не на античной трагедии. Даже в «Медее», далекой, казалось бы, от политики, у Ларса фон Триера появляется политический аспект (проблемы преемственности власти). Таким образом, при всей яркости и индивидуальности художественных трактовок, эти фильмы обладают целым набором схожих черт: условность времени и пространства (это не современность, но и отсылок к классическим или микенским реалиям немногого), изменение некоторых сюжетных ходов, политизация сюжета. Заметим, что хотя в самой греческой

tragедии политический аспект был важен [Wohl, 2015], ее европейские интерпретации воспринимали трагические сюжеты скорее как вневременные [Carlà, 2008]. Отдельные моменты политизации все же имели место, например, в отношении «Царя Эдипа» у Корнеля, Вольтера и Шелли [Забудская, 2017], но в кино XX в. основным источником сюжетов «политических» был Рим, начиная с итальянского «национального» немого кино 10-х гг., продолжая «Спартаком» Кубрика и другими фильмами-пеплумами 60-х г. и заканчивая «Гладиатором» Ридли Скотта [Aziza, 2016].

Если вернуться к нашей типологии, эксплицитно фрейдистская интерпретация сюжета и перенос части действия в современность в «Эдипе» Пазолини действительно позволяют рассмотреть его как относящегося к следующему подтипу **метатрагедии**, как это делает МакКиннон. Однако тут уже проблема в нюансах характеристик каждого из подтипов. Если называть «метатрагедией» любой элемент современности в античном сюжете – все верно. Но если опи- сать «метатрагедию» более строго, как существенное видоизменение трагического сюжета в современных реалиях, при котором действие разворачивается в современном мире, а сюжетные ходы и персоны могут преображаться, тогда различие этих двух групп очевидно. Основной фактор для выделения

«метатрагедии» – подчеркнутое на всех уровнях (действия, персонажей, проблематики) осовременивание сюжета. В «Эдипе» Пазолини, однако, современный контекст в начале и конце киноповествования лишь обрамляет античный сюжет, подчеркивая метафоричность, но не относя действие целиком к современности, а, напротив, подчеркивая его «вневременной» характер.

Нужно признать, что метатрагедия дает нам самый большой список примеров: и по объему, и по хронологии, и по количеству привлеченных сюжетов. Начало этому списку положил «Прометей» Ивана Кавалеридзе 1936 года: сюжет о борьбе с царским режимом эксплицитно связан с античностью лишь названием и местом действия – Кавказ, а Прометей воплощает собой коммунистическую идеологию. Идеей социальной борьбы и страдания объединяются и последующие вольные трактовки того же сюжета: «Иллюзорная страсть» Грегори Маркопулоса (1964–1967), «Прометей во втором лице» (1975) и в особенности «фильм-поэма» «Прометей» Тони Харрисона 1998 г. Заметим, что образное визуальное решение сближает эти фильмы еще и с театральной манерой киноадаптации. Эдип становился героем современных событий вслед за версией Пазолини в японском фильме «Похоронная процесия роз» Тосио Мацумото (1969) и в «Эдипе Алькальде» («Эдип-мэр»), снятом в 1996 году по сценарию Га-

бриэля Гарсия Маркеса. Сюжеты «Федры» (1962) и «Медеи» (1978) переосмысливаются и осовремениваются в фильмах Жюля Дассена с Мелиной Меркури в главных ролях:

– «Федре» мы видим действие, разворачивающееся в наши дни *mutatis mutandis* (что превращает трагедию Еврипида в голливудскую мелодраму);

– «Медея» не в первый и не в последний раз для адаптации античного материала привлекается театральная образность (3) – героя Меркури играет Медею в театре и для достижения большей достоверности общается с женщиной, повторившей судьбу Медеи в наши дни.

Конечно, невозможно было обойтись без истории Атридов – не без труда, но сюжет все же пропускает в «Туманных звездах Большой Медведицы» (*Vaghe stelle dell'Orsa*) Лукино Висконти (1965), «Комедиантах» (*Ο Θίασος*) Тео Ангелопулоса (1975), в «Мой сын, мой сын, что ты наделал» Херцога (2009), и очевиден во «Вмешательстве» (*Interruption*) Зоиса (2015). В греческом кинематографе, помимо традиционных сюжетов, появляются и более экзотические: сюжет «Алкесты» Еврипида в фильме «Аид» (*Hades*) Харлампопулоса (1996) и сюжет «Аякса» Софокла в «Заложнике» Йаннариса (2005); в обоих случаях мы видим подчеркнутую политическую повестку, осуждение тиранических режимов и ксенофобии (4). Востребованным оказы-ва-

ется и сюжет «Антигоны» – в преображенном виде он появляется в «Каннибалах» (1970) Лилианы Кавани, в эпизоде «Германия осенью» Шлендорфа (1978) и в «Свинцовых временах» (Die bleierne Zeit/ Mari-anne and Juliane) Маргарете фон Тротта (1981). И если в «Каннибалах» запрет на погребение объясняется социальным протестом молодежи, то у Шлендорфа и фон Тротта появляется мотив терроризма, который в литературную версию «Антигоны» («Домашний огонь» Камилы Шамси) придет намного позже, в 2017.

Заключение

Итак, киноадаптация античного материала по определению предполагает сильное преобразование источника. И объяснение этому – не обязательно обращение к массовому зрителю: в артхаусных фильмах искажений античных сюжетов не меньше; развлекательность и актуальность проблематики – это две основы искусства кино, в данном случае оказывают действие единонаправленное, и мы видим вполне ожидаемые изменения сюжетов трагедий практически во всех вариантах киноадаптаций. При этом, с одной стороны, обращение авторов фильмов с сюжетом можно назвать реконструкцией: дополнение античной драматической версии элементами мифа, не изображенными античным драматургом, но востребованными современными кинематографистами. С другой стороны, для метатрагедии, а местами и для метафорической ма-

неры, не менее важно явление деконструкции – нарочитое искажение мотивов и поступков героев, опять же актуализирующее сюжет. Можно сказать, что деконструкция – это основной принцип рецепции античности в современном кино, как и в современной литературе (в литературе мы видим стирание жанровых рамок («перевод» трагических сюжетов в повествовательный жанр), повествование от первого лица в стиле беллетризованного дневника, эксплицитный феминизм (несмотря на всю его анахроничность), а также другие способы осовременивания проблематики).

Если считать киноадаптацию «интерсемиотическим» переводом, то охарактеризованные выше различные «манеры» представления трагедии в кино – это как разные типы перевода, буквального или вольного [Stathi, 2015, p. 322]. Интересно, что хронологическое распределение стратегий киноадаптации противоположно картине литературных переводческих стратегий: история переводов любого текста, как правило, начинается с адаптации к национальной традиции, затем приобретает черты конкретности и точности, то есть отражению поэтического своеобразия оригинала. В кино мы видим обратный путь: от максимальной близости к источнику в «театральных» версиях Гатри и Сэвилла, до искажающих сюжет практически до неузнаваемости интерпретаций в современном кино.

В истории кинематографа ушло несколько десятилетий на осознание

того же, на что европейской литературе понадобилось несколько столетий: античность ценна не как цель (а ведь практически в каждой европейской культуре – английской, французской, немецкой мы можем найти рассуждения о том, что именно она ближе всего к истинной античности), а как средство познания со-

временности. Главная ценность рецепции античного наследия в современной культуре – это не знакомство с сюжетом как таковым (хотя мы можем вернуться и к этому), а игра с сюжетом, наполнение античных сюжетов современным звучанием, актуальными темами, то есть ценность эвристическая.

Примечания

1. Особенno интересно наблюдать, как зачастую каждый превращает в концепцию собственные ощущения и предпочтения. В разговоре о кино вопрос нравится/не нравится, не стоящий для филологов применительно к изучаемым литературным текстам, остается если не решающим, то существенным фактором.

2. Это название уже устоялось (см. например, [López, 2007., р. 511-529], однако некоторые исследователи оспаривают сложившуюся традицию, например, [Mitschelakis, 2013, р. 42-42; Karalis. 2013, р. 182]. Нужно заметить, что отказ от идеи триптиха нивелирует художественный эффект, который создается благодаря участию Ирен Папас во всех трех фильмах.

3. См., например, «Комедианты» Ангелопулоса, фильм «Прометей во втором лице» (*Prometheus in the Second Person*) (1975) и фильм «Вмешательство» 2015 г.

4. [Kyriakos, 2018, р. 211]. В греческом кинематографе фильмов, основанных так или иначе на античной мифологии в целом и на трагедии в частности, гораздо больше, чем перечислено выше – это можно объяснить, помимо общей национальной причастности, и традицией регулярных театральных фестивалей, где трагедия трактуется как в классическом, так и постмодернистском ключе. Полный список работ греческих кинематографистов, основанных так или иначе на античной мифологии, см. [Kyriakos, 2018, р. 224].

Библиографический список

1. Забудская Я. Л. Политический аспект в рецепции мифа об Эдипе // Шаги = Steps. 2017. Том 3. № 4. С. 93–106.
2. Теперик Т. Ф. Рецепция античности в кинематографе: три версии о 300 спартанцах // Acta eruditorum. 2019. Т. 29, С. 56–61.
3. Теперик Т. Ф. Поэтика рецепции античности: Одиссей в кинематографе // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2020. № 6. С. 33–43.
4. Теперик Т. Ф. Рецепция мифа и рецепция образа: кинематограф // Orientalia et classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. IX, том 6. № LXXXVII. 2022. С. 359–368.
5. Фролов Э. Д. Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта «Гладиатор» // Мнемон. Вып. 1. 2002. С. 385–390.
6. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре XX – XXI вв. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2009. 290 с.
7. A Companion to Ancient Greece and Rome on Screen. Chichester: Wiley-Blackwell, 2017. 568 р.

8. Ancient Greek Women in Film. Oxford : Oxford University Press, 2013. 376 p.
9. Aziza C. Guide de l'Antiquité imaginaire. Roman, cinéma, bande dessinée. Nouvelle édition. Paris: Les Belles Lettres, 2016. 368 p.
10. Bakogianni A. All is well that ends tragically: filming Greek tragedy in modern Greece // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 51. 2008. P. 119–167.
11. Boschi A. Con il peplo o con la clava. Modelli di rappresentazione dell'antica Grecia nella storia del cinema // Cavallini, E. (ed.). I Greci al Cinema. Dal peplum d'autore' alla grafica computerizzata. Bologna : D. U. Press, 2005. P. 15–26.
12. Carlà F. Pasolini, Aristotle and Freud: Filmed Drama between Psychoanalysis and “Neoclassicism” // Hellas on Screen. Cinematic Receptions of Ancient History, Literature and Myth. Stuttgart : Franz Steiner Verlag. 2008. P. 89–116.
13. Classical Myth and Culture in the Cinema. Oxford : Oxford University Press. 2001. 350 p.
14. Cyrino M. S. Big Screen Rome. Chichester : Wiley-Blackwell, 2005. 292 p.
15. Dumont H. L'Antiquité au Cinéma: vérités, légendes et manipulations. Paris : Nouveau Monde. 2009. 688 p.
16. Fusillo M. La Grecia secondo Pasolini. Mito e cinema. Roma : Carocci, 2007. 246 p.
17. Hardwick, L. Reception Studies. Greece and Rome: New Surveys in the Classics (33). Oxford, U. K. : Oxford University Press. 2003. 128 p.
18. Hellas on Screen. Cinematic receptions of Ancient History, Literature and Myth. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2008. 266 p.
19. Karalis V. A History of Greek Cinema. London: Bloomsbury Academic. 2013. 344 p.
20. Kyriakos K. Between two Centuries – Contemporary Greek Cinema and the Readings of Ancient Greek Tragedy // Logeion. A Journal of Ancient Theatre, 8. 2018. P. 211–248.
21. López J. A. La trilogía eurípidea de M. Cacoyannis // ΣΤΙΣ ΑΜΜΟΥΔΙΕΣ ΤΟΥ ΟΜΗΡΟΥ: homenaje a la profesora Olga Omatas. Vitoria : Universidad del País Vasco. 2007. P. 511–529.
22. MacKinnon K. Greek Tragedy Into Film. Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press. 1986. 198 p.
23. Medea in Performance 1500-2000, Oxford : Legenda. 2000. 304 p.
24. Michelakis P. Greek Tragedy on Screen. Oxford, U. K. : Oxford University Press. 2013. 280 p.
25. Michelakis P. The Past as a Foreign Country? Greek Tragedy, Cinema and the Politics of Space // Homer, Tragedy and beyond. Essays in Honour of P. E. Easterling, London: Society for the Promotion of Hellenic Studies. 2001. P. 241–257.
26. Nisbet G. Ancient Greece in Film and Popular Culture, Bristol : Phoenix Press. 2006. 170 p.
27. Richards J. Hollywood's Ancient Worlds. London : Bloomsbury Academic, 2008. 240 p.
28. Solomon J. The Ancient World in the Cinema (revised and expanded edition). New Haven, London: Yale University Press, 2001. 384 p.

29. Stathi I. Inter-semiotic Translation and Transfer Theory in Cinematic/Audiovisual Adaptations of Greek Drama // International Handbook of Semiotics. Dordrecht: Springer. 2015. P. 321–338.
30. Valverde G. A. Orestes de Vassilis Fotópolos: la deconstrucción filmica de un mito en clave pacifista // Dionysus ex machina. Rivista di studi sul teatro antico 8, 2017. P. 86–103.
31. Wohl V. Euripides and the Politics of Form. Princeton : Princeton University Press. 2015. 224 p.
32. Wyke M. Projecting the Past: Ancient Rome, Cinema and History (New Ancient World). London : Routledge, 1997. 237 p.

Reference list

1. Zabudskaja Ja. L. Politicheskij aspekt v recepcii mifa ob Jedipe = A political aspect in the reception of the Oedipus myth // Shagi = Steps, T. 3, № 4. 2017. S. 93–106.
2. Teperik T. F. Recepçija antichnosti v kinematografie: tri versii o 300 spartancah = Reception of antiquity in cinema: three versions of 300 Spartans // Acta eruditorum. T. 29, 2019. S. 56–61.
3. Teperik T. F. Pojetika recepcii antichnosti: Odissej v kinematografie = The poetics of antiquity reception: Odysseus in cinematography // Kafedra vizantij-skoj i novogrecheskoj filologii. № 6. 2020. S. 33–43.
4. Teperik T. F. Recepçija mifa i recepcija obraza: kinematograf = Reception of myth and reception of image: cinema // Orientalia et classica: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti. Vyp. IX, tom 6. № LIXXXVII. 2022. S. 359–368.
5. Frolov Je. D. Novyj opyt istoriko-hudozhestvennoj interpretacii antichnosti: fil'm Ridli Skotta «Gladiator» = A new experience in the historical and artistic interpretation of antiquity: Ridley Scott's film “Gladiator” // Mnemon. Vyp. 1. 2002. S. 385–390.
6. Chiglincev E. A. Recepçija antichnosti v kul'ture XX–XXI vv. = Reception of Antiquity in the Culture of the 20th–21st Centuries. Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2009. 290 s.
7. A Companion to Ancient Greece and Rome on Screen. Chichester : Wiley-Blackwell, 2017. 568 p.
8. Ancient Greek Women in Film. Oxford : Oxford University Press, 2013. 376 p.
9. Aziza C. Guide de l'Antiquité imaginaire. Roman, cinéma, bande dessinée. Nouvelle édition. Paris : Les Belles Lettres, 2016. 368 p.
10. Bakogianni A. All is well that ends tragically: filming Greek tragedy in modern Greece // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 51. 2008. P. 119–167.
11. Boschi A. Con il peplo o con la clava. Modelli di rappresentazione dell'antica Grecia nella storia del cinema // Cavallini, E. (ed.). I Greci al Cinema. Dal peplum d'autore' alla grafica computerizzata. Bologna : D. U. Press, 2005. P. 15–26.
12. Carlà F. Pasolini, Aristotle and Freud: Filmed Drama between Psychoanalysis and “Neoclassicism” // Hellas on Screen. Cinematic Receptions of Ancient History, Literature and Myth. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 2008. P. 89–116.
13. Classical Myth and Culture in the Cinema. Oxford : Oxford University Press. 2001. 350 p.
14. Cyrino M. S. Big Screen Rome. Chichester: Wiley-Blackwell, 2005. 292 p.
15. Dumont H. L'Antiquité au Cinéma: vérités, légendes et manipulations. Paris : Nouveau Monde, 2009. 688 p.
16. Fusillo M. La Grecia secondo Pasolini. Mito e cinema. Roma : Carocci, 2007.

246 p.

17. Hardwick, L. Reception Studies. Greece and Rome : New Surveys in the Classics (33). Oxford, U. K. : Oxford University Press. 2003. 128 p.
18. Hellas on Screen. Cinematic receptions of Ancient History, Literature and Myth. Stuttgart : Franz Steiner Verlag. 2008. 266 p.
19. Karalis V. A History of Greek Cinema. London : Bloomsbury Academic. 2013. 344 p.
20. Kyriakos K. Between two Centuries – Contemporary Greek Cinema and the Readings of Ancient Greek Tragedy // Logeion. A Journal of Ancient Theatre, 8. 2018. P. 211–248.
21. López J. A. La trilogía eurípidea de M. Cacoyannis // ΣΤΙΣ ΑΜΜΟΥΔΙΕΣ ΤΟΥ ΟΜΗΡΟΥ: homenaje a la profesora Olga Omatas. Vitoria : Universidad del País Vasco. 2007. P. 511–529.
22. MacKinnon K. Greek Tragedy Into Film. Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press. 1986. 198 p.
23. Medea in Performance 1500-2000, Oxford : Legenda. 2000. 304 p.
24. Michelakis P. Greek Tragedy on Screen. Oxford, U. K. : Oxford University Press. 2013. 280 p.
25. Michelakis P. The Past as a Foreign Country? Greek Tragedy, Cinema and the Politics of Space // Homer, Tragedy and beyond. Essays in Honour of P. E. Easterling, London : Society for the Promotion of Hellenic Studies. 2001. P. 241–257.
26. Nisbet G. Ancient Greece in Film and Popular Culture, Bristol : Phoenix Press. 2006. 170 p.
27. Richards J. Hollywood's Ancient Worlds. London : Bloomsbury Academic, 2008. 240 p.
28. Solomon J. The Ancient World in the Cinema (revised and expanded edition). New Haven, London : Yale University Press, 2001. 384 p.
29. Stathi I. Inter-semiotic Translation and Transfer Theory in Cinematic/Audiovisual Adaptations of Greek Drama // International Handbook of Semiotics. Dordrecht : Springer. 2015. P. 321–338.
30. Valverde G. A. Orestes de Vassilis Fotópolos: la deconstrucción filmica de un mito en clave pacifista // Dionysus ex machina. Rivista di studi sul teatro antico 8, 2017. P. 86–103.
31. Wohl V. Euripides and the Politics of Form. Princeton : Princeton University Press. 2015. 224 p.
32. Wyke M. Projecting the Past: Ancient Rome, Cinema and History (New Ancient World). London : Routledge, 1997. 237 p.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 22.09.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0 + 82.09

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-4-26-119

EDN ZFHRTC

Бёклиновский экфрасис в русской литературе: образная и нарративная структура

Чэнь Ци

Аспирант, МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь, КНР

Chenqi718@outlook.com, <https://orcid.org/0009-0001-4945-6610>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу функций экфрасиса произведений Арнольда Бёклина, прежде всего картины «Остров мёртвых», в русской литературе первой половины XX века. Цель статьи – это выявить как визуальные образы Бёклина интегрируются в нарративную структуру художественных текстов и какие функции они выполняют в развитии сюжета, психологической характеристике персонажей и формировании повествовательного пространства. В исследовании рассматриваются различные этапы рецепции «бёклиновского кода» в русской культуре: от ранних поэтических откликов К. Фофанова и А. Фёдорова, в которых образы художника наделяются динамикой и мифологической символикой, до прозаических произведений М. Пришвина, В. Набокова, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Некрасова. Анализ показывает, что экфрасис у Бёклина не сводится к простой дескрипции: он становится инструментом моделирования повествования, отражает психологические состояния героев, выполняет функции культурного маркера и формирует новые семантические контексты. Особое внимание уделяется трансформации «Острова мёртвых»: от мистического символа символистской эпохи – к философскому и пейзажному осмыслиению у Пришвина, где образ соотносится с мотивами северной природы и размышлениями о границах жизни и смерти, затем – к ироническому маркеру культурной девальвации в советской сатире 1920-х годов, далее – к экзистенциальному образу изгнания у Набокова и военной травмы у Некрасова. Таким образом, бёклиновские образы в русской литературе выступают не только предметом эстетического восприятия, но и функциональными элементами нарратива, подтверждая интермедиальный характер взаимодействия живописи и литературы.

Ключевые слова: Бёклин; «Остров мёртвых»; экфрасис; русская литература; нарративная структура; интермедиальность

Для цитирования: Чэнь Ци Бёклиновский экфрасис в русской литературе: образная и нарративная структура // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 4 (26). С. 119–131. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-119>. <https://elibrary.ru/ZFHRTC>.

© Чэнь Ци, 2025

Original article

**Böcklin's ekphrasis in Russian literature:
figurative and narrative structure**

Chen Qi

Postgraduate student, MSU-BIT cooperative university, Shenzhen, PRC, Shenzhen
Chenqi718@outlook.com, <https://orcid.org/0009-0001-4945-6610>

Abstract. This research focuses on analyzing the functions of ekphrasis in Arnold Böcklin's works, primarily the painting Isle of the Dead, in Russian literature of the first half of XX century. The aim of the article is to reveal how Boecklin's visual images are integrated into the narrative structure of fiction texts and what functions they perform in plot development, in psychological analysis of characters and in shaping narrative space. The author examines various stages of Böcklin's code reception in Russian culture: from early poetic responses by K. Fofanov and A. Fedorov in which the artist's images are full of dynamics and mythological symbolism, to prose works by M. Prishvin, V. Nabokov, I. Ilf and E. Petrov, V. Nekrasov. The analysis shows that Böcklin's ekphrasis is not reduced to a mere description: it becomes a tool for modeling the narrative, reflects the characters' psychological states, serves as a cultural marker and forms new semantic contexts. Particular attention is paid to transforming Isle of the Dead: from a mystical symbol of the Symbolist era – to the philosophical and landscape comprehension in Prishvin's work, where the image correlates with the motifs of northern nature and reflections on the boundaries of life and death, then to the ironic marker of cultural devaluation in Soviet satire of the 1920s, then to the existential image of exile in Nabokov's and war trauma in Nekrasov's work. Thus, Böcklin's images in Russian literature act not only as aesthetic objects, but also as narrative functional elements, confirming the intermedial nature of the interaction between painting and literature.

Key words: Böcklin; Isle of the Dead; ekphrasis; russian literature; narrative structure; intermediality

For citation: Chen Qi Böcklin's ekphrasis in Russian literature: figurative and narrative structure. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 4(26): 119–131. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-4-26-119>. <https://elibrary.ru/ZFHRTC>.

Введение

В конце XIX века европейское художественное искусство переживало революцию взглядов на свет и цвет: импрессионисты фиксировали мгновенные визуальные эффекты, постимпрессионисты отражали в мазке энергию и силу, и в это же время швейцарский художник Арнольд Бёклин запечатлевал жизнь

через фильтр синих и оливковых оттенков. Влияние живописи Арнольда Бёклина на русскую культуру конца XIX – первой половины XX века велико. Картины художника, особенно знаменитый цикл «Остров мёртвых», стали важной частью культурного ландшафта Европы, о чём свидетельствуют как многочисленные репродукции в

частных интерьерах, так использование мотивов картины в литературе, музыке и живописи. Для русской традиции «бёклиновский код» оказался особенно важным: он вступил в диалог с поэтикой символизма, с эстетикой художников круга «Мира искусства», а позднее – с литературой эмиграции и даже прозой советской эпохи.

Проблема рецепции творчества Арнольда Бёклина в российской культуре стала важным объектом исследований. В искусствоведении основное внимание уделялось влиянию Бёклина на русских художников-символистов [Завьялова, 2018; Быков, 2020]; в культурологии исследования были сосредоточены на процессе распространения и популяризации его картин в России, прежде всего знаменитого полотна «Остров мёртвых» [Подворная, 2019]. Подобные работы, как правило, опираются на культурно-исторический подход и рассматривают вопросы в восприятии и культурном значении произведений, но редко обращаются к анализу их функциональной роли в литературных текстах – в развитии сюжета и формировании персонажей. Хотя в литературоведении встречаются отдельные исследования, посвященные влиянию Бёклина на модернистскую поэзию [Кузнецова, 2023], работы в основном ограничиваются культурно-историческим или иконографическим подходами, трактуя картины художника как символы или фон. Остается недо-

статочно изученным вопросы: *каким образом непосредственно образы и мотивы Бёклина интегрируются в нарративные структуры русской литературы? Какие функции они выполняют в построении сюжета и характеров?*

Как отмечал сам Арнольд Бёклин, «картина должна о чём-то повествовать, побуждать зрителя к размышлению, подобно поэзии, и производить впечатление» [цит. по: Кассу, 1998, с. 24]. Данное высказывание сближает его живопись с экфразиической традицией и позволяет рассматривать ее в контексте литературного нарратива. Теоретической основой настоящей статьи выступает понятие «экфрасис», исследуемое как словесная репрезентация живописного образа, способная трансформироваться в элемент повествовательной структуры. Как отмечает Дж. А. У. Хеффернан, экфрасис редко ограничивается простой дескрипцией визуального образа; напротив, он «активирует» статичное изображение, превращая его в нарративный ресурс, который может запускать историю или придавать ей новое измерение [Heffernan, 1991]. Именно эта «нарративная энергия» позволяет интерпретировать изображения Бёклина в русской литературе не только как символические образы, но и как структурные элементы, участвующие в организации сюжета и формировании персонажей.

Задача данной статьи заключается в анализе таких функций

экфрасиса, как временные сдвиги, психологическая характеристика персонажей, организация повествовательного пространства, а также роль «структурных образов» в общей композиции произведения. Для более точного раскрытия этих функций исследование опирается также на отдельные концепции нарратологии [Женетт, 1998]. Такой подход позволяет исследовать образы картин Бёклина как элементы, участвующие в построении литературного нарратива, которые рассматриваются за рамками исключительно культурно-исторического или иконографического описания, и видеть в них структурные компоненты русской литературы XX века, а не только символы или фон.

Цель данной статьи – проанализировать образную и нарративную структуру живописи Арнольда Бёклина со всеми стилистическими и иконографическими нюансами. В центре внимания находятся тексты Михаила Пришвина («В краю непуганых птиц»), Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», Владимира Набокова («Машенька», «Король, дама, валет», «Отчаяние», «Terra Incognita», «Лолита»), а также роман Виктора Некрасова («В окопах Сталинграда»). В этих произведениях картины Бёклина задают важные сюжетные повороты, отражают психологическое состояние героев, становятся пространственными и временными маркерами в повествовании.

Таким образом, обращение к «бёклиновскому коду» позволяет выявить новые грани во взаимодействии литературы и живописи, а также уточнить роль интермедиальных образов в формировании романа русской художественной традиции XX века.

Методы исследования

Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном подходе, который сочетает искусствоведческий анализ (технический и иконографический), литературоведческие методы (мотивный и нарратологический), а также интермедиальное сопоставление. Такой комплексный подход позволяет рассматривать экфрастические образы Бёклина не только в их дескриптивной функции, но и в качестве скрытых структурных элементов, участвующих в организации повествования и формировании художественного смысла.

Результаты исследования

В конце XIX века западноевропейское искусство распространялось России не только на выставках и каталогах, но также в форме репродукций, частных коллекций и писем художников. Так постепенно в культурное пространство вошли картины Арнольда Бёклина. Молодой художник Валентин Серов во время поездки по Италии писал: «Кипарисы качаются побёклиновски» [Серов, 1985, с. 91]. А в 1901 году, после смерти Бёклина, поэт и художник М. Волошин в

некрологе назвал «Остров мёртвых» «предтечей нового искусства» [Волошин, 2007, с. 319]. Эти свидетельства показывают, что Бёклинов воспринимался в России не только как автор экзотических пейзажей, но и как художник, предвосхитивший духовные поиски нового времени.

В литературе «Остров мёртвых» стал отправной точкой для поэтических экспериментов. Константин Фофанов в одноимённом стихотворении сохранил ключевые мотивы картины – перевозчик, кипарисы, белая фигура, – но ввёл динамические элементы природы, придав изображению временное измерение и живое движение. Александр Фёдоров, напротив, соединил античный миф с православным представлением о загробном пути души, превратив остров в символ вечного покоя [Фофанов, 2010; Фёдоров, 1908]. Таким образом, поэзия добавила живописи Бёклина больше повествовательности и новых семантических уровней.

В критическом дискурсе реакция оказалась более противоречивой. В 1906 году вышла статья «Марес и Бёклин», в которой Николай Рерих упрекал художника в компромиссе: ради зрелищности он жертвовал «чистотой искусства» [Рерих, 2024]. Однако в более поздней живописи самого Рериха тема острова и перехода к «иному берегу» также проявилась. В картине «Труды Богоматери» Богородица ведет мужчину и женщину к

некому далекому острову. Этот мотив, неслучайно напоминает композицию картины Бёклина, демонстрирующую влияние бёклиновских образов.

Путь Бёклина в русскую культуру был многоаспектен. Его картины каждый раз переосмысливались: в поэзии – через движение и время, в критике – через сомнение и отрицание, в живописи – через новые интерпретации.

В северных путевых заметках Михаила Пришвина «В краю непуганных птиц» (1901) образы картины «Остров мёртвых» являются частью повествования в качестве метафор и словесных пейзажей. Описывая Выгозеро писатель замечает: «Из водной глади тогда всюду вырастают кучки угрюмых елей. Они тесно жмутся друг к другу и будто что-то скрывают между собою. Напоминают они немного бёклиновский “Остров смерти”» [Пришвин, 1901, с. 44].

Здесь живописный образ Бёклина становится для автора инструментом кодирования природного ландшафта. «Водяные ели» выступают одновременно как реальные географические элементы и как символы смерти или потустороннего бытия.

Тем самым повествование приобретает двойную визуальность: деревья и растут и в то же время погружаются в воду подобно надгробиям, как и кипарисы на картине. Благодаря данному экфрасису осуществляется конструиро-

вание повествовательного пространства: пейзаж перестает быть просто фоном и превращается в повествование.

Когда в это пространство входят белые лебеди, происходит новая трансформация образа. В карельском фольклоре лебедь символизирует переселение душ и возрождение; его полет по водной глади перекликается с движением погребальной ладьи на полотне Бёклина. Примечательно, что данное описание вступает в диалог с другой картиной художника – «Островом жизни» (Холст, масло, 93,3 × 140,

1888). На этом полотне изображен цветущий остров, а вместо лодки Харона по воде скользит пара белых лебедей. Включая этот мотив, Пришвин предает живописным мотивам новое значение: экфрасис провоцирует на интертекстуальность, позволяя «Острову мёртвых» и «Острову жизни» вступить в перекличку внутри литературного текста. В этом случае экфрасис не ограничивается презентацией, а направляет читателя к интермедиальным связям, расширяя смысловое пространство повествования.

*Рис. 1. Арнольд Бёклин. «Остров живых» (1888), 93,3 × 140,1 см,
Базельский художественный музей*

В итоге сопоставление елей и лебедей выявляет амбивалентность природного мира: он одновременно жесток и разрушителен, но в то же время бесконечно обновляем. Иными словами, «Остров мёртвых» указывает на поглощающую силу природы, тогда как лебеди придают ей измерение вечного возрождения. Эта двойственность вовлекает читателя в онтологическое размышление: смерть и жизнь оказываются не противоположностями, а моментами единого цикла. Благодаря этому картина Бёклина с помощью экфрасиса включается в нарратив

Пришвина не как простая культурная реминисценция, а как структурный приём, запускающий философскую рефлексию.

В сатирическом романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» (1928) репродукция знаменитого полотна Арнольда Бёклина «Остров мёртвых» появляется в комнате героини Елены Станиславовны Боур: «Над пианино висела репродукция картины Беклина “Остров мертвых” в раме фантазии темно-зеленого полированного дуба под стеклом. Один угол стекла давно вылетел, и обна-

женная часть картины была так от-
делана мухами, что совершенно
сливалась с рамой. Что творилось в
этой части острова мертвых –
узнать было уже невозможно»
[Ильф, 1991, с. 67].

Здесь картина выполняет функцию маркера времени: она обозначает субкультурную среду, в которой находится героиня, ее «музейный антураж», застывший в прошлом и отдаленный от реальности. Пианино, гадальные карты, салфетка «ришелье», попугай и картина Беклина. – все это создают духовный «остров» прошлого. Кроме того, повреждение репродукции выполняет предсказательную функцию в повествовании: трещина в стекле символизирует разрушение культурной оболочки, намекая на то, что старое, сохраненное ею, общественное положение героини обязательно утратит свою актуальность. Статичность картины, как и застойная жизнь героини, становятся зеркалом ее судьбы. Таким образом, экфрасис в данном случае не только выполняет функцию описания, но и отражает судьбу персонажа, показывая её чрезмерную приверженность дореволюционной культуре.

Принципиально важно, что возникает ироничный эффект: духовный высокий символ, который был в первоначальном замысле картины, здесь сатирически преобразуется в символ культурного упадка. Это превращение указывает на то, что в советской культуре 1920-х г. образы Беклина стали использо-

ваться как иронический маркер культурного кризиса, что соответствует сатирической интонации романа.

Владимир Набоков, несомненно, является одним из наиболее активных поклонников картины «Остров мёртвых» Арнольда Бёклина. В нескольких его произведениях обнаруживаются прямые и косвенные отсылки к этому визуальному символу.

В дебютном романе «Машенька» (1926) репродукция «Острова мёртвых» находится в комнате эмигрантки Клары. Пансион изображен как «дом-призрак», населенный «семью потерянными russkimi tenyami» [Набоков, 2009, с. 16]. Картина в таком контексте становится метафорой « затонувшего острова России» для всего эмигрантского сообщества. Картина служит психологической проекцией: неподвижность самого изображения перекликается с неспешностью и безысходностью жизни Клары. Таким образом, экфрасис отражает судьбу персонажей, раскрывая «призрачность» экзистенса изгнания и коллективную травму эмиграции.

Картина Арнольда Бёклина «Остров мёртвых» и роман Владимира Набокова «Король, дама, валет» (1928) вступают в интермедиальный диалог о смерти. Набоков сознательно разрушает сакральный ритуал прощания, превращая его в историю о ненависти и мести. Разочаровавшись в браке с коммер-

сантом Драйером, Марта вовлекает племянника Франца в заговор. Они задумывают «водное погребение», планируя утопить мужа Драйера на обратном пути с острова. Интрига рушится, а сама Марта неожиданно умирает от сердечной болезни. Таким образом, роль белого перевозчика переносится на нее саму, объединяя в ее фигуре палача и жертву.

Ее предсмертное видение: Марта плыла в белой лодке, и на веслах сидели Драйер и Франц [Набоков, 2009, с. 292], и купальник Марты «стягивающий как саван» – данный нюанс присутствует в английской и китайской версиях романа [Nabokov, 1967, pp. 243; 纳博科夫, 2022, p. 283], а в русской редакции отсутствуют метафоры о саване, похоже на иронический переворот. Символика Бёклина трансформируется: остров, некогда воплощавший переход в трансцендентное, становится сценой преступления и интриги. В интерпретации Набокова «Остров мёртвых» утрачивает значение символа высшего упокоения и обретает функцию иронического сценария убийства.

В романе «Отчаяние» (1934) Набоков реализует сложную интермедиальную проекцию. Герман одновременно выступает персонажем и рассказчиком, повествование идет от его лица, однако читатель все время догадывается, что повествователю нельзя доверять. Его нарратив систематически вводит читателя в заблуждение, заставляя поверить то в его внешнее сходство

с Феликсом, то в невероятные истории о родословной. Картина Бёклина в романе размещается на стене рядом с портретом Германа – персонажа, одержимого идеей «эстетизированного преступления». Его «трупная бледность» и «кровавое пятно» у глаза [Набоков, 2006, с. 430] визуализируют вампирическую сущность, тогда как само убийство Феликса осмысливается им как «художественный шедевр». В данном контексте картина «Остров мёртвых» становится метафорической «обложкой» этого произведения: мотивы гроба и перевозчика трансформируются в сюжетные роли, где Герман выступает как Харон. Благодаря эфрасису определяется опасное тождество романтической эстетики картины сюжета и романного преступления.

В новелле “*Terra Incognita*” (1931) Набоков соединяет живописную поэтику сюрреализма и литературную экзистенциальную проблематику. Центральный образ – «скалистый остров» – вступает в философский диалог с картиной Бёклина. В отличие от романтизированного образа смерти у швейцарского художника Набоков воссоздает «лабораторию распада сознания», исследуя нигилистическую природу человеческого бытия. Посредством ненадёжного повествования двух участников экспедиции – этнолога Грэгсона и шута Кука – создается иллюзия. Их фигуры параллельны композиции «Острова мёртвых»: рассказчик –

покойник в гробу («...понесут меня к прохладным холмам, где журчит вода» [Набоков, 2006, с. 570]); Грегсон – пародийный Харон с сачком вместо вёсел. Они движутся к острову, который совмещает физическую цель, зону распада сознания и метафору экзистенциального тупика. Здесь экфрасис выполняет и повествовательную функцию, превращая ткань рассказа в иллюстрацию сюрреалистического образа.

В романе В. Набокова «Лолита» последняя встреча Гумбера с Аннабелль Ли происходит «в лиловой тени розовых скал, образовавших нечто вроде пещеры» [Набоков, 2004, с. 8] – прямая аллюзия на картину Бёклина «Одиссей и Ка-

липсо». На полотне морская нимфа Калипсо в пурпурном гроте удерживает героя, а Одиссей, закутанный словно в саван, погружен в неподвижность. Этот архитектурный образ пещеры (остров-тюрьма) проецируется на навязчивое чувство Гумбера. Знаково, что смерть Аннабеллы происходит на вымыщенном острове Корфу – пространстве, вдохновившем Бёклина. Кипарисы, подобные «дымящимся свечам», становятся метафорой могильных символов, связывая её судьбу с иконографией «Острова мёртвых». Здесь экфрасис также стимулирует повествование: он задает исходное пространство трагедии и определяет семантический горизонт образа Лолиты.

*Рис. 2. Арнольд Беклин. «Одиссей и Калипсо» (1883),
Дерево, масло. 150 × 104 см Базельский художественный музей, Швейцария*

Таким образом, у В. Набокова «Остров мёртвых» претерпевает радикальную метаморфозу: от декадентского мистического символа – к интермедиальному феномену, встроенному в нарративные стратегии. Символика картины выходит за пределы живописи, превращаясь в повествовательный механизм. Бессмертие произведения заключается не в фиксации «веч-

ных истин», а в его способности создавать новые смыслы в меняющихся культурах.

Одним из посетителей Набокова в Монтрё был Виктор Некрасов. В газетной заметке он зафиксировал встречу 1974 года и отметил, что Набоков «читал и даже одобрял “Окопы”» (Некрасов В. Беседа в Гранд-отеле (о Владимира Набокове). Нью-Йорк. Новое Русское Слово

го. 10 апреля 1983 г., № 26104.

URL: [https://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Beseda-v-Grand-Otele-O-Nabokove/\(дата обращения: 20.08.2025\)](https://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Beseda-v-Grand-Otele-O-Nabokove/(дата обращения: 20.08.2025))). Данный факт представляется показательно-символическим, поскольку и в военной прозе Некрасова «В окопах Сталинграда» появляется репродукция картины Арнольда Бёклина «Остров мёртвых». В романе «В окопах Сталинграда» данное полотно висит в гостиной врача Люси: «На стене беклиновский “Остров мёртвых”. Рояль с бюстиком Бетховена. Люся играет “Кампанеллу” Листа» [Некрасов, 1988, с. 58]. Бюст Бетховена, картина и музыка вместе формируют культурное, «интеллигентское» пространство. Однако для солдата, только что вернувшегося с фронта, эта обстановка вызывает чувство неловкости и отчуждения. В этом эпизоде картина Бёклина становится знаком внутреннего конфликта: герой не может слиться с «мирным домом», потому что война и ее «остров мёртвых» продолжают существовать в его душе.

В повествовании экфрасис выполняет функцию внутренней проекции: изображение рождает у героя чувство стыда и одиночества. Он физически выжил и покинул передовую, но духовно остался изгнаниником, словно на «острове смерти». Контраст между музыкой Листа и образом картины лишь усиливает данный образ: ритм жизни противопоставлен неподвижно-

сти и мраку. Таким образом, в русской литературе картина Бёклина выступает не как эстетический объект, а как функциональный знак, «визуальный язык» выражения военной травмы и экзистенциальной тревоги.

Заключение

Настоящее исследование сосредоточено на интермедиальном функционировании картины Арнольда Бёклина «Остров мёртвых» в русской литературе. Поэтические интерпретации К. Фофанова и А. Фёдорова, критика и художественные отклики Н. Периха демонстрируют значимость бёклиновского образа в культурном пространстве Серебряного века. В советский период его семантика претерпевает изменения: в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» репродукция картины превращается в знак культурной девальвации; у В. Набокова она становится элементом повествовательной структуры, выполняя функции иронии, психологической проекции и сюжетного маркера; у В. Некрасова в «В окопах Сталинграда» образ картины осмысляется как визуальный код военной травмы; у М. Пришвина в «В краю непуганых птиц» «Остров мёртвых» вступает в диалог с «Островом живых», создавая символику вечного круговорота жизни и смерти.

Таким образом, «Остров мёртвых» в русской литературе перестает быть лишь культурной аллюзией или декоративной деталью. Карти-

на приобретает статус структурного образа, объединяющего повествовательное пространство, формирующего характеры и являющегося триггером философских размышлений о границах человеческого существования. В указанном аспекте

проявляется главный парадокс искусства: подлинное бессмертие произведения определяется не фиксацией «вечных истин», а способностью создавать новые смыслы в меняющемся культурном контексте.

Библиографический список

1. Бычков В. В. Метафизика пейзажа в символистском искусстве // Культура и искусство. 2020. № 4. С. 53–70. DOI 10.7256/2454-0625.2020.4.31966. EDN MSUKWN.
2. Волошин М. А. Бёклин (3 января 1901) // Волошин М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Москва : Эллис Лак, 2007. С. 318–320.
3. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. Москва : Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
4. Ильф И. А. Двенадцать стульев; Золотой телёнок / И. А. Ильф, Е. П. Петров. Саратов : Изд.-во Сарат. ун-та, 1991. 382 с.
5. Кассу Ж. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / Жан Кассу; При участии Пьера Брюнеля и др.; Пер. с фр. Н. В. Кисловой, Н. Т. Пахсарьян. Москва : Республика, 1998. 428 с.
6. Кузнецова Е. В. Мотивы живописи Арнольда Бёклина в творчестве Ивана Бунина и Андрея Белого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 1. С. 180–194. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-180-194. EDN HTXKDV.
7. Набоков В. Лолита. Москва : АСТ, 2004. 432 с.
8. Набоков В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Том 2. Санкт-Петербург : Симпозиум. 2009. 689 с.
9. Набоков В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Том 3 Санкт-Петербург : Симпозиум. 2006. 705 с.
10. Некрасов В. В окопах Сталинграда. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 1988. 310 с.
11. Подворная А. В. Рецепция творчества А. Бёклина в русской художественной культуре начала XX века / А. В. Подворная, И. С. Черснева // Лепта : ежегодный научно-методический альманах. Выпуск 4. Омск : Омский государственный педагогический университет, 2019. С. 245–254. EDN SNINRR.
12. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Том 1. В краю непуганых птиц. За волшебным колобком. Москва : Художественная литература, 1982. 587 с.
13. Рерих Н. Марес и Бёклин // Вечный источник. Музей Николая Рериха, 2024. – 5 июня. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh-ob-iskusstve/vechnyj-istochnik/287-mares-i-beklin> (дата обращения: 17.07.2024).
14. Серов В. В переписке, документах и интервью: в 2 т. Т. 1. Ленинград : Художник РСФСР, 1985. 487 с.
15. Федоров А. Стихи. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 196 с.

16. Федотова Е. Арнольд Бёклип. Москва : Белый город, 2001. 47 с.
17. Фофанов К. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С. В. Сапожкова. Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 592 с.
18. James A. W. Heffernan: Ekphrasis and Representation. Source: New Literary History, Vol. 22, No.2, Probings: Art, Criticism, Genre (Spring, 1991). S. 297–316.
19. Nabokov. V. King, Queen, Knave. Translated by Nabokov Dmitri. New York. McGraw-Hill Book Company. 1967. 272 с.
20. (美) 弗拉基米尔·纳博科夫. 王, 后, 杰克. 黄勇民译. 上海: 上海译文出版社, 2022. 328 с.

Reference list

1. Bychkov V. V. Metafizika pejzazha v simvolistskom iskusstve = Landscape metaphysics in Symbolist art // Kul'tura i iskusstvo. 2020. № 4. S. 53-70. DOI 10.7256/2454-0625.2020.4.31966. EDN MSUKWN.
2. Voloshin M. A. Bjoklin (3 janvarja 1901) = Böcklin (January 3, 1901) // Voloshin M. Sibr. soch.: v 10 t. T. 5. Moskva : Jellis Lak, 2007. S. 318–320.
3. Zhenett Zh. Figury. V 2-h tomah. Tom 1-2 = Figures. In 2 volumes. Volumes 1-2. Moskva : Izd.-vo im. Sabashnikovyh, 1998. 944 s.
4. Il'f I. A. Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj teljonok = The Twelve Chairs; The Golden Calf / I. A. Il'f, E. P. Petrov. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1991. 382 c.
5. Kassu Zh. Jenciklopedija simvolizma: Zhivopis', grafika i skul'ptura. Literatura. Muzyka = Symbolism Encyclopedia: Painting, graphics and sculpture. Literature. Music / Zhan Kassu; Pri uchastii P'era Brjunelja i dr.; Per. s fr. N. V. Kislovoj, N. T. Pahsar'jan. Moskva : Respublika, 1998. 428 s.
6. Kuznecova E. V. Motivy zhivotopisi Arnol'da Bjoklina v tvorchesstve Ivana Bunina i Andreja Belogo = Arnold Böcklin's art motifs in the works by Ivan Bunin and Andrei Belyi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2023. № 1. S. 180–194. DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-1-180-194. EDN HTXKDV.
7. Nabokov V. Lolita = Lolita. Moskva : AST, 2004. 432 s.
8. Nabokov V. Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 tomah. Tom 2 = Russian period. Collected works in 5 volumes. Volume 2. Sankt-Peterburg : Simpozium. 2009. 689 s.
9. Nabokov V. Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 tomah. Tom 3 = Russian period. Collected works in 5 volumes. Volume 3. Sankt-Peterburg : Simpozium. 2006. 705 s.
10. Nekrasov V. V okopah Stalingrada = In the trenches of Stalingrad. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 1988. 310 s.
11. Podvornaja A. V. Recepacija tvorchestva A. Bjoklina v russkoj hudozhestvennoj kul'ture nachala XX veka = Reception of A. Böcklin's work in the Russian literary culture of the early XX century / A. V. Podvornaja, I. S. Chersneva // Lepta : ezhegodnyj nauchno-metodicheskij al'manah. Vypusk 4. Omsk : Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2019. S. 245–254. EDN SNINRR.
12. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij: v 8 t. Tom 1. V kraju nepuganyh ptic. Za vol-shebnym kolobkom = Collected works: in 8 vols. Volume 1. In the land of unscared birds. Following the magic kolobok. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982. 587 s.
13. Rerih N. Mares i Bjoklin = Mares and Böcklin // Vechnyj istochnik. Muzej Nikola-ja Rericha, 2024. – 5 iyunja. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh-ob-iskusstve/vechnyj-istochnik/287-mares-i-beklin> (data obrashhenija: 17.07.2024).

14. Serov V. V perepiske, dokumentah i interv'ju: v 2 t. T. 1 = In correspondence, documents and interviews: in 2 vols. V. 1. Leningrad : Hudozhnik RSFSR, 1985. 487 s.
15. Fedorov A. Stihi = Poems. Sankt-Peterburg : Tip. M. M. Stasjulevicha, 1908. 196 s.
16. Fedotova E. Arnol'd Bjoklin = Arnold Böcklin. Moskva : Belyj gorod, 2001. 47 s.
17. Fofanov K. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems / vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. S. V. Sapozhkova. Sankt-Peterburg : Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2010. 592 s.
18. James A. W. Heffernan: Ekphrasis and Representation. Source: New Literary History, Vol. 22, No.2, Probing: Art, Criticism, Genre (Spring, 1991). S. 297–316.
19. Nabokov. V. King, Queen, Knave. Translated by Nabokov Dmitri. New York. McGraw-Hill Book Company, 1967. 272 s.
20. (美) 弗拉基米尔·纳博科夫. 王, 后, 杰克. 黄勇民译. 上海: 上海译文出版社, 2022. 328 c.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted on 24.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2025 – № 4 (26)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редактура – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 16,5 п. л., 8,38 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 161. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 24.12.2025

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150066, г. Ярославль, Республикаанская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150066, г. Ярославль, Которосльная наб., 44